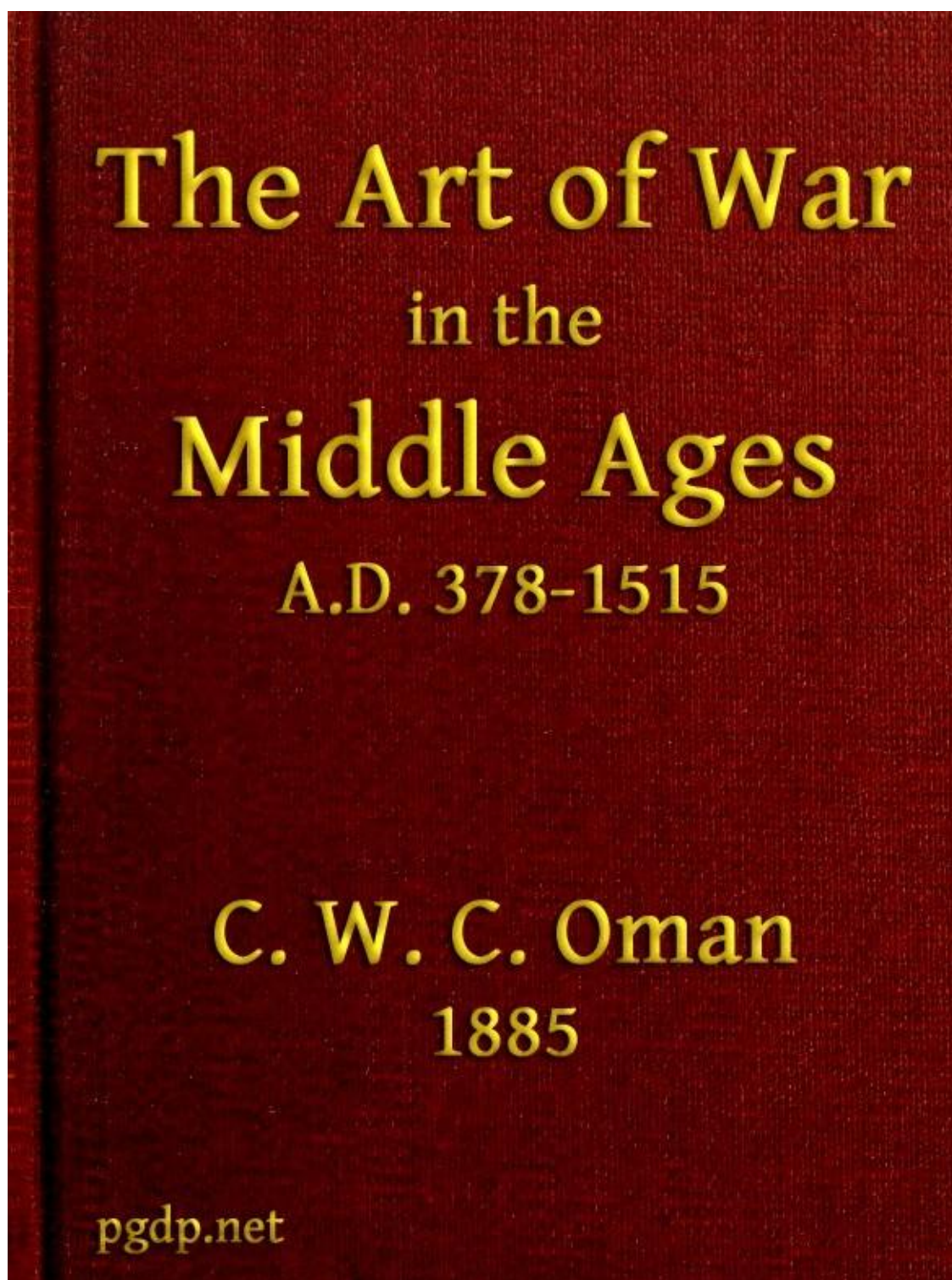

Искусство войны в Средние века 378-
1515 гг. н.э.

Чарльз Оман

The Project Gutenberg eBook of The Art of War in the Middle Ages A.D. 378-1515

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Искусство войны в Средние века 378-1515 гг.

Автор: Чарльз Оман

Дата выхода: 30 ноября 2013 [eBook #44308]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Крисом Курноу, Чарли Ховардом и командой Online Distributed Proofreading Team at <http://www.pgdp.net> (This файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE ART OF WAR IN THE MIDDLE AGES A.D. 378-1515 ***

Примечание переводчика: Транслитерации греческого языка добавлены переводчиком и заключены в {курсивные скобки}. Некоторые устройства заменяют греческие буквы вопросительными знаками или другими символами, которые они не могут отобразить.

Обложка создана транскриптором и помещена в общественное достояние.

Эссе о Лотианской премии
1884

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА

Оксфорд
НАПЕЧАТАНО ГОРАЦИЕМ ХАРТОМ, ПЕЧАТНИКОМ УНИВЕРСИТЕТА

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА
378-1515 ГГ. Н.Э.

ВУ С. У. К. ОМАН, БАКАЛАВР.
СТИПЕНДИАТ КОЛЛЕДЖА ВСЕХ ДУШ

С КАРТАМИ И ПЛАНАМИ

ОКСФОРД
В. Х. БЛЭКУЭЛЛ, 50 ШИРОКАЯ УЛИЦА

ЛОНДОН
Т. ФИШЕР УНВИН, 26 ПАТЕРНОСТЕР-СКВЕР
1885

[Все права защищены]

Автор желает выразить признательность за любезную помощь, полученную при пересмотре и исправлении этого эссе от преподобного Г. Б. Джорджа из Нового колледжа и мистера Ф. Йорка Пауэлла из церкви Христа.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТРАНИЦА
Введение	1
ГЛАВА I.	
Переход от римских к средневековым формам в войне (378-582 гг. н.э.).	
Исчезновение легиона - реорганизация Константина - германские племена - битва при Адрианополе - Феодосий принимает его учение - Вегетий и армия в конце IV в. - готы и гунны - армия Восточной империи - кавалерия, имеющая огромное значение	3-14
ГЛАВА II.	
Раннее Средневековье (476-1066 гг. н.э.).	
Недостаток данных для этого периода.- Франки в VI веке.- Битва при Туре.- Армия Карла Великого.- Франки становятся всадниками.- Северяне и мадьяры.- Рост феодализма.- Англосаксы и их войны.- Датчане и фюрд.- Военное значение Тегенства.- Дом Карлов.- Битва при Гастингсе.- Битва при Дураццо.	15-27
ГЛАВА III.	
Византийцы и их враги (582-1071 гг. н.э.).	
§ 1. Характер византийской стратегии.	
Превосходство византийской армии.- Научное изучение военного искусства.- "Тактика" Лео.- Войны с франками.- С турками.- Со славянами.- С сарацинами.- Пограничные войны христианства и ислама.- Оборона анатолийских тем.- Кавалерия как оборонительная сила.- Профессиональный и нерыцарский характер византийских офицеров.	28-38
§ 2. Вооружение, организация и тактика византийцев.	
Реорганизация армии Восточной империи Маврикием.- Ее состав.- Вооружение всадников, 600-1000 гг. н.э.- Вооружение пехоты.- Военный обоз и инженеры.- Офицеры.- Тактика кавалерии.- Идеальная линия боя Лео.- Военные машины и их значение.	38-48
ГЛАВА IV.	
Превосходство феодальной конницы (1066-1346 гг. н.э.).	
Ненаучный характер феодальной войны.- Последствия наскоков.- Тактические	49-61

приемы.- Их примитивный характер.- Отсутствие стратегии.- Слабость пехоты.- Попытки ввести дисциплину.-Расцвет наемников.-Высокое значение укрепленных мест.-Превосходство обороны.-Средневековая осада.- Усовершенствование искусства атаки и обороны укрепленных мест.-Общий характер кампаний.-Крестовые походы.

ГЛАВА V.

Швейцарцы (1315-1515 гг. н.э.).

§ 1. Их характер, вооружение и организация.

Швейцарцы и древние римляне.- Совершенство системы важнее совершенства полководцев.- Колонна пикинеров.- Алебардист.- Быстрота движений швейцарцев.- Оборонительные доспехи.- Характер швейцарских армий

§ 2. Тактика и стратегия.

Капитаны" конфедератов.-Эшелон из трех колонн.-Формирования "клин" и "еж".

§ 3. Развитие военного превосходства Швейцарии.

Битва при Моргартене.- Битва при Лаупене.- Битва при Семпахе.- Битва при Арбеде.- Моральное превосходство швейцарцев.- Битва при Грансоне.- Битва при Морате.- Войны последних лет пятнадцатого века

§ 4. Причины упадка швейцарского превосходства.

Тактика швейцарцев становится стереотипной.- Ландскнехты и их соперничество со швейцарцами.- Испанская пехота и короткий меч.- Битва при Равенне.- Укрепленные позиции.- Битва при Бикокке.- Усиленное использование артиллерии.- Битва при Мариньяно.- Упадок дисциплины в швейцарских армиях и его последствия

ГЛАВА VI.

Англичане и их враги (1272-1485 гг. н.э.).

Длинный лук и его происхождение, скорее валлийское, чем нормандское.- Его соперничество с арбалетом.- Эдуард I и битва при Фалкирке.- Лук и пика.- Битва при Баннокберне и ее уроки.- Французское рыцарство и английская стрельба из лука.- Битва при Кресси.-Битва при Пуатье.-Дю Гесклен и поражение англичан.- Битва при Азенкуре.-Французские войны, 1415-1453.-Битва при Форминьи.- Войны Роз.-Король Эдуард IV и его генералитет.-Барнет и Тьюксбери.-Тоутон и Феррибридж.

ГЛАВА VII.

Заключение.

Зиска и гуситы.- Крепость Ваггон и тактика, зависящая от нее.- Возвышение и упадок гуситов.- Битва при Липане.- Османы.- Организация и снаряжение янычар.- Тимариотская кавалерия.- Другие народы Европы.- Заключительные замечания

ВВЕДЕНИЕ.

Военное искусство очень просто определяется как "искусство, позволяющее любому полководцу одерживать верх над противостоящими ему силами". Поэтому оно охватывает

огромное количество вопросов: Стратегия и тактика - лишь две наиболее важные его ветви. Помимо вопросов дисциплины, организации и вооружения, она обязана изучать все средства, которые можно приспособить для повышения физической или моральной эффективности армии. Автор, открывший свою работу диссертацией о "возрасте, который предпочтителен для генералиссимуса", или о "среднем росте, которого должен достичь пехотный солдат" ¹, занимался военным искусством не меньше, чем тот, кто ограничивался чисто тактическими рассуждениями.

Учитывая сложную природу предмета, очевидно, что для полного описания состояния "военного искусства" на тот момент потребуется полный очерк социальной и политической истории любого периода. Это искусство существовало в рудиментарной форме с того дня, когда два тела людей впервые встретились в гневе, чтобы разрешить спор с помощью силы. Однако в одни эпохи военная и социальная история были связаны гораздо теснее, чем в другие. В нынешнем веке войны - лишь эпизоды в жизни народа: однако бывали времена, когда вся национальная организация строилась на предположении о нормальном состоянии войн. В таких случаях история расы и ее "военного искусства" - одно и то же. Подробно описать конституцию Спарты или Древней Германии - значит дать не более чем перечень военных институтов. И наоборот, говоря об особенностях их военной науки, мы подразумеваем упоминание многих их политических институтов.

Ни в одно время это взаимопроникновение не было более полным, чем в эпоху, которая составляет центральную часть нашего периода. Феодализм в своем зарождении и развитии имел как военную, так и социальную сторону, и его упадок отнюдь не затронут военными соображениями. Существует точка зрения, с которой его историю можно описать как "подъем, господство и упадок тяжелой кавалерии как главной силы в войне". В определенной степени прослеживание этого тезиса и составит предмет нашего исследования. Именно здесь мы находим ту нить, которая связывает историю военного искусства в Средние века в единое целое. Между Адрианополем, первым, и Мариньяно, последним, триумфами средневекового всадника, лежат главы научной истории войны, которые мы собираемся исследовать.

I. Переход от римских к средневековым формам войны. 378-582 ГГ. Н.Э.

[От битвы при Адрианополе до восшествия на престол Маврикия].

Между серединой IV и концом VI века лежит переходный период в военной истории, эпоха преобразований, столь же странных и столь же полных, как и те современные изменения, которые повернули в новое русло ход политической истории и цивилизации в Европе. В войне, как и во всем остальном, институты древнего мира сходят на нет, и возникает новый порядок вещей.

Как бы многочисленны и поразительны ни были симптомы этого переходного периода, ни один из них не является более характерным, чем постепенный отказ от почетного названия "легион", титула, тесно связанного со всеми эпохами римского величия. Сохранившись в очень ограниченном виде во времена Юстиниана², пятьдесят лет спустя оно устарело. Оно

представляло собой форму военной эффективности, которая теперь полностью исчезла. Это удивительное сочетание силы и гибкости, такое прочное и в то же время такое ловкое и легкое в обращении, перестало соответствовать требованиям времени. День меча и пилума уступил место дню копья и лука. Типичный римский солдат больше не был железным легионером, который со щитом, прикрепленным к левому плечу, и низко опущенной рукоятью меча прорубал себе путь сквозь самую густую изгородь пиктов и стойко выдерживал дикий натиск кельта или [германца](#)³. Организация Августа и Траяна была сметена Константином, и легионы, которые в течение трехсот лет сохраняли свою идентичность, свои гордые почетные титулы и свой *esprit de corps*, больше не знали [себя](#)⁴.

Константин, сократив численность военной части до четверти ее прежней численности и создав множество десятков новых [корпусов](#)⁵, действовал из соображений политической, а не военной [целесообразности](#)⁶. Вооружение и общий характер войск пережили их организацию, и пехота, "robur peditum", по-прежнему оставалась самой важной и многочисленной частью армии. Однако в то же время наметилась тенденция к усилению кавалерии, и доля этого войска по отношению ко всему военному составу неуклонно росла на протяжении всего IV века. Сам Константин, лишив легион дополняющих его "турмаев" и объединив всадников в более крупные самостоятельные структуры, засвидетельствовал их растущее значение. Похоже, что Империя, окончательно отказавшись от наступательных действий в войне и решив ограничиться защитой собственных провинций, обнаружила, что все больше нуждается в войсках, способных быстро перебрасывать себя с одной угрожаемой точки границы на другую. Немцы могли легко отдалить легион, обремененный заботами о его военных машинах и снаряжении. Поэтому для перехвата их рейдов требовалась кавалерия в большем количестве.

Но, по-видимому, другая причина увеличения числа всадников была еще более весомой. Превосходство римской пехоты над врагами уже не было так заметно, как в более ранние эпохи, и поэтому она нуждалась в более сильной поддержке кавалерии, чем это было необходимо ранее. Франки, бургунды и аллеманны времен Константина уже не были полувооруженными дикарями первого века, которые "без шлема или почты, со слабыми щитами из плетеной ткани и вооруженные только [копьем](#)⁷", пытались противостоять укрепленному фронту когорты. Теперь у них были окованные железом баклеры, пика и короткий колющий меч ("скрамасакс"), а также длинный рубящий меч ("спата") и смертоносный "франциска", или боевой топор, который, будь то брошенный или занесенный, пробивал римские доспехи и раскалывал римский щит. Как оружие для рукопашного боя они настолько превосходили старую "раму", что имперской пехоте было нелегко одолеть германское племя. В то же время *моральный дух* римской армии уже не был таким, как прежде: корпуса перестали быть однородными, а недостаточное количество новобранцев восполнялось за счет привлечения рабов и варваров в сами легионы, а не только во вспомогательные [когорты](#)⁸. Хотя войска IV века редко отличались храбростью, они утратили уверенность в себе и сплоченность старой римской пехоты и требовали от полководца гораздо более осторожного обращения. Немногие факты свидетельствуют об этом более убедительно, чем предложение тактика Урбиция снабдить легионеров большим запасом переносных балок и кольев, которые должны были перевозиться на вьючных мулах, прикрепленных к каждой когорте. Они должны были устанавливаться на флангах и впереди легиона, когда существовала вероятность его атаки вражеской конницей: за ними римляне должны были ожидать наступления противника, не пытаясь перейти в [наступление](#)⁹. Это предложение знаменует собой значительный упадок в эффективности имперского пешего солдата: войска предыдущего поколения презрели бы такой прием, привыкшие с легкостью отражать атаки парфянских и сарматских "катафрактов".

Эта тенденция к ухудшению состояния римской пехоты и, как следствие, пренебрежительное отношение к ней со стороны генералов того времени, были доведены до крайности катастрофой. Битва при Адрианополе стала самым страшным поражением римской армии со времен Канн, с которым ее метко сравнил военный автор Аммиан Марцеллин. Император Валенс, все его главные [офицеры10](#) и сорок тысяч человек были оставлены на поле; действительно, армия Востока была почти уничтожена и никогда не была реорганизована по той же схеме, что и раньше.

Военное значение Адрианополя было несомненным; это была победа кавалерии над пехотой. Императорская армия развивала наступление на позиции готов, и между ними завязался жаркий бой, как вдруг во фланг римлян ворвался огромный отряд всадников. Это была главная сила готской конницы, которая находилась на расстоянии фуражировки; получив известие о сражении, она поскакала прямо к полю боя. Два эскадрона Валенса, прикрывавшие фланг его войска, бросились на пути наступающей массы, были сбиты и растоптаны ногами. Затем готы обрушились на пехоту левого крыла, раскатали ее и погнали в центр. Удар был настолько сильным, что легионы и когорты оказались в беспомощном смятии. Все попытки выстоять не увенчались успехом, и через несколько минут левый фланг, центр и резерв представляли собой неразличимую массу. Императорские гвардейцы, легкие войска, уланы, фоедераты и пехота линии были зажаты друг другом в прессе, который с каждым мгновением становился все теснее. Римская кавалерия поняла, что день потерян, и усакала без лишних усилий. Тогда отставшая пехота осознала весь ужас своего положения: не имея возможности развернуться или бежать, они вынуждены были стоять, чтобы быть вырубленными. Это было зрелище, подобное тому, что уже однажды видели при Каннах и должны были увидеть при Росбеке. Люди не могли поднять руки, чтобы нанести удар, так тесно они были упакованы; копья ломались направо и налево, так как их носильщики не могли поднять их в вертикальное положение: многие солдаты были задушены в давке. В эту дрожащую массу вклинились готы, обрушив копья и мечи на беспомощного врага. Только когда две трети римской армии пали, поредевшие ряды позволили нескольким тысячам человек [вырваться11](#) и устремиться за правым крылом и конницей в стремительное бегство.

Такова была битва при Адрианополе, первая великая победа, одержанная тяжелой кавалерией, которая теперь показала свою способность вытеснить тяжелую пехоту Рима как главенствующую силу в войне. Во время своего пребывания в степях Южной России готы, первые из всех тевтонских рас, стали народом всадников. Живя в Украине, они ощущали влияние этой земли, которая всегда была кормилицей конницы, со времен скифа до времен татарина и казака. Они "считали более почетным сражаться на коне, чем [пешком12](#)", и за каждым вождем следовал его конный отряд. Вступив против своей воли в конфликт с империей, они оказались лицом к лицу с армией, которая так долго держала в страхе весь мир. Наступило потрясение, и, вероятно, к своему собственному удивлению, гот обнаружил, что его крепкое копье и хороший конь пронесли его сквозь стройные ряды легиона. Он стал военным арбитром, родоначальником всех рыцарей средневековья, открывателем того господства всадника, которое должно было продолжаться тысячу лет.

Феодосий, на которого была возложена задача реорганизации войск Восточной империи, по-видимому, в полной мере оценил военное значение битвы под Адрианополем. Отказавшись от старой римской теории войны, он решил, что кавалерия должна в будущем составлять важнейшую часть имперской армии. Чтобы обеспечить себя достаточным количеством всадников, он был вынужден пойти на меру, которая должна была разорвать всю преемственность между военной организацией четвертого и пятого веков. Он не стал,

подобно Константину, создавать новые корпуса, а начал набирать оптом всех тевтонских вождей, которых мог подкупить, чтобы они поступили к нему на службу. Военские отряды, следовавшие за этими князьями, не были объединены с национальными войсками; они подчинялись только своим непосредственным командирам и были чужды дисциплине римской армии. Тем не менее, им практически была доверена судьба империи, поскольку они составляли наиболее эффективную часть имперских войск. Со времен Феодосия принц был вынужден полагаться в поддержании порядка в римском мире только на ту степень лояльности, которую постоянный поток титулов и почестей мог получить от командиров "федератов".

Всего через шесть лет после Адрианополя в армии Востока уже было 40 000 готских и других германских всадников, служивших под началом своих вождей. В глазах римских полководцев туземные войска сразу же заняли низшее положение, и справедливость их решения подтвердилась через несколько лет, когда германские наемники Феодосия выиграли для него две битвы, в которых потерпели сокрушительное поражение узурпатор Магнус Максим и его сын Виктор. В обоих случаях римская пехота Запада, галльские легионы, которые всегда считались лучшими пехотинцами в мире, были окончательно разбиты тевтонской кавалерией, следовавшей за штандартом законного [императора](#)¹³.

Картина состояния императорской армии в западных провинциях, нарисованная именно в этот период, сохранилась для нас в труде Вегеция, писателя, чей трактат имел бы гораздо большую ценность, если бы он воздержался от попытки отождествить организацию своего времени с организацией I века, используя одни и те же слова для обозначения совершенно разных вещей. Делая выводы из его высказываний, следует также помнить, что он часто представляет идеальные военные формы в своем воображении, а не те, которые действительно существовали в его время. Например, его легион состоит из 6000 человек, в то время как мы знаем, что в конце четвертого века его численность не превышала 1500 человек. Его работа посвящена одному из императоров, носивших имя Валентиниан, вероятно, второму, поскольку (несмотря на аргументы Гиббона в пользу Валентиниана III) отношения различных видов оружия друг к другу и характер их организации указывают на дату до начала пятого века.

Один факт, упомянутый Вегецием, дает нам дату, когда можно говорить о прекращении непрерывного существования старой римской тяжелой пехоты. Как и следовало ожидать, эта эпоха в точности совпадает с аналогичным изменением на Востоке, последовавшим за битвой при Адрианополе. С момента основания города и до правления святого Грациана, - говорит тактик, - легионеры носили шлем и кирасу. Но когда практика проведения частых смотров и мнимых боев прекратилась, это оружие стало казаться тяжелым, потому что солдаты редко его надевали. Поэтому они выпросили у императора разрешение отказаться сначала от кирасы, а потом и от шлема, и отправились навстречу варварам без защитного вооружения. Несмотря на последовавшие за этим бедствия, пехота до сих пор не вернулась к их использованию..... И теперь, как может римский солдат рассчитывать на победу, когда без шлема, без доспехов и даже без щита (ведь щит нельзя использовать вместе с луком) он идет против [врага](#)¹⁴?"

Вегетий - часто больше ритор, чем солдат - очевидно, неверно объясняет причину этого изменения в снаряжении пехоты. В то время, когда кавалерия облачалась в более полные доспехи, маловероятно, что пехота отказывалась от них из-за простой лени и слабости. Реальный смысл этого изменения заключается в том, что, отчаявшись противостоять всадникам с помощью сплошной линии тяжелой пехоты, римляне обратили свое внимание на использование ракетного оружия - способ противостояния коннице, еще более

эффективный, чем тот, от которого они отказались, как это было показано тысячу лет спустя при Кресси и Азенкуре. О том, что рассказ Вегеция также значительно преувеличен, свидетельствует его перечисление легионерских порядков его собственного времени, где первая шеренга состояла из людей, державших щит, пилум и кирасу (которых он педантично называет "Principes"). Вторая шеренга состояла из лучников, но носила кирасу и копье; только оставшаяся половина легиона полностью отказалась от доспехов и от всего оружия, кроме лука.

Вегеций показывает, что кавалерия, хотя ее значение быстро росло, еще не полностью вытеснила пехоту в такой степени, как в Восточной империи. Хотя без них ни одна армия не может рассчитывать на успех, и хотя они всегда должны быть под рукой для защиты флангов, они, по его мнению, не являются самой эффективной силой. Как антиквар он чувствует привязанность к старой римской организации и, должно быть, действительно несколько отстал от военного опыта своего времени. Однако следует помнить, что франки и аллеманны, главные враги, против которых пришлось сражаться западным легионам, в отличие от готов, были почти все пешими. Только во времена Алариха Рим познакомился с готскими всадниками, эффективность которых Константинополь уже понял и до поры до времени старался субсидировать. Однако во времена Гонория гот стал ужасом Италии, как до этого он был ужасом Балканского полуострова. Его копье и конь вновь заявили о своем превосходстве: полководческий талант Стилихона, обученные лучники и пикинеры реорганизованной римской армии, родные и враждебные эскадроны, чьи ряды прикрывали легионы, оказались недостаточными, чтобы остановить готский натиск. Годы завоеватели скакали по своей воле по Италии: когда они покидали ее, то только по собственному желанию, потому что в мире не осталось войск, которые могли бы изгнать их силой.

День пехоты в Южной Европе фактически прошел: она продолжала существовать, но не как ядро и сила армии, а для различных второстепенных целей - для гарнизонов городов или действий в горных странах. И римляне, и варвары бросили все силы на организацию своей кавалерии. Даже обязанность действовать в качестве легких войск перешла в руки всадников. Римский солдат добавил к своему снаряжению лук, и к пятому веку родная армия империи стала напоминать армию ее старого врага, парфянского государства первого века, состоящую из всадников, вооруженных луком и копьем. Вместе с этими конными лучниками сражались эскадроны фоедратов, вооруженных только копьем. Таковы были войска Аэция и Рцимера, армия, столкнувшаяся с гуннами на равнине Шалона.

Сами гунны были еще одним проявлением силы кавалерии; грозные своей численностью, стремительностью передвижения и постоянным дождем стрел, который они обрушивали на врага, не давая ему приблизиться. В своей тактике они были прототипами полчищ Алп-Арслана, Чингиза и Тамерлана. Но вместе с гуннами в обозе Аттилы шли многие подвластные германские племена, герулы и гепиды, скиры, лангобарды и ругии, схожие с готами как по расе, так и по манере ведения боя. В Шалоне сражались конные лучники и уланы против конных лучников и улан, честный бой с равным оружием. Франкские союзники Аэция были, безусловно, самой важной пехотой на поле, и они были расположены, согласно традиционной тактике Рима, в центре: с одной стороны - вестготские копья, с другой - имперский строй конных лучников и тяжелой кавалерии вперемешку. Победа была одержана не за счет превосходства в тактике, а благодаря жестокому бою, решающим моментом которого стало сбивание местных гуннов более тяжелыми всадниками Теодориха.

Подробно разбирать военное значение всех войн V века не входит в нашу компетенцию. Что касается организации римских армий, то достаточно нескольких слов. На Западе фоедраты стали единственной силой империи, так что, наконец, один из их вождей, прорвав старое

заклятие римского имени, смог стать правителем Италии как по титулу, так и на самом деле. На Востоке упадок туземных войск так и не достиг такого уровня. Лев I (457-474 гг. н. э.), вняв предостережению судьбы Западной империи, решил увеличить долю римлян по отношению к феодалам и осуществил свою цель, хотя для этого пришлось пожертвовать жизнью своего благодетеля, готского патриция Аспара. Зенон (474-491) продолжил эту работу и стал первым императором, использовавшим военные достоинства исавров, или полуроманизированных горцев из внутренних районов Малой Азии. Они не только составили его императорскую гвардию, но и воспитали из них значительное число новых корпусов. Зенон также привлекал армян и других жителей римской границы на Востоке и передал своему преемнику Анастасию армию, в которой варварский элемент был адекватно противопоставлен местным войскам.

Таким образом, победоносные армии Юстиниана состояли из двух разных элементов: иноземных вспомогательных войск, служивших под началом своих вождей, и регулярных императорских войск. Страницы Прокопия дают нам достаточно доказательств того, что в обоих этих подразделениях кавалерия была, безусловно, самым важным оружием. Особой похвалы заслуживают легкие всадники азиатских провинций. С телом и конечностями, облаченными в кольчугу, с колчаном на правом боку и мечом на левом, римский солдат мчался галопом и с одинаковой легкостью выпускал свои стрелы вперед, во фланг или в тыл. В поддержку ему во второй линии шли более тяжелые эскадроны субсидируемых лангобардов, герулов или гепидских князей, вооруженных копьями. "Есть некоторые, - пишет Прокопий, - кто относится к древности с удивлением и уважением и не придает особого значения нашим современным военным институтам: однако именно с помощью последних были достигнуты самые весомые и поразительные результаты". Люди шестого века, по сути, были полностью удовлетворены принятой ими системой кавалерийской тактики и смотрели с определенным превосходством на пехотную тактику своих римских предшественников.

Армия Юстиниана и ее достижения были действительно достойны всяческих похвал; победы были ее собственными, а поражения, как правило, объяснялись жалкой политикой императора, который упорно продолжал делить командование между многими руками, - система, которая обеспечивала повиновение армии в ущерб ее эффективности. Однако в свою защиту Юстиниан мог заявить, что организация армии стала такой, что она представляла постоянную угрозу центральной власти. Система тевтонского "комитата", "военного отряда", окружающего вождя, с которым солдаты связаны личными узами, глубоко укоренилась в имперских войсках. Всегда преобладавший среди феодалов, он распространился от них на туземные корпуса. В VI веке монарх всегда должен был опасаться, что преданность войск своим непосредственным командирам может возобладать над их высшими обязанностями. Белисарий и даже Нарсес были окружены многочисленными телохранителями из избранных людей, связанных с ними присягой. Так, у первого полководца во время его готского триумфа было 7000 всадников-ветеранов. Наличие таких корпусов делало каждого успешного полководца возможным Валленштейном, если использовать более современное название. Таким образом, император, желая избежать преобладания какого-либо одного офицера, объединял в командовании армией несколько человек с противоположными взглядами, что обычно приводило к самым катастрофическим последствиям. Такая организация императорских войск в "банда" ¹⁵, т.е. органы, связанные личными узами со своими лидерами, является характерной военной формой шестого века. О ее распространенности свидетельствует современный обычай называть каждый корпус по имени его командира, а не по какому-либо официальному титулу. Ничто не может быть более противоположным, чем этот обычай, старому римскому прецеденту.

Эффективность армии Юстиниана в вандальских, персидских или готских войнах зависела (как уже было сказано) почти полностью от ее превосходной кавалерии. Войска, тевтонские или восточные, против которых она использовалась, также были всадниками. Вступая с ними в бой, римляне одерживали верх, потому что в каждом случае они могли противопоставить оружию и тактике противника не только схожие методы, но и большее разнообразие средств. Против персидских конных лучников была направлена не только легкая кавалерия, оснащенная оружием того же типа, но и тяжелые конные уланы, которые могли оседлать восточных. Против готской тяжелой кавалерии тех же улан поддерживали конные лучники, которым готам нечего было противопоставить. Однако если римская армия пользовалась всеми преимуществами своего разнородного состава, то, с другой стороны, она была подвержена всем опасностям, которые возникают из-за отсутствия однородности. Ее различные элементы держались вместе только благодаря военной гордости или уверенности в успешном полководце. Поэтому в смутные времена, начавшиеся в конце правления Юстиниана и продолжавшиеся при его преемниках, вся военная организация империи начала разрушаться. Вновь назревали перемены, не менее масштабные, чем те, что ввел Феодосий. В 582 году на престол вззошел император-реформатор Маврикий, который начал переделывать имперскую армию по новому образцу.

II.

Раннее Средневековье. 476-1066-81 ГГ. Н.Э.

[От падения Западной империи до битв при Гастингсе и Дураццо].

Франки, англосаксы, скандинавы и др.

Оставляя обсуждение военного искусства поздних римлян, чтобы исследовать военное искусство народов Северной и Западной Европы, мы переходим из области сравнительного света в область сомнений и неясностей. Данные, которые в истории империи могут иногда казаться скудными и недостаточными, в истории тевтонских рас часто полностью отсутствуют. На основе наших отрывочных сведений оценить военное значение восточных кампаний Ираклия нелегко: но выяснить, каковы были конкретные военные причины, решившие события дня в Вугле или Толбиаке, в Бэдбери или на Небесном поле, совершенно невозможно. О состоянии военного искусства в Темные века приходится узнавать из монашеских хроник и народных песен, из случайных упоминаний византийских историков, из причудливых рисунков иллюминированных манускриптов или заплесневелых фрагментов, найденных в кургане воина.

К счастью, общие характеристики периода делают его военную историю сравнительно простой. В эпоху, когда люди стремились выиграть свои сражения не столько искусными операциями или использованием посторонних преимуществ, сколько упорной борьбой, о стратегии не могло быть и речи. Тактика была стереотипом национальных организаций различных народов. Подлинный интерес веков раннего Средневековья заключается в постепенной эволюции новых форм воинской эффективности, которая заканчивается становлением военного класса как главного фактора в войне, и упадком среди большинства народов старой системы, которая делала племя с оружием в руках нормальной боевой силой. С этим изменением тесно связано изменение вооружения и снаряжения, которое не

менее полно изменило внешний облик войны. Этот переходный период можно считать оконченным, когда в XI веке феодальный кавалерист установил свое превосходство над всеми видами войск, которые ему противостояли, от мадьярских конных лучников на Востоке до англо-датских топороносцев на Западе. Битва при Гастингсе, последняя за три столетия попытка пехоты противостоять кавалерии, знаменует собой завершение эпохи.

Тевтонский народ Северо-Западной Европы, подобно готам и лангобардам, не объяснял свои победы силой своей закованной в кольчугу конницы. Франки и саксы шестого и седьмого веков все еще были пехотой. Похоже, что болота Северной Германии и Шлезвига, а также пустоши и болота Бельгии были менее благоприятны для развития кавалерии, чем степи Украины или равнины долины Дуная. Франк, каким его изображают Сидоний Аполлинарий, Прокопий и Агафий, все еще имел значительное сходство со своими сигамбрийскими предками. Как и они, он был лишен шлема и бронежилета; его щит, однако, стал гораздо более эффективной защитой, чем плетеный каркас первого века: он представлял собой цельный овал с большим железным боссом и ободом. На смену "раме" пришел "ангон" - дротик, не очень длинный и не очень короткий, который можно использовать против врага, схватив его как пику или [метнув](#)¹⁶. Железная головка уходила далеко вниз по древку, на "шее" находились две колючки, которые делали извлечение дротика из раны или пробитого щита практически невозможным. Франциска", однако, была главным оружием народа, от которого получила свое название. Это был однолезвийный боевой [топор](#)¹⁷ с тяжелой головкой, состоящей из длинного лезвия, изогнутого с внешней стороны и глубоко пологого внутри. Он был тщательно утяжелен, чтобы его можно было использовать, как американский томагавк, для метания во врага. Мастерство, с которым франки разряжали это оружие перед тем, как сомкнуться с вражеским строем, было необычайным, а его эффективность сделала его их любимым оружием. Меч и кинжал ("скрамасакс") завершали обычное снаряжение воина; последний представлял собой широкий колющий клинок длиной 18 дюймов, а первый - обоюдоострое рубящее оружие длиной около 2,5 футов.

Таково было снаряжение армий, которые Теодеберт, Баккелин и Лотарь вели в Италию в середине шестого века. Прокопий сообщает нам, что первый из названных принцев привел с собой конницу, однако ее численность была незначительной - несколько сотен на армию в 90 000 человек. Они несли копья и небольшие круглые пряжки и служили телохранителями вокруг персоны короля. Их присутствие, хотя и указывает на новое военное направление среди франков, лишь показывает, что пехота по-прежнему преобладала в их армиях.

Интересная для историка проблема была решена, когда в 553 году н. э. пехотинцы Буцелина встретились с римской армией Нарсеса в битве при Казилинуме. Превосходство тактики и вооружения имперских войск стало одинаково очевидным. Выстроившись в одну глубокую колонну, франки вышли в центр полукруга, в котором расположился Нарсес. Римская пехота и разобранная тяжелая кавалерия вспомогательных войск герулов сдерживали их спереди, а конные лучники сомкнулись с флангов и постигла их та же участь, что и армию Красса. Едва ли хоть один человек из последователей Буцелина ушел с поля боя, как день пехоты для франков, как и для всего остального мира, закончился.

Поэтому мы не удивляемся тому, что с VI по IX век в армиях франков наблюдается постоянное увеличение доли кавалерии; этому соответствует более активное использование оборонительного вооружения. Гребневой шлем классической формы становится обычным для них, а вскоре после этого вводится почтовая рубашка, доходящая до бедер. Император Карл Великий сам внес вклад в вооружение своей кавалерии, приняв защиту для рук и бедер:

'coxarum exteriora in eo ferreis ambiebantur bracteolis¹⁸'. Эта защита, однако, сначала была отвергнута многими франками, которые жаловались, что она ухудшает их посадку на лошади.

При Туре значительное число всадников, по-видимому, служило в армии Карла Мартела: однако общая тактика того дня не была характерна для армии, состоящей в основном из кавалерии. Франки стояли на [месте¹⁹](#) и вели выжидательную битву, пока легкие лошади сарацин не истощили свои силы в бесчисленных безуспешных атаках: тогда они устремились вперед и разгромили тех врагов, у которых хватило духу продолжить бой. Во времена Карла Великого, как нам рассказывают, все важные люди со своими ближайшими последователями имели обыкновение служить на лошадях. Однако национальные войска, в отличие от личных свит монарха и его крупных чиновников и дворян, продолжали составлять пехоту армии, что видно из списка оружия, которое "графы" должны были предоставить для них. В Капитулярии четко сказано, что местные командиры "должны следить за тем, чтобы люди, которых они должны вести в бой, были полностью экипированы, то есть чтобы у них были копье, щит, шлем, почтовая рубашка ("brunia"), лук, две тетивы и двенадцать [стрел²⁰](#)". Таким образом, франки стали тяжелой пехотой в конце VIII века: в IX веке они окончательно отказались от своей старой тактики и поручить все важные операции своей кавалерии.

Можно сказать, что эта трансформация берет свое начало в законе Карла Лысого, который гласил: "ut pagenses Franci qui caballos habent, aut habere possunt, cum suis comitibus in hostem pergant. Будь то просто ратификация существующего положения вещей или введение нового, этот приказ очень характерен для того периода, когда оборона страны переходила в руки одной лишь кавалерии. Из причин, приведших к такому завершению, самой важной был характер врагов, с которыми франкам пришлось сражаться в IX и X веках. Северяне в Западном королевстве, мадьяры в Восточном были мародерами, нацеленными только на грабеж и обязанные своим успехом быстроте передвижения. У викингов была привычка захватывать лошадей в стране, в которую они вторгались, а затем скакать вверх и вниз по всей длине земли, постоянно отдаляясь от медленнодвигающихся местных войск. Венгерские конные лучники совершали вылазки в самое сердце Германии, но при этом им удавалось уходить от преследования. Для пресечения таких набегов пехота была абсолютно бесполезна; как и римляне IV века, франки, вынужденные стоять в обороне, должны были полагаться на свою кавалерию.

Этот кризис в военной истории Европы совпал с распадом всей центральной власти в результате крушения династии Карла Великого. В отсутствие какого-либо организованного национального сопротивления оборона империи перешла в руки местных графов, которые теперь стали полунезависимыми государями. Этим мелким правителям теперь "подчинялись" землевладельцы каждого округа, чтобы получить защиту в эпоху войн и анархии. В то же время и по той же причине более бедные свободные крестьяне "приписывали" себя к землевладельцам. Так была установлена феодальная иерархия и возникла новая военная система, когда "граф" или "герцог" выводил на бой своих вассалов и их конных дружинников.

Как ни регрессивна была эта система с политической точки зрения, она все же свой день успеха: мадьяры были разбиты при Мерсеберге и Лехфельде и отброшены назад через Лейте, чтобы вскоре принять христианство и превратиться в упорядоченного члена европейского содружества. Викинги были ограничены в своих грабительских набегах, изгнаны из своих крепостей в устьях рек и ограничены единственным владением - Нормандией, где они, как и мадьяры, были ассимилированы с остальными членами феодального общества. Силой, которая одержала эти победы и спасла Европу от возвращения к дикости и язычеству Севера и Востока, был одетый в кольчугу всадник. Что

же удивляться, если его современники и преемники прославили его как нормальный тип воина и считали, что никакая другая форма военной эффективности не стоит того, чтобы ее культивировать? Сохранение феодального рыцарства в течение четырехсот лет стало наградой за его триумф в конце Темных веков.

За Ла-Маншем ход истории войны параллелен тому, который она приняла на землях континента, за единственным исключением в форме ее окончательного развития. Как и франки, англ и саксы к моменту завоевания Британии были нацией пехотинцев, вооруженных длинным пепельным копьем, широким мечом, сиксом или широким колющим кинжалом, а иногда и боевым [топором](#)²¹. Их оборонительным оружием был почти исключительно щит, "круглый военный щит" с большим железным боссом. Кольчуга, хотя и была известна им очень рано, была, как свидетельствуют все признаки, крайне редким явлением. Серый боевой сарк" или "кольчужный байрни" Беовульфа могли получить только короли и принцы. Шлем с "кованым железным кабаньим гребнем" также был очень ограничен в использовании. Если монарх и его гезиты носили такое оружие, то национальный сбор, составлявший основную боевую силу гептархического королевства, был полностью лишен его.

На протяжении многих веков англичане, не испытывавшие беспокойства на своем острове, сохраняли старые тевтонские военные обычаи дольше, чем другие европейские народы. Когда Мерсия и Уэссекс враждовали, в кампанию вступали наспех собранные отряды различных округов во главе со своими олдерменами и риверами. Поэтому война носила тот спазматический и бессодержательный характер, который вытекает из временной природы таких армий. При такой слабой военной организации не было возможности разработать планы последовательных и прогрессивных завоеваний. Стойки между различными королевствами, какими бы ожесточенными и непрекращающимися они ни были, не приводили к решающим результатам. Если в IX веке в Англии и начала проявляться тенденция к объединению, то вызвана она была не военным превосходством Уэссекса, а угасанием королевских родов и неблагополучным внутренним состоянием других государств.

Пока эта склонность к объединению развивалась, весь остров подвергся стрессу от той же бури иноземных вторжений, которая потрясла франкскую империю до основания. Датчане обрушились на Англию, продемонстрировав страшным успехом своих набегов, что старая тевтонская военная система была неадекватна потребностям дня. Викинги фактически превосходили все силы, которые им противостояли, - и в тактике, и в вооружении, и в подготовке, и в мобильности. В личном плане датчанин был членом старого воинского коллектива, сражающимся с крестьянином, только что вставшим с плуга, солдатом-ветераном, противостоящим сырым ополченцам. Как профессиональный воин, он обеспечил себя снаряжением, с которым могли соперничать только вожди английской армии: почтовый "байрни" был скорее обычным, чем исключительным средством защиты, а стальная шапка - почти универсальным. С другой стороны, "фюрд" вышел против него без доспехов и с пестрым набором оружия, в котором копье и меч смешивались с дубиной и каменным [топором](#)²². Однако если бы датчане имели привычку ждать, пока к ним подойдут местные левиты, то храбрость и численное превосходство могли бы возобладать над этими преимуществами в снаряжении. Однако целью викингов был не бой, а грабеж: они набросились на какой-нибудь район английского побережья, "сели на [коней](#)²³", а затем

поскакали по всей земле, нанося все возможные повреждения. Владение захваченными лошадьми давало им такую силу быстрого передвижения, с которой не могли сравниться фьёрды: когда местные левиты прибывали на место, где в последний раз видели захватчиков, то находили лишь дым и руины, а не врага. Когда датчан загоняли в бухту - а это, несмотря на их привычное отступление, иногда случалось, - они демонстрировали инстинктивную тактическую способность, используя окопы, с которыми англичане не привыкли иметь дело. За рвом и частоколом, в каком-нибудь выгодном месте, захватчики ждали месяцами, пока накопленная сила фюрда не растает по своим домам.

Нападения на свои позиции они не боялись: линия топорноносцев обычно могла сдержать самый стремительный натиск английских левитов: Рединг был более типичным полем, чем Этандун. На один успешный штурм укрепленного лагеря приходилось два кровавых отпора.

Тридцать лет бедствий предопределили судьбу старой национальной военной организации: чтобы противостоять организованным военным отрядам датчан, требовалось нечто большее, чем фюрд. Социальные результаты вторжения в Англию были схожи с теми, которые мы наблюдали во Франкской империи. Повсеместно свободные "керлы" "хвалили" себя перед соседними землевладельцами. Приняв эту "похвалу", королевство возлагало на себя ответственность за оборону страны. Королевская власть в Англии была в более сильных руках, чем за Ла-Маншем, поэтому новая система не сразу переросла в феодализм. Получив возможность использовать результаты перемен, а не бояться их, Альфред и Эдуард решили использовать их как основу для новой военной организации. В соответствии с этим все владельцы пяти шкур земли были подвергнуты "тегн-сервису" и составили постоянную основу национальной армии. Чтобы дополнить полученную силу, фюрд был разделен на две половины, одна из которых всегда должна была быть наготове. Эти меры привели к самым радостным результатам: ход войны изменился, и Англия вновь утвердилась, пока в X веке не наступила кульминация ее новой силы в великой битве при Брунанбурхе. Тегн, солдат по положению, как и франкский дворянин, теперь стал ведущей фигурой в войне: облаченный в почтовую рубаху и стальную шапку, вооруженный мечом и длинным острым щитом, "отряд избранных" был готов встретить и срубить датских топорщиков. Однако не стоит забывать, что военная проблема того времени значительно упростилась для англичан благодаря расселению захватчиков в пределах Данелава. Враг, у которого есть города, которые нужно сжигать, и усадьбы, которые нужно преследовать, может оказать на него давление, которое невозможно оказать на мародера, чьей основной операций является море. Примечательно, что Эадвард использовал против датчан ту же систему укрепленных позиций, которую они применяли против его предшественников; крепости его новых бургов служили для сдерживания "хересов" местных ярлов. Пяти городов, в то время как король со своими основными силами был занят в других кварталах.

Столетием позже военных реформ Альфреда феодальная опасность, раздробившая франкское королевство, начала давать о себе знать в Англии. Великие эльдормены времен правления Этельреда соответствуют графам времен Карла Толстого в их стремлении перейти из положения чиновников в положение мелких князей. Их возвышение отмечено упадком центральной военной организации для ведения войны; и во время новой серии датских вторжений войска каждого эльдорманства сражаются и падают без какой-либо поддержки со стороны соседей. Англию, по всей вероятности, спасло от судьбы Франции только воцарение Канута. Этот монарх не только вернул провинциальных губернаторов к их прежнему положению делегатов короны, но и укрепил свое положение учреждением Дома Карлов - войска, достаточно многочисленного, чтобы его можно было назвать скорее небольшой постоянной армией, чем просто королевской гвардией.

Эти войска не только являются наиболее характерным знаком существования мощного центрального правительства, но и представляют собой максимум военной эффективности, который можно найти в англо-датском мире. Их тактика и вооружение полностью отличались от тактики и вооружения феодальной аристократии континента, с которой им предстояло сразиться в скором времени. Они носили длинный датский боевой топор - древко длиной в пять футов, оснащенное однолезвийной головкой огромного размера. Он был слишком громоздким для использования на лошади, а то, что им владели обе руки, исключало использование щита в рукопашном [бою](#)²⁴. Удары, наносимые этим оружием, были огромны: ни щит, ни почта не могли им противостоять; они даже были способны, как было показано в Гастингсе, одним ударом отрубить голову лошади. В своем защитном снаряжении хаус-карл ничем не отличался от кавалерии земель за Ла-Маншем: как и они, он носил почтовую рубашку значительной длины, доходившую до бедра, и остроконечный стальной колпак с назальником.

Тактикой английских топорщиков была тактика колонны: выстроившись в компактную массу, они могли отбить почти любую атаку и пробить себе путь через любые препятствия. Их личная сила и стойкость, уверенность в своих силах и *дух корпуса* делали их самыми опасными противниками. Однако их строй портили два недостатка: медлительность в передвижении и уязвимость от ракет. Если на них нападали всадники, они были вынуждены останавливаться и оставаться неподвижными на месте, чтобы сдержать врага своим плотным строем. Если на них издали нападали легкие войска, они также оказывались в невыгодном положении, поскольку не могли достать людей, которые отступали перед ними.

Битва при Гастингсе, первая великая средневековая битва, о которой мы имеем достаточно ясный отчет, чтобы понять причины ее результата, стала последним испытанием этой формы военной эффективности. Поддерживаемые беспорядочными массами фырдов и гномами домашних графств, хаус-карлы короля Гарольда встали в строй, чтобы защитить укрепления Сенлака. Каким бы грозным ни было английское войско, ему противостояло именно то оружие, которое в руках умелого полководца было способно овладеть им. Нормандские рыцари, если бы их не поддерживала легкая пехота, могли бы вечно скакать вокруг неприступных палисадов. Лучники, если бы их не поддерживали рыцари, могли бы быть легко вытеснены с поля боя общим натиском. Однако, объединенные искусной тактикой Вильгельма, две дивизии армии вторжения одержали победу. Саксонская масса подверглась точно такому же испытанию, которое постигло английские войска в битве при [Ватерлоо](#)²⁵: непрерывные атаки доблестной кавалерии чередовались с уничтожающим огнем ракет. Ничто не может быть более изнурительным, чем такое испытание для пехотинца, прикованного к месту необходимостью своего построения. С величайшей стойкостью отражая атаку за атакой, топорщики не могли больше выдерживать дождь стрел. Когда, наконец, всадники в явном беспорядке отступили, большая часть войск Гарольда ворвалась в долину вслед за ними, решив закончить битву наступлением, которое не должно было дать врагу времени на восстановление. Эта ошибка оказалась роковой: отступление норманнов было следствием приказа герцога, а не желанием покинуть поле боя. Кавалерия развернулась, проскакала по разрозненной массе, преследовавшей их, и ворвалась в брешь в английской линии, образовавшуюся в результате неосмотрительного нападения. Как ни отчаянно было их положение, англичане все еще держались: стрелы густо сыпались на них, рыцари прокладывали себе путь среди беспорядочных рядов разбитой армии, но еще три часа продолжался бой. Эта демонстрация мужества только увеличила число убитых: день был безнадежно потерян, и с наступлением вечера немногие уцелевшие части английской армии были рады возможности отступить под покровом темноты. Тактика фаланги топорноносцев была решительно разбита комбинацией лучников и кавалерии Вильгельма.

И снова только на поле, вдали от родной земли, оружие англо-датчан оспаривало победу у копья и лука. Через пятнадцать лет после поражения Гарольда другая группа английских топорщиков - некоторые из них, возможно, сражались при Сенлаке - выступила против армии нормандского принца. Это была варяжская гвардия - знаменитые Πελεκυφόροι {Pelekuphóroi} - императора Алексея [Комнина26](#). Этот принц был занят попыткой снять осаду Диррахия, в который в это время вложился Роберт Гискар. Нормандская армия уже выстроилась перед его линией, а войска Алексея лишь медленно прибывали на поле. Среди передовых частей его корпуса были варяги, которых его забота снабдила лошадьми, чтобы они могли быстро добраться до фронта и совершить поворот. Это им удалось, но когда они приблизились к врагу, их увлекло нетерпение начать бой. Не дожидаясь развития главной атаки греческой армии, топорщики отправили своих лошадей в тыл и сплошной колонной двинулись против норманнского фланга. Набросившись на дивизию под командованием графа Амаури Барийского, они загнали ее, конную и пешую, в море. Однако их успех привел к расстройству рядов, и норманнский принц получил возможность, поскольку основной корпус Алексея был еще далеко, направить все свои силы против них. Энергичная кавалерийская атака отбила большую часть англичан; оставшиеся собрались на небольшом кургане на берегу моря, над которым возвышалась заброшенная часовня. Здесь их окружили норманны, и разыгралась сцена, очень похожая на Сенлак, но в меньшем масштабе. После того как всадники и лучники уничтожили большую часть варягов, оставшиеся упорно держались в часовне. Послав из своего лагеря фашины и бревна, Роберт сложил их вокруг здания и [поджег27](#). Англичане выбегали наружу, чтобы быть убитыми один за другим или погибнуть в пламени: ни один человек не спасся; весь корпус был уничтожен в результате их неуместного стремления открыть бой. Такова была судьба последней попытки пехоты противостоять феодальным войскам XI века. Теперь более двухсот лет не будет подобных экспериментов: превосходство кавалерии было окончательно установлено.

III.

Византийцы и их враги.28 582-1071 ГГ. Н.Э.

[От воцарения Маврикия до битвы при Манцикерте].

(1) Характер византийской стратегии.

Схожая по составу и организации армия, которая в течение 500 лет сдерживала славян и сарацин на границе Восточной империи, отличалась от войск, чье имя и традиции она унаследовала. С "палатинскими" и "лимитарными" "нумерами" Константина она имела так же мало сходства, как и с легионами Траяна. Но, по крайней мере, в одном отношении она напоминала обе эти армии: в свое время она была самой эффективной военной структурой в мире. Люди нижней империи получили скудную справедливость от рук современных историков: их явные недостатки отбрасывают в тень более сильные стороны их характера, а византизм принимается как синоним неспособности в мире и на войне. Многое можно было бы написать в защиту их эпохи, но никогда не бывает так легко создать сильную защиту, как когда их военное мастерство и доблесть преуменьшаются.

"Пороки византийских армий, - говорит [Гиббон29](#), - были неотъемлемыми, а их победы - случайными". Это огульное осуждение настолько далеко от истины, что гораздо правильнее

было бы назвать их поражения случайными, а успехи - нормальными. Плохой генералитет, недостаточная численность, непредвиденные беды, а не неэффективность войск, были обычными причинами катастроф в кампаниях восточных императоров. О превосходстве солдат прямо или косвенно свидетельствует каждый из тех военных трактатов, которые дают нам столь яркую картину военных действий той эпохи. За исключением случаев, когда генерал некомпетентен или окружающие обстоятельства необычайно неблагоприятны, авторы всегда предполагают, что победа будет следовать за знаменем империи. Войскам можно доверять, подобно ветеранам Веллингтона на Пенинсуле, "идти куда угодно и делать что угодно". "Полководец, - говорит Никифор [Фока30](#), - имеющий 6000 нашей тяжелой кавалерии и Божью помощь, больше ни в чем не нуждается". В таком же духе Лев Философ заявляет в своей "Тактике", что, кроме франкских и лангобардских рыцарей, в мире не было всадников, которые могли бы противостоять византийским "катафрактам", когда численность сражающихся приближалась к равенству. Славянин, турок или сарацин могли быть сбиты с ног зарядом, который был достаточно настойчив: только у людей Запада результат удара был сомнителен. Причины превосходства и эффективности византийской армии нетрудно обнаружить. В храбрости они были равны своим врагам, в дисциплине, организации и вооружении - намного превосходили их. Кроме того, они обладали не только традициями римской стратегии, но и полной системой тактики, тщательно разработанной в соответствии с требованиями эпохи.

На протяжении веков война изучалась как искусство на Востоке, в то время как на Западе она оставалась всего лишь вопросом жесткой борьбы. Молодой франкский дворянин считал свое военное образование законченным, если умел крепко сидеть в седле и ловко управляться с копьем и щитом. Византийский патриций, не менее упражнясь в обращении с [оружием31](#), дополнял эмпирические знания теорией, изучая труды Маврикия, Льва, Никифора Фоки и других авторов, чьи книги сохранились только в названиях. Результаты противоположных взглядов, занятых двумя частями Европы, оказались такими, каких и следовало ожидать. Люди Запада, хотя и считали войну самым важным занятием в жизни, неизменно оказывались в проигрыше, когда им противостоял противник, с тактикой которого они не были знакомы. Полководцы Востока, напротив, могли похвастаться тем, что знали, как противостоять и побеждать славян или турок, франков или сарацин, применяя в каждом случае тактические средства, наилучшим образом приспособленные к методам ведения войны их противниками.

Указания на случай различных чрезвычайных ситуаций, данные императором Львом, впечатляют нас как разнообразием задач, поставленных перед византийским полководцем, так и практической манерой, с которой они выполнялись. Они действительно служат ключом ко всей системе военного искусства, как оно понималось в Константинополе.

Франк, - говорит [Лев32](#), - считает, что отступление при любых обстоятельствах должно быть бесчестным; поэтому он будет сражаться, когда вы решите предложить ему бой. Этого нельзя делать до тех пор, пока вы не обеспечите себе все возможные преимущества, поскольку его конница с длинными копьями и большими щитами атакует с огромным напором. Вам следует затянуть кампанию и, по возможности, отвести его на холмы, где его кавалерия менее эффективна, чем на равнине. После нескольких недель без больших сражений его войска, очень восприимчивые к усталости и утомлению, устанут от войны и разойдутся по домам в большом количестве..... Вы увидите, что он совершенно беспечен в отношении аванпостов и разведки, так что вы сможете легко отрезать его отряды и напасть на его лагерь с выгодой для себя. Поскольку в его войсках нет никаких дисциплинарных уз, а только родственные или клятвенные, они впадают в замешательство после выполнения

задания; поэтому вы можете имитировать бегство, а затем повернуть их, когда обнаружите, что они находятся в полном беспорядке. В целом, однако, легче и дешевле измотать франкскую армию стычками и затяжными операциями, чем пытаться уничтожить ее одним ударом".

Главы, из которых взяты эти указания, имеют два разных аспекта интереса. Они представляют нам картину западной армии девятого или десятого века, точного периода развития феодальной кавалерии, нарисованную критической рукой противника. Они также показывают характерные сильные и слабые стороны византийской военной науки. С одной стороны, мы видим, что наставления Льва практичны и эффективны, с другой - что они основаны на предположении, что императорские войска обычно действуют в обороне, а это ограничение должно существенно снижать их эффективность. Однако именно с помощью этой тактики восточным императорам удавалось удерживать свои итальянские "темы" на протяжении 400 лет, отражая все атаки лангобардских герцогов и франкских императоров.

Метод, который Лев рекомендует для сопротивления "туркам" (этим именем он обозначает мадьяр и племена, живущие к северу от Эвксинского моря), во всех отношениях отличается от того, который был направлен против народов Запада. Турецкая армия состояла из бесчисленных отрядов легких всадников, которые носили копья и скимитары, но в победе полагались на свои стрелы. Их тактика была фактически повторением тактики Аттилы, предвестием тактики Алп-Арслана или Бату-хана. Турки были "склонны к засадам и всякого рода стратагемам" и отличались тщательностью, с которой они расставляли свои веды, так что их редко или никогда не могли атаковать врасплох. Однако на открытом поле они могли быть сбиты с ног византийской тяжелой кавалерией, поэтому им рекомендовалось сразу же с ними сближаться, а не обмениваться стрелами на расстоянии. Стойкую пехоту они разбить не могли, да и не хотели ее атаковать, поскольку луки византийских пеших лучников стреляли дальше, чем их собственное более короткое оружие, и они могли подстрелить своих лошадей еще до того, как окажутся на пределе своей собственной дальности. Их доспехи защищали их собственные тела, но не тела их всадников, и они могли оказаться в разобранном состоянии, в котором они были абсолютно беспомощны, поскольку степные кочевники никогда не привыкали сражаться в пешем строю. Поэтому с турками желательно вступать в бой; но поскольку они быстро собираются, всегда нужно преследовать их с осторожностью и не позволять войскам выходить из-под контроля во время погони".

Из этих указаний сразу же становится ясно, насколько сильно отличалась эффективность византийской пехоты от легионов более раннего времени. Солдаты первого века, вооруженные только мечом и пилумом, были уничтожены на расстоянии парфянскими конными лучниками. Принятие лука пехотой изменило ситуацию, и теперь именно конный лучник оказывался в невыгодном положении при обмене ракетами. Он также не мог надеяться восстановить положение с помощью атаки, поскольку "скутати33", или копьеносцы с большим щитом, которые составляли переднюю шеренгу византийской "тагмы", могли держать на расстоянии всадников, вооруженных не тяжелыми копьями Запада, а лишь скимитарами и короткими копьями. Поэтому турки избегали конфликтов с имперской пехотой и использовали свои превосходные двигательные способности, чтобы держаться подальше от нее. Лишь кавалерия, как правило, могла с ним потягаться.

Тактика, рассчитанная на успех против славян, не требует особого внимания. Сервы и словенцы почти не имели кавалерии и были грозны для имперских войск главным образом в горах, где их лучники и копьеносцы, размещенные в труднодоступных местах, могли досаждал захватчику издали, а копьеносцы - внезапно нападать на фланг его походных колонн. Такие атаки можно было предотвратить, проявив должную бдительность, а если

славяне были застигнуты врасплох во время грабительских походов на равнину, их могла настигнуть и разрубить на куски императорская кавалерия.

Для борьбы с [сарацинами34](#), с другой стороны, требовались величайшая осторожность и мастерство. Из всех варварских народов, - пишет [Лев35](#), - они лучше всех разбираются в военных операциях и наиболее благоразумны. Полководцу, которому предстоит встретиться с ними, понадобятся все его тактические и стратегические способности, войска должны быть хорошо дисциплинированы и уверены в себе, чтобы "варварские и богохульные [сарацины36](#)" были отброшены назад через "Клиссуру" Тельца.

Арабы, которых Халед и Амру в седьмом веке повели на завоевание Сирии и Египта, не были обязаны своей победой ни превосходству оружия, ни совершенству организации. Фанатичная храбрость фаталистов позволила им - как и их единоверцам нынешней весной - противостоять лучше вооруженным и лучше дисциплинированным войскам. Однако, обосновавшись на новом месте, когда первый всплеск их бодрости прошел, они не преминули извлечь урок из побежденных ими народов. Поэтому византийская армия послужила образцом для войск Халифов; "они копировали римлян в большинстве своих военных приемов", - говорит [Лев37](#), - как в вооружении, так и в стратегии. Как и имперские полководцы, они возлагали надежды на своих конных улан; но сарацин и его всадник были одинаково невыгодны в атаке. Конь за коня и человек за человека, византийцы были тяжелее и могли сбить восточных воинов, когда наступал последний удар.

Только две вещи делали сарацинов самым опасным противником: их численность и необычайная сила передвижения. Когда намечался поход в Малую Азию, силы алчности и фанатизма объединились, чтобы собрать воедино все беспокойные духи между Хорасаном и Египтом. Дикие всадники Востока мириадами высыпали из ворот Тарса и Аданы, чтобы напасть на плодородные возвышенности анатолийских темов. Это не регулярные войска, а смешанная толпа добровольцев: богатые служат из гордости за свой род, бедные - из надежды на грабеж. Многие из них идут в бой, потому что верят, что Бог радуется войне и обещал им победу. Те, кто остается дома, мужчины и женщины, помогают вооружать своих более бедных соседей и считают, что тем самым делают доброе дело. Таким образом, в их армиях нет однородности, поскольку опытные воины и необученные грабители идут бок о [бок38](#)". Оказавшись за перевалами Тавра, огромная орда сарацинских всадников оторвалась от своих коммуникаций и понеслась по Фригии и Каппадокии, сжигая открытые города, изводя сельскую местность и нагружая своих тягловых животных добычей из региона, который в те времена был одним из самых богатых в мире.

Теперь византийскому полководцу предстояло показать свой металл: сначала он должен был настигнуть врагов, а затем сразиться с ними. Первая задача была не из легких, ведь сарацины в первые дни своего набега могли преодолевать невероятные расстояния. И только когда он нагружался и набивал себя добычей, его обычно удавалось поймать.

Когда весть о набеге доходила до генерала "анатолийской" или "армянской" темы, он должен был немедленно собрать всех боеспособных всадников в своей провинции и ударить по врагу. Необученные люди и слабые лошади остались позади, а пехота не могла надеяться успеть за быстрыми передвижениями, которые теперь предстояло предпринять. Поэтому Лев отправил всю пешую пехоту занять "Клиссуру" Тавра, где, даже если кавалерия не настигнет захватчика, его отступление может быть задержано и затруднено на перевалах, где он не сможет сражаться с пользой для себя.

Однако именно в кавалерии заключалась надежда византийского полководца на успех. Чтобы выяснить положение противника, он должен не жалеть сил: "Никогда не

отворачивайся от свободного человека или раба, днем или ночью, хоть ты спишь, ешь или купаешься, - пишет Никифор Фока, - если он скажет, что у него есть для тебя новости". Когда след сарацина был обнаружен, его следовало преследовать без остановки и выяснить его силы и цели. Если вся Сирия и Месопотамия была настроена на вторжение, а не просто на вылазку, генерал должен смириться обороной и держаться только на флангах противника, отсекая его отряды и не допуская грабежа отрядами. Никаких боевых действий не должно быть до тех пор, пока "все темы Востока не будут отправлены в поход"; приказ, который предоставит в распоряжение главнокомандующего около 25 000 или 30 000 тяжелой кавалерии³⁹, но будет стоить потери драгоценного времени. Эти сарацинские "рейды варденов" (если можно позаимствовать выражение из аналогичных экспедиций наших бордеров) случались сравнительно редко: редко когда все византийские силы в Азии оказывались перед лицом врага в большом сражении. Более характерным для сарацин было вторжение жителей Киликии и Северной Сирии при содействии случайных искателей приключений из внутренних магометанских земель.

Чтобы встретить их, византийский полководец, вероятно, имел под рукой не более 4000 тяжелой кавалерии из своей собственной темы; силы, для управления которыми Лев дает подробные тактические указания⁴⁰. Когда он сталкивался с налетчиками, они поворачивались и предлагали ему сразиться: их натиск не стоило презирать. Несмотря на то, что противники были неравны друг с другом, они обычно превосходили их числом и всегда наступали очень уверенно. Вначале они очень смелы в ожидании победы; они не повернут сразу, даже если их строй будет прорван нашим ударом⁴¹. Когда они полагают, что силы противника ослабевают, они все вместе бросаются в атаку, прилагая отчаянные усилия⁴². Если, однако, это не удастся, то обычно наступает разгром, "ибо они думают, что все несчастья посылаются Богом, и поэтому, если их однажды побьют, они воспринимают свое поражение как знак божественного гнева и больше не пытаются защищаться⁴³". Поэтому мусульманскую армию, когда она обращалась в бегство, можно было преследовать à l'outrance, и старая военная максима "Vince sed ne nimis vincas" была предостережением, которым византийский офицер мог пренебречь.

Секрет успеха в схватке с сарацинами заключался в тактике кавалерии, которая на протяжении трех столетий находилась в процессе совершенствования. К X веку она достигла своего совершенства, и опытный солдат Никифор Фока подтверждает ее эффективность. Их отличительной особенностью было то, что войска всегда располагались в две линии и резерв, с эскадронами, выделенными на флангах для предотвращения разворота. Противник наступал одной очень глубокой линией и никогда не мог выдержать трех последовательных ударов, когда первая линия, вторая линия и резерв один за другим бросались в бой против них. Византийцы уже открыли для себя великую заповедь, которую современная военная наука считает своей: "В кавалерийском бою побеждает та сторона, которая сдерживает последний резерв⁴⁴". Точное построение, использовавшееся в этих случаях, тщательно описанное нашими властями, заслуживает подробного описания и будет приведено в нашем разделе, посвященном организации византийской армии.

Существовало и несколько других методов борьбы с сарацинским захватчиком. Иногда, когда он наступал большими силами, было целесообразно держаться в тылу отступающих грабителей и обрушиваться на них только тогда, когда они проходили "клиссуры" Тавра. Если пехота уже была на месте, чтобы помочь преследующей кавалерии, успех был почти гарантирован, когда сарацины и их вереница зверей, нагруженных добычей, оказывались зажатыми в проходах. Тогда их могли подстрелить лучники, и они ни минуты не стояли, видя, как их лошадей, "фарийцев", которых они почитают превыше всего⁴⁵, издалека поражают

стрелы; ведь сарацин, если он не участвует в ближнем бою, готов на все, чтобы уберечь свою лошадь от вреда.

Холодная и дождливая погода также была неприятна для восточного захватчика: порой, когда она преобладала, он не проявлял своей обычной стойкости и смелости, и на него можно было напасть с большой выгодой. Многие можно было сделать, совершив энергичный набег на его страну и опустошив Киликию и Северную Сирию в тот момент, когда стало известно, что его войска прошли на север в Каппадокию. Эта разрушительная практика применялась очень часто, и вид двух врагов, каждый из которых опустошает территорию другого, не пытаясь защитить свою, был слишком знаком жителям пограничных районов христианства и ислама. Набеги по морю дополняли набеги по суше. "Когда киликийские сарацины уходят через перевалы, чтобы преследовать страну к северу от Тавра, - говорит Лев, - командующий кибирской темой должен немедленно отправиться на корабле со всеми имеющимися силами и опустошить их побережье. Если же они отплыли, чтобы покуситься на прибрежные районы Писидии, то клиссурархи Тавра могут без опаски опустошить территории Тарса и Аданы".

Ничто не может яснее, чем эти указания, показать среднее мастерство византийского офицера. Сам Лев не был человеком с выдающимися способностями, а его "Тактика" предназначена скорее для кодификации существующего военного искусства, чем для создания нового. Тем не менее, эта книга - та, равной которой не могло быть написано в Западной Европе до шестнадцатого века. Одним из самых поразительных моментов является полное отличие ее тона от современных настроений в остальном христианстве. В византийском тексте нет ни искры рыцарства, хотя профессиональная гордость проявляется в изобилии. Храбрость рассматривается как одно из условий, необходимых для достижения успеха, а не как единственная и главная добродетель воина. Лев считает кампанию, успешно завершленную без большого сражения, самым дешевым и удовлетворительным завершением войны. Он не уважает воинственный пыл, который заставляет людей с готовностью бросаться в бой: для него это скорее характерная черта безмозглого варвара, и атрибут, смертельно опасный для любого, кто претендует на полководческое искусство. Он проявляет сильное пристрастие к стратагемам, засадам и имитации отступления. К офицерам, которые сражаются, не обеспечив предварительно все преимущества своей стороне, он относится с величайшим презрением. С какой-то интеллектуальной гордостью он дает указания, как посылать *парлементариев* к противнику без какой-либо реальной цели, кроме как выяснить численность и эффективность его сил. В качестве самого обычного и морального совета он дает намек на то, что разбитый генерал часто может найти время для отступления, послав эмиссара с предложением о капитуляции (которое он не намерен выполнять) к вражескому [командующему](#)⁴⁶. Он не прочь прибегнуть к старинному трюку - направить изменнические письма подчиненным офицерам вражеской армии и сделать так, чтобы они попали в руки главнокомандующего, чтобы вызвать у него подозрения в отношении своих лейтенантов. Подобные схемы являются "византийскими" в худшем смысле этого слова, но нельзя допускать, чтобы их характер ослеплял нас в отношении реальных и экстраординарных достоинств стратегической системы, в которую они были вставлены. Искусство войны", как его понимали в Константинополе в десятом веке, было единственной схемой истинного научного достоинства, существовавшей в мире, и не имело себе равных вплоть до шестнадцатого века.

(2) Вооружение, организация и тактика византийских армий.

Можно сказать, что своей особой формой византийская армия обязана императору Маврикию, принцу, чье правление является одной из главных вех в истории нижней

[империи47](#). Удачная сохранность его "Стратегикона" свидетельствует о том, что реорганизация войск Востока была в основном его заслугой. Современные историки также упоминают его реформы, но без подробностей, и сообщают нам, что, хотя им суждено было продержаться, они снискали ему большую непопулярность среди солдат. Однако более поздние авторы ошибочно приписывают эти изменения более знаменитому воину [Гераклию48](#), принцу, который пронес римские штандарты дальше всех своих предшественников в земли Востока. В действительности же армия Гераклиев уже была реорганизована достойным, но неудачливым Маврикием.

Самым важным из изменений Маврикия была ликвидация системы, несколько напоминающей тевтонский "комитатус", которая пробралась из среды фоедратов в ряды регулярной римской армии. Лояльность солдата обеспечивалась скорее императору, чем его непосредственным начальникам, благодаря тому, что назначение всех офицеров выше центуриона было заботой центрального правительства. Таким образом, командир армии или дивизии больше не имел в своих руках власти и покровительства, которые давали ему возможность стать опасным для государства. Люди оказывались в подчинении делегатов императора, а не квазинезависимых властей, которые набирали их как личных последователей, а не как единицы в военном ведомстве империи.

Эту реформу Морису удалось провести, что очень благотворно сказалось на дисциплине и верности его армии. Далее он взялся за приведение всех сил империи к единой форме организации. Стремительное сокращение доходов государства, начавшееся к концу правления Юстиниана и продолжавшееся все больше и больше, очевидно, привело к значительному уменьшению числа иностранных наемников, служивших в римской армии. Этому же способствовало и то, что из лангобардов, герулов и гепидов, народов, составлявших большинство императорских фоедратов, одна раса перебралась в другие места, а другие были истреблены. Наконец, численность иностранного корпуса упала до такого низкого уровня, что ассимиляция его организации с остальной армией не представляла никакой военной опасности.

Новой системе, введенной Морисом, суждено было просуществовать почти пятьсот лет. Ее единицей, как для пехоты, так и для кавалерии, был βάνδον [{bandon}49](#) - слабый батальон или конный полк в 400 человек, которым командовал офицер, обычно носивший вульгаризированный титул "[comes50](#)", но иногда обозначавшийся более древним именем τριβῶνος [{tribōnos}](#), или военный трибун. Три "группы" (или τάγματα [{tagmata}](#), как их иногда называли) составляли небольшую бригаду, называвшуюся неодинаково μοῖρα [{moira}](#), χιλιάρχια [{chiliarchia}](#) или δροῦγγος [{droungos}51](#). Три "друнга" составляли самую большую военную группу, признанную Морисом, а подразделение, созданное их союзом, было "турма" или μέρος [{meros}](#). Ничто не может быть более характерным для всей византийской военной системы, чем любопытное сочетание латинских, греческих и немецких слов в ее терминологии. На субстрате старых римских названий мы находим сначала слой тевтонских имен, привнесенных "фоедратами" четвертого и пятого веков, и, наконец, многочисленные греческие обозначения, некоторые из которых заимствованы из старой македонской военной системы, а другие придуманы заново. Весь официальный язык империи фактически все еще находился в состоянии текучки; самого Мориса его подданные приветствовали как "Пия, Феликса, [Августа52](#)", хотя те, кто использовал этот титул, в большинстве своем привыкли говорить по-гречески. В "Стратегиконе" эти два языка неразрывно смешаны: "Перед битвой, - говорит император, - пусть графы встанут лицом к своим отрядам и

произнесут боевой клич "Δεοῦς Νοβίσκοϋμ {Благородный Нобискум}" (Deus nobiscum), а воины выкрикнут ответный клич "Κύριε, Ἐλέησον {Кири, Элеасон}."

Похоже, что Морис намеревался разрушить барьер, возникший в IV веке между классом, который платил налоги, и классом, который набирал национальную армию. "Мы желаем, - пишет он, - чтобы каждый молодой римлянин свободного состояния научился пользоваться луком и был постоянно снабжен этим оружием и двумя копьями". Однако если это должно было стать первым шагом к введению всеобщей воинской службы, то дальше этого замысла дело не пошло. Триста лет спустя Лев повторяет те же слова, но скорее как благочестивое пожелание, чем как практическую целесообразность. Однако рядовой состав императорских войск теперь почти полностью формировался внутри королевства, и почти каждый народ, живущий в его пределах, за исключением греков, поставлял значительное число солдат. Армяне и исавры в Азии, "фракийцы" и "македонцы" - или, правильнее сказать, полуроманизированные славяне - в Европе, считались лучшим материалом для вербовки.

О необычайной неизменности всех византийских институтов говорит тот факт, что через триста лет после смерти Мориса его уложения были найдены почти без изменений. Главы "Тактики" Льва, посвященные вооружению и организации войск, представляют собой не более чем повторение аналогичных частей "Стратегикона" его предшественника. Описание тяжелого и легкого всадника, а также пехотинца идентичны в обеих работах, за исключением нескольких терминологических моментов.

Тяжеловооруженный καβαλλάριος {kaballarios} в обе эпохи носил стальной колпак, увенчанный небольшим гребнем, и длинную почтовую рубаху, доходившую от шеи до бедер. Его также защищали перчатки и стальные башмаки, а поверх одежды обычно надевали легкий сюртук. Лошади офицеров и людей первого эшелона были снабжены стальными попонами и поводьями. Вооружение солдата состояло из широкого меча (σπάθιον {spathion}), кинжала (παράμῃριον {paramêrion}), всаднического лука и колчана, а также длинного копья (κοντάριον {kontarion}), прикрепленного ремешком к прикладу и украшенного небольшим баннеродем. Цвет баннероде, гребня и сюртука соответствовал цвету полкового штандарта, и ни одна из двух "групп" в одной "турма" не имела штандартов одинакового оттенка. Таким образом, строй представлял собой единый и упорядоченный вид, каждая группа демонстрировала свои полковые знаки различия. К седлу каждый всадник пристегивал длинный плащ, который он надевал в холодную и дождливую погоду или когда в целях маскировки хотел не показывать блеск своих [доспехов](#)⁵³.

Легкий воин имел менее полное снаряжение: иногда это был почтовый или роговой кираса, в других случаях - только легкая почтовая накидка, закрывавшая шею и плечи. Он носил большой щит - защита, которую не мог использовать тяжелый всадник, так как для натяжения лука ему требовались обе руки. В качестве оружия легкая кавалерия носила копье и меч.

Пехота, которая значительно уступала всадникам по значимости, как и они, делилась на две части - тяжелую и легкую. Скутаты (σκούτατοι {skoutatoi}), или войска первого класса, носили стальной шлем с гребнем и короткую почтовую рубаху; они несли большой продолговатый щит (θύρίς {thyris}), который, как и их гребни, был того же цвета, что и полковое знамя. Их главным оружием был короткий, но тяжелый боевой топор (τζικούριον {tzikourion} = securis) с лезвием спереди и шипом сзади: они также были снабжены кинжалом. Легкая пехота (ψιλοί {psiloi}) не носила защитных доспехов; она была снабжена мощным луком, который стрелял гораздо дальше, чем оружие всадника, и поэтому был очень грозен для вражеских конных лучников. Несколько отрядов, набранных из провинций, где лук был мало известен, вместо

него несли два или три копья (ῥιπτάρια {rhiptaria}). Для рукопашного боя псилои были снабжены топором, подобным тому, что был у skutati, и очень маленькой круглой мишенью, которая висела у них на [поясе54](#).

К армии был прикреплен обширный обоз некомпатантов. В кавалерии у каждого четырех воинов был конюх; в пехоте у каждого шестнадцати человек был слуга, который возил телегу, содержащую "ручную мельницу, крюк, пилу, две лопаты, молоток, большую плетеную корзину, косу и две [кирки55](#)," кроме нескольких других предметов, о принадлежности которых словарь не дает никаких [сведений56](#). Таким образом, двадцать лопат и двадцать кирок на "[столетие57](#)" всегда были в наличии для рытья окопов; это достижение, которому современная пехотная рота была бы рада, если бы смогла найти аналог. Организация византийской армии была настолько совершенной, что в ней имелся не только "военный обоз", но даже санитарная бригада, состоявшая из носильщиков (σκριβῶναι {skribōnai}) и хирургов. О том, как ценились жизни солдат, говорит тот факт, что "скрибони" получали "[nomisma58](#)" за каждого раненого, которого они выносили при отступлении войск. Специальным офицерам было поручено следить за маршем этой массы некомпатантов и транспортных средств, которая в совокупности называется "тулдум" (τοῦλδον {touldon}) и составляет не последнюю часть забот трудолюбивого автора "Тактики".

Те части трудов Маврикия и Льва, которые посвящены тактике, показывают гораздо большую разницу между методами шестого и девятого веков, чем это заметно в других частях их военных систем. Главы Льва, что вполне естественно, имеют более интересный характер, чем главы его предшественника. Наиболее важные из его постановлений заслуживают нашего внимания.

Прежде всего, следует отметить, что была возобновлена старая римская система строительства окопов вокруг армии каждый раз, когда она отдыхала на ночь. Корпус инженеров (Μένσορες {Mensores} (sic)) всегда шел с фургонной охраной и, когда объявлялся вечерний привал, очерчивал кольями и веревками контур лагеря. Когда основной корпус подходил, "тулдум" устанавливался в центре корпуса, а пехотные "банды" прокладывали ров и вал по линиям мензорских веревок, причем каждый корпус выполнял определенный объем работы. Густая цепь пиктов располагалась далеко от лагеря, так что застать врасплох, даже в самую темную ночь, было практически [невозможно59](#).

Главная особенность византийской системы тактики - малый размер различных подразделений, задействованных в операциях, что является верным признаком наличия высокой степени дисциплины и подготовки. В то время как западная армия проходила свой беспорядочный путь, организованный в две или три огромные "битвы", каждая из которых насчитывала многие тысячи человек, византийская армия равной силы была бы разделена на многие десятки частей. Лев, похоже, не предполагает существования колонны большей силы, чем одна "группа". Тот факт, что в линии, состоящей из стольких отдельных подразделений, можно было найти порядок и слаженность, является лучшим свидетельством высоких средних способностей офицеров в подчиненных командах. Эти "графы" и "мойрархи" в девятом и десятом веках в большинстве своем были набраны из рядов византийской аристократии. "Ничто не мешает нам, - говорит [Лев60](#), - найти достаточное количество людей богатых, а также мужественных и высокородных для комплектования нашей армии. Их знатность делает их уважаемыми солдатами, а их богатство позволяет им завоевывать наибольшую популярность среди своих солдат случайными и разумными подарками небольших удобств". Настоящий военный дух существовал среди знатных семей Восточной империи: такие дома, как Склерос и Фока, Бриенний, Керкуас и Комнин, дают поколение за поколением офицеров для национальной

армии. Пройдя через ворота Константинополя, патриций оставлял позади роскошь и интриги и становился на поле боя увлеченным профессиональным [солдатом](#)⁶¹.

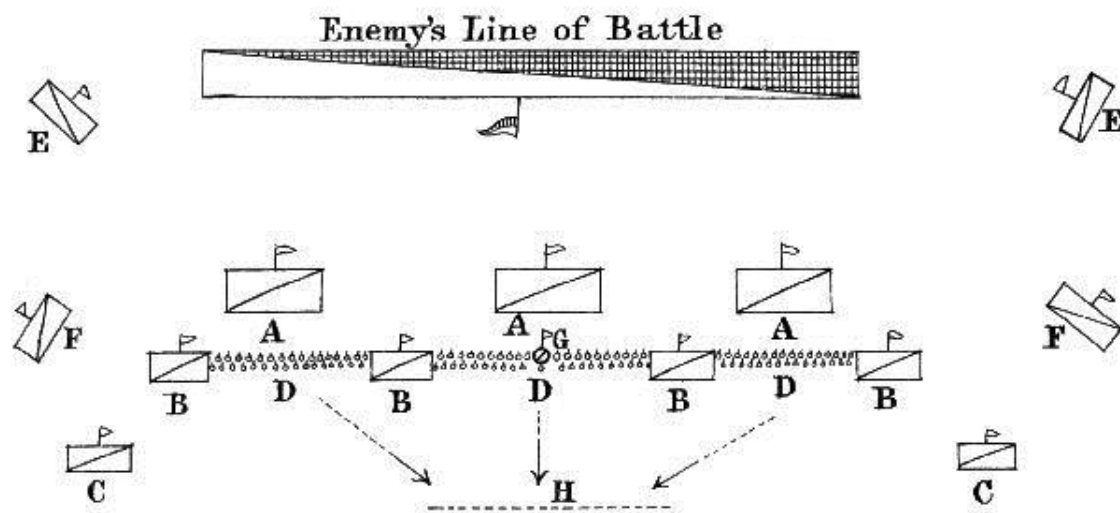
Пехота играет в работах Лео весьма второстепенную роль. Настолько, что во многих своих тактических указаниях он дает набросок порядка, который должна соблюдать только кавалерия, не упоминая о пехоте. Это объясняется тем, что при столкновении с быстро движущимся противником, таким как сарацины или турки, пехота в момент боя, скорее всего, будет находиться на много маршей в тылу. Поэтому, чтобы показать наиболее типичное развитие византийской тактики, мы выбрали для описания "турма" из девяти "банд", или 4000 человек, расположенных в порядке, перед столкновением с противником, чьи силы состоят из всадников.

Передняя линия состоит из трех "банд", каждая из которых выстраивается в линию глубиной семь (или иногда пять) человек. Эти войска принимают на себя первый удар. За первой линией располагается вторая, состоящая из четырех полубанд, каждая из которых вытянута в линию глубиной десять (или, иногда, восемь) человек. Они располагаются не непосредственно за передними полосами, а в промежутках между ними, чтобы, если первая линия будет отбита, они могли отступить, но не к своим товарищам, а в промежутки между ними. Чтобы создать впечатление сплоченности во второй линии, один бандон делится на три части, и его люди выстраиваются по двое в промежутках между четырьмя полубандами. Эти войска, видя, что люди первой линии отбиты назад и попадают в промежутки второй линии, направляются в тыл и образуют поддержку позади центра массива. Основной резерв, однако, состоит из двух полубанд, расположенных на флангах второй линии, но значительно сзади. Именно в линию с ними должен выстроиться отступающий бандон, о котором мы только что говорили. К каждому флангу главного корпуса примыкал полубандон из 225 человек; они назывались *πλαγιοφύλακες* {плагиофилаки}, и на них возлагалась обязанность противостоять попыткам повернуть фланги "турмы". Еще дальше, по возможности под прикрытием, располагались два других корпуса такой же силы; в их обязанности входило стараться зайти в тыл врага или, во всяком случае, потревожить его фланги неожиданными нападениями: эти войска назывались *ἑνεδροί* {Enedroi}, или "лиры в ожидании". Позиция командира обычно находилась в центре второй линии, где он мог получить лучшее общее представление о ходе боя, чем если бы он сразу бросился в бой во главе передовых эскадронов.

Такой порядок боя заслуживает всяческих похвал. Он предусматривает ту череду ударов, которая является ключом к победе в кавалерийском бою; до пяти различных атак было бы сделано на врага, прежде чем весь импульс византийских сил был бы исчерпан. Расположение второй линии за интервалами первой исключало возможность расстройств всего войска при отражении первых эскадронов. Разбитые войска имели бы позади себя свободное пространство для сплочения, а не тесную линию, в которую они могли бы внести свой беспорядок. Наконец, удар резервных и отрядных войск будет нанесен не по центру противника, который будет прикрыт остатками первой и второй линий, а по его флангу, его самому незащищенному и уязвимому месту.

Еще одно представление о превосходной организации византийской армии дает тот факт, что в небольших столкновениях каждый корпус делился на две части, одна из которых, курсоры (*κοῦρσορες* {koursores}), представляла собой "линию стычки", а другая, дефенсоры (*διφένσορες* {diphensores}), - "опору". Первые в случае с пехотой-турмой, конечно, состояли из лучников, вторые - из skutatov.

Давать полный очерк "Тактики" Лео было бы утомительно и ненужно. Достаточно уже приведенных указаний, чтобы показать их силу и полноту. Ознакомившись с этими указаниями, легко понять, в чем заключалось постоянство военной мощи Восточной империи. Против недисциплинированных славян и сарацин императорские войска во всех случаях имели огромные преимущества науки и дисциплины. Именно их поражения, а не победы, нуждаются в объяснении.

ВИЗАНТИЙСКАЯ КАВАЛЕРИЙСКАЯ ТУРМА В БОЕВОМ ПОРЯДКЕ.

- A.A.A. *Передняя линия, три "банды" по 450 человек в каждой.*
- B.B.B.B. *Вторая линия, четыре полубанды по 225 человек в каждой.*
- C.C. *Резерв, две полубанды той же численности.*
- D.D.D. *Один "бандон" в двойной шеренге, заполняющий интервалы второй линии.*
- E.E. *ἑνεδροι {Enedroi}, или отрядные части на флангах, которые должны повернуть фланги противника: по 225 человек или по одному бандону вместе.*
- F.F. *Πλαγιοφύλακες {Plagiophylakes}, войска, выставленные для предотвращения подобных попыток врага: 225 каждый, или один "бандон" вместе.*
- G. *Командующий и его штаб.*
- H. *Место, куда войска D.D.D. должны были отойти при наступлении 2-й линии.*

Завершением периода величия Византии мы считаем битву при Манцикерте в 1071 году нашей эры. В этой битве опрометчивость Романа Диогена привела к уничтожению сил азиатских теменов конными лучниками Алп-Арслана. Упадок центральной власти, отмеченный возвышением Исаака Комнина, выдвигенца феодальной партии асийских вельмож, возможно, уже ослабил армию. Однако именно результат Манцикерта стал для нее роковым, так как захват сельджуками внутренних районов Малой Азии отрезал империю от ее величайших рекрутов, земли доблестных исавров и армян, которые на протяжении пятисот лет составляли ядро восточной армии.

Следует заметить, что мы не приводили длинного рассказа о знаменитом "греческом огне" - единственном моменте в византийском военном деле, на который большинство авторов не обращают внимания. Если мы и пренебрегли им, то из убеждения, что, хотя его значение в

"полиоркетике" и морских боях было значительным, в конце концов, он был второстепенным двигателем войны и не мог сравниться как причина византийского успеха с превосходной стратегической и тактической системой, на которой мы подробно остановились. Примерно такой же вывод можно сделать и из изучения других чисто механических устройств, которые были в руках имперских генералов. Старое мастерство римского инженера сохранилось почти полностью, и арсеналы Константинополя были заполнены машинами, чья смертоносная эффективность внушала более грубым народам Запада и Востока таинственное чувство благоговения. Винея и тестудо, катапульта Онагер и балиста были известны в десятом веке так же хорошо, как и в первом. Они, несомненно, использовались, и использовались эффективно, при каждой осаде. Но никакого технического мастерства в использовании военных машин не хватило бы для того, чтобы объяснить превосходство византийцев над своими воинственными соседями. Истоки этого превосходства следует искать в существовании науки и дисциплины, стратегии и тактики, профессиональной и в то же время национальной армии, высшего сословия, одновременно образованного и военного. Когда аристократия стала простыми придворными, когда иностранные наемники вытеснили исаврийского лучника и анатолийского кавалериста, когда традиции старой римской организации уступили место простой централизации, тогда никакие унаследованные механические навыки прошлых веков не смогли спасти Византийскую империю от падения. Грубая сила западного рыцаря выполнила задачу, которая показалась Хосрою и Крамну, Мослемаху и Святославу слишком трудной для них. Но не империя Ираклия или Иоанна Зимисхия, Льва Исавра или Льва Армянина была покорена пиратами-крестоносцами, а лишь уменьшенное и дезорганизованное царство жалкого Алексия Ангела.

IV.

Превосходство феодальной конницы.

1066-1346 ГГ. Н.Э.

[От битвы при Гастингсе до сражений при Моргартене и Кресси].

Между последними битвами англо-датской пехоты и возвышением пикинеров и лучников XIV века лежит период господства облаченного в кольчугу феодального всадника. В области стратегии и тактики эта эпоха представляет собой почти полный застой: только в единственной отрасли "Полиоркетика" военное искусство достигло заметного прогресса.

Феодальная организация общества сделала каждого человека нежной крови бойцом, но нельзя сказать, что она сделала его солдатом. Если он мог устойчиво сидеть на своем скакуне и умело обращаться с копьем и мечом, всадник двенадцатого или тринадцатого века считал себя образцом военной эффективности. О том, что дисциплина или тактическое мастерство могут быть столь же важны для армии, как и простое мужество, он даже не подозревал. Собранная с трудом, непокорная, неспособная к маневрированию, готовая растаять, как только закончится короткий срок службы, феодальная армия представляла собой такое сочетание невоинственных качеств, которое редко когда уживалось вместе. Предназначенный в первую очередь для защиты собственных границ от мадьяр, северян или сарацин, врагов, которые в X веке представляли реальную опасность для христианства, этот институт был совершенно не приспособлен к наступлению. Когда несколько главных арендаторов собирались вместе, каждый из которых слепо ревновал своих товарищей и не

признавал никакого начальства, кроме короля, требовался лидер необычайного мастерства, чтобы убедить их ввести ту иерархию командования, которая должна быть установлена в каждой армии, которая должна быть чем-то большим, чем недисциплинированная толпа. Монархи могли попытаться устранить опасность путем создания таких должностей, как констебль и маршал, но эти меры были всего лишь паллиативами. Радикальный порок неповиновения продолжал существовать. Всегда существовала вероятность того, что в какой-то критический момент сражение может быть сорвано, строй нарушен, план расстроен из-за безрассудства какого-нибудь мелкого барона или баннерета, который не мог прислушаться ни к чему, кроме побуждений своей собственной доблести. Когда иерархия командования основывалась на социальном статусе, а не на профессиональном опыте, дворянин, возглавлявший самый большой контингент или имевший самый высокий ранг, считал себя вправе взять на себя руководство битвой. Ветеран, у которого в руках всего несколько копий, редко мог претендовать на то, чтобы влиять на движения своих начальников.

Когда на место мастерства и опыта приходит простое мужество, тактика и стратегия исчезают. Высокомерие и глупость в совокупности придают определенную окраску действиям среднего феодала. Век и земля могут быть разными, но случаи сражений одинаковы: Мансура похожа на Альджубаротту, Никополь - на Куртрей. Когда враг появлялся в поле зрения, ничто не могло сдержать западных рыцарей: щит переставлялся на место, копье опускалось в покой, шпора касалась седла, и облаченный в кольчугу строй несея вперед, невзирая на то, что могло быть перед ним. Чаще всего его путь заканчивался ударом о каменную стену или падением в канал, болезненным барахтаньем в болоте или бесполезными операциями вокруг частокола. Противник, владеющий хотя бы элементарной системой тактики, вряд ли мог не добиться успеха в борьбе с такими армиями. Бой при Мансуре можно рассматривать как яркий пример военных обычаев XIII века. Когда авангард французов увидел перед собой чистое поле и копья неверных, сверкающие среди пальмовых рощ, они не смогли сдержать свой пыл. Во главе с графом Артуа они бросились в атаку, несмотря на строгий запрет Людовика на вступление в бой. Мамлюки отступили, позволили своим преследователям завязнуть в улицах города, а затем яростно обрушились на них со всех сторон сразу. За короткое время все "сражение" графа Артуа было рассеяно и разрублено на части. Тем временем основной отряд, узнав об опасности, грозящей их товарищам, поспешно выехал на помощь. Однако, поскольку каждый командир выбирал свой собственный маршрут и ускорялся, французская армия прибыла на поле десятками мелких разрозненных корпусов. Мамлюки атаковали их в деталях и во многих случаях были разбиты. Общего сражения не произошло, но ряд разрозненных и бессвязных кавалерийских боев имел все результаты большого поражения. Стычка и уличная драка могли смять рыцарство Запада, даже если оно выходило в большом количестве и было воодушевлено энтузиазмом крестового похода.

Массив феодальных войск был стереотипизирован по единому образцу. Поскольку невозможно было объединить движения множества мелких частей, когда войска не были ни дисциплинированы, ни приучены действовать сообща, было принято формировать всю кавалерию в три большие массы, или "баталии", как их называли, и пускать их на врага. Изысканность держать под рукой резерв практиковалась несколькими командирами, но это были люди, явно опережающие свой возраст. Действительно, зачастую было трудно убедить феодального вождя занять позицию вне линии фронта и подвергнуться риску потерять свою долю в тяжелом бою. Когда две "битвы" встречались, начиналось страшное *побоище*, которое нередко продолжалось часами. Иногда, словно по договоренности, обе стороны отходили в тыл, чтобы дать лошадям отдышаться, а затем снова бросались друг на друга и

возобновляли бой, пока одна из сторон не оказывалась побежденной и не покидала поле боя. Такие сражения, как при Бренвиле, Бувине или Беневенто, представляли собой не более чем потасовку и метание лошадей и людей по удобной пустоши или склону холма. Самые обычные меры предосторожности, такие как направление резерва на критический пункт, или выделение корпуса для обхода противника с фланга, или выбор хорошей позиции для принятия боя, считались примерами непревзойденного военного мастерства. Карл Анжуйский, например, получил имя великого полководца, потому что при Тальякоццо он сохранил под прикрытием корпус рыцарей и направил его в тыл Конрадина, когда гибеллины рассеялись, преследуя разгромленную главную армию анжуйцев. Симон де Монфор заслужил высокую репутацию; но если в Льюисе он сохранил и использовал резерв, то не следует забывать, что в Эвешеме он позволил застать себя врасплох и вынужден был сражаться спиной к реке, в позиции, из которой отступление было невозможно. Короче говоря, похвала эпохи была скорее вознаграждением за поразительные подвиги, чем за настоящее полководческое искусство. Если бы мы уделяли много внимания летописцам, мы бы поверили, что достойных полководцев было много; но если мы изучаем действия этих прославленных личностей, а не мнения их современников, наша вера в их способности почти неизменно получает грубый удар⁶².

Если мелкие военные операции были плохо понятны, то стратегия - высшая ветвь военного искусства - абсолютно отсутствовала. Армия вторжения двигалась на вражескую территорию не для того, чтобы нанести удар по какому-то великому стратегическому пункту, а просто для того, чтобы жечь и преследовать землю. Поскольку организованного комиссариата не существовало, ресурсы даже самых богатых районов вскоре истощались, и захватчик двигался в поисках пропитания, а не ради какой-то высшей цели. Только к концу периода, с которым мы имеем дело, можно обнаружить следы систематической организации снабжения армии. Но даже они по большей части были результатом крайней необходимости: нападая на бедные и неводеланные территории, такие как Уэльс или Шотландия, английские короли обнаруживали, что не могут жить за счет страны, и были вынуждены принимать меры, чтобы уберечь свои войска от голодной смерти. Но французская или немецкая армия, когда она вступала во Фландрию или Ломбардию, или английские войска во Франции, полагались, как показывают все факты, для своего содержания на силу грабежа захваченного района⁶³.

Великие сражения в целом происходили нечасто: этот факт кажется странным, если принять во внимание длительные войны того периода. Целые годы военных действий приводили лишь к нескольким частичным стычкам: по сравнению с современными кампаниями, генеральных сражений было невероятно мало. Фридрих Великий или Наполеон I за один год проводили больше сражений, чем средневековый полководец за десять. Дело, по-видимому, в том, что противоборствующие армии, не имея определенных целей и неизменно пренебрегая связью друг с другом посредством аванпостов и ведетов, часто могли и вовсе не заметить друг друга. Когда они встречались, это обычно происходило из-за топографической необходимости, наличия старой римской дороги, брода или моста, на котором сходились все пути. Ничто не может лучше показать примитивное состояние военного искусства, чем тот факт, что генералы торжественно посылали и принимали вызовы встретиться в бою в определенном месте и в определенный день. Без таких мер предосторожности существовала опасность того, что армии могут потерять друг друга из виду и разойтись в разные стороны. Когда карт не существовало, а географические знания были скудны и неточны, это было немыслимым событием. Даже когда два войска фактически находились рядом, иногда требовалось больше мастерства, чем было у полководцев, чтобы вызвать сражение. В 1252 году Бела Венгерский и Оттокар Богемский были вооружены, и оба

одинаково стремились к сражению; но когда они увидели друг друга, то обнаружили, что между ними находится река Марш. Пройти через ручей перед лицом врага - задача, которая была далеко не под силу полководцу XIII века⁶⁴, как это сделал Сен-Луи двумя годами ранее на берегах Ахмумского канала. Поэтому не было ничего странного в том, что богемец вежливо предложил своему противнику либо беспрепятственно переправиться через Марш и сразиться в надлежащей форме на западном берегу, либо предоставить ему такую же возможность и обеспечить свободный проход на венгерскую сторону. Бела выбрал первый вариант, без помех перешел реку вброд и сразился на другом берегу в катастрофической битве при Крессенбрунне.

Пехота в XII и XIII веках была совершенно незначительной: пешие солдаты сопровождали армию не более чем для выполнения рутинных обязанностей в лагере или для помощи в многочисленных осадах того времени. Иногда они использовались в качестве легких войск, чтобы открывать сражение своими неумелыми демонстрациями. Однако по-настоящему важной роли они не играли. Более того, их лордам иногда доставалось, если они осмеливались слишком долго медлить с началом кавалерийских атак и заканчивали стычки, наезжая на своих жалких последователей. При Бувине граф Булонский не нашел лучшего применения для своей пехоты, чем сформировать ее в большой круг, внутри которого укрывался он сам и его всадники, когда их возницы уставали и нуждались в коротком отдыхе. Если на поле иногда появлялись большие пешие отряды, то это происходило потому, что каждый трудоспособный мужчина обязан был присоединиться к *отряду* по вызову, а не потому, что добавление 20 000 или 100 000 полувооруженных крестьян и мещан должно было увеличить реальную силу отряда. Главной причиной их военной никчемности можно назвать разношерстность их вооружения. Такие войска, как шотландские лоулендеры с их длинными копьями или сарацинские вспомогательные отряды Фридриха II с их арбалетами, заслуживали и получали определенное уважение благодаря единообразию своего снаряжения. Но с обычной пехотой дело обстояло иначе; подвергаясь, без дисциплины и с разнородным набором разнородного оружия, атаке кавалерии, они не могли объединиться, чтобы противостоять ей, но были сбиты и раздавлены. Несколько успехов пехоты, которые появляются к концу периода, носят исключительный характер. Пехота "Великой компании" на Востоке победила герцога Афинского, побудив его броситься со всем своим вооружением в болото. Точно так же победа при Куртрее была обеспечена не молотами и железными шестами фламандцев, а каналом, в который стремительный натиск французской кавалерии ввергал шеренгу за шеренгой их товарищей.

Попытка привнести в феодальную армию хоть какую-то эффективность толкала монархов на различные ухищрения. Фридрих Барбаросса стремился обеспечить дисциплину с помощью строгого свода "лагерных законов"; это начинание не принесло ему большого успеха, если судить об их соблюдении по некоторым зафиксированным инцидентам. Например, в 1158 году Эгберт фон Бутен, молодой австрийский дворянин, покинул свой пост и отправился с тысячей воинов, чтобы попытаться захватить одни из ворот Милана, что было самонадеянным нарушением приказа, в результате которого он погиб. Это соответствовало духу времени и ни в коем случае не было исключением. Если суровая и внушительная личность великого императора не могла добиться повиновения, то для более слабых правителей эта задача была безнадежной. Большинство монархов были вынуждены использовать другую разновидность войск, уступающую *по боевому духу* феодальной силе, но более поддающуюся дисциплине. Наемник выходит на первый план во второй половине двенадцатого века. Чуждый всем благородным побуждениям к доблести, враг своему Богу и ближнему, самый заслуженно ненавидимый человек в Европе, он, тем не менее, был тем инструментом, который короли, даже самого лучшего сорта, были вынуждены искать и

лелеять. Когда войны перестали быть просто пограничными набегами и стали вестись в течение длительного времени на большом расстоянии от домов большинства баронств, стало невозможно полагаться на услуги феодального сбора. Но как обеспечить крупные суммы, необходимые для оплаты наемников, не всегда было очевидно. Среди них выделяется решение Генриха II Английского, который заменил личную службу каждого рыцаря системой "скутажа". В соответствии с ней большинство арендаторов короны компенсировали свою личную службу, выплачивая по две марки за каждое рыцарское вознаграждение. Таким образом, король получал возможность пересекать моря во главе отряда наемников, которые для большинства военных целей были бесконечно предпочтительнее феодального [массива](#)⁶⁵. Как бы ни был неприятен наемный иностранец из-за своей жадности и свирепости, ему, по крайней мере, можно было доверять, пока ему регулярно платят. Любой правитель считал его необходимым во время войны, но для неконституционного и деспотичного правителя его существование было особенно выгодно: только благодаря щедрому использованию наемников можно было сдерживать воинственное дворянство. Деспотизм мог начаться только тогда, когда монарх получал возможность окружить себя сильным отрядом людей, чьи желания и чувства были чужды нации. Тиран в современной Европе, как и в Древней Греции, находил свою естественную поддержку в наемной иностранной армии. Король Иоанн, привлекая к себе "рутьеров", "брабансонов" и "сателлитов", бессознательно подражал Писистрату и Поликрату.

Однако военная эффективность наемника XIII века была лишь развитием эффективности обычного феодального кавалериста. Как и последний, он был тяжеловооруженным всадником; его возвышение не повлекло за собой радикальных изменений в методах ведения войны. Хотя он был более опытным воином, он по-прежнему действовал по старой системе - или без системы, - которая характеризовала кавалерийскую тактику того времени.

Последний этап в истории наемных войск был достигнут, когда отряды, прослужившие всю долгую войну, вместо того чтобы разойтись по ее окончании, объединились и двинулись через весь континент в поисках государства, которое было бы готово купить их услуги. Но эпоха "Великой компании" и итальянских кондотьеров относится скорее к XIV, чем к XIII веку, и ее обсуждение следует отложить до другой главы.

Во всей военной истории этого периода наиболее яркой чертой, несомненно, является важность укрепленных мест, а также превосходство, которое заняла оборона в полиоркетике. Если сражений было мало, то осады были многочисленными и ненормально продолжительными. Замок был такой же неотъемлемой частью феодальной организации, как и конный рыцарь, и так же, как дворянин продолжал нагромождать защиту за защитой на себя и на свою лошадь, он продолжал окружать свое жилище все новыми и новыми укреплениями. Простой нормандский замок одиннадцатого века с огромной крепостью и простым прямоугольным ограждением превратился в сложную систему концентрических сооружений, как в Каэрфилли и Карнарвоне. Городские стены соперничали с крепостными стенами, и в каждой стране было множество больших и малых фортов и укреплений. Единственное, в чем проявился настоящий военный потенциал этого периода, - это выбор выгодных мест для крепостей. Один опорный пункт часто располагался так удачно, что служил ключом к целому району. Лучшая претензия на обладание генеральским глазом, которую можно предъявить Ричарду I, заключается в том, что именно он выбрал место для Шато Гайяр, великого замка, которого хватало для защиты всей Восточной Нормандии до тех пор, пока он адекватно удерживался.

Сила средневековой крепости заключалась в необычайной прочности ее конструкции. По стенам толщиной от пятнадцати до тридцати футов слабая осадная артиллерия того времени,

перриеры, катапульты, требюше и так далее, была без ощутимого эффекта. Нормандский замок, прочный и высокий, без деревянных конструкций, которые можно было бы поджечь, и без отверстий в земле, которые можно было бы забить, обладал почти бесконечной способностью к пассивному сопротивлению. Даже слабый гарнизон мог продержаться до тех пор, пока хватало провизии. Возможно, именно в случае с такой крепостью можно было рассчитывать на [успех66](#); но если замок был снабжен глубоким рвом или построен прямо на скале, то горные работы были бесполезны. Оставался трудоемкий способ разрушения нижних частей стен с помощью подступов, сделанных под прикрытием пентхауза, или "кошки", как его называли. Если ров можно было заполнить, а кошку подвести вплотную к подножию укреплений, этот метод мог быть полезен для крепости простого нормандского типа. До изобретения бастioned не существовало средств, с помощью которых ракеты осажденных могли бы должным образом контролировать землю непосредственно под валами. Если защитники показывались из-за стен - а это было необходимо для того, чтобы достать людей, находящихся перпендикулярно под ними, - они сразу же оказывались под ударом лучников и арбалетчиков, которые под прикрытием мантий защищали работу осаждающих пионеров. Поэтому что-то можно было сделать методом разрушения нижних частей стен: но этот процесс всегда был медленным, трудоемким и очень дорогим с точки зрения человеческих жизней. Хороший командир, если только его не поджигает время, почти всегда предпочтет выморить гарнизон голодом.

Успех - пусть частичный и с трудом завоеванный - этой формы атаки привел к нескольким изменениям в обороне. Ров иногда укреплялся частоколом: иногда небольшие отдельные форты возводились прямо за стенами на любом удобном месте. Но наиболее часто применяемыми приемами были решетка (*bretèche*) и строительство больших башен, выступающих из стены и фланкирующих длинные наброски "куртины", которые были признаны слабым местом в норманнской системе укреплений. Завеса представляла собой деревянную галерею с проемами в полу, идущую вдоль верхней части стены, от которой она выступала на несколько футов. Она опиралась на балки, выведенные из вала, и через свои проемы открывала вид на землю у подножия стен. Таким образом, осаждающий уже не мог выйти из зоны поражения осажденных, и продолжал подвергаться им, как бы близко он ни подходил к укреплениям. Против решетки возражали тем, что, будучи деревянной, она могла загореться от зажигательных веществ, выбрасываемых катапультами осаждающих. Поэтому на смену ей в скором времени пришла машикули, где деревянную конструкцию заменяла выступающая каменная галерея. Гораздо важнее было использование фланкирующего действия [башен67](#), еще одно значительное усовершенствование обороны. Это позволило направить сходящийся огонь с боков на точку, выбранную осаждающим для атаки. Башни также служили для того, чтобы отрезать захваченный участок стены от связи с остальными укреплениями. Закрывая окованные железом двери в двух башнях с каждой стороны пролома, противник оставался изолированным на завоеванном участке стены и не мог продвинуться вправо или влево без штурма башни. Такое развитие обороны вновь свело наступление к бессилию. Голод был единственным оружием, способным ослабить хорошо обороняемое место, поэтому крепости скорее блокировали, чем атаковали. Осаждающий, построив обводную линию и окопавшись в лагере, садился ждать, пока голод сделает свое [дело68](#). Следует заметить, что, укрепляя свою позицию, он обеспечивал себе преимущество в обороне при отражении атак освобождающих армий. Другие его методы, такие как попытки обстрелять внутренние здания укрепленного пункта, перекрыть водоснабжение или взять его ночной эскадой, редко приносили пользу.

Количество и сила укрепленных мест Западной Европы объясняют очевидную бесполезность многих кампаний того периода. Невозможно быстро завоевать землю, когда

каждый район охраняется тремя или четырьмя замками и городами, обнесенными стенами, которые нужно осаждать по несколько месяцев, прежде чем их удастся взять. Кампании, как правило, превращались либо в грабительские набеги, в результате которых крепости оставались в одиночестве, либо в длительную блокаду одного укрепленного пункта. Изобретение пороха стало первым преимуществом на стороне нападения за три столетия. Однако даже пушки в момент их изобретения и в течение долгих лет после него не имели практического значения. Взятие Константинополя Магомедом II - это, пожалуй, первое событие европейского значения, в котором сила артиллерии сыграла ведущую роль.

Прежде чем перейти к обсуждению новых форм военной эффективности, которые привели к концу господства феодальной кавалерии, возможно, стоит бросить взгляд на эти любопытные военные эпизоды, крестовые походы. Учитывая их необычный и аномальный характер, можно было бы ожидать, что они принесут больше результатов, чем можно проследить на самом деле. Когда им противостояла непривычная для них система тактики, западные вельможи неизменно приходили в замешательство. В таких поединках, как Дорилеум, их спасала от катастрофы только неукротимая энергия: тактически побежденные, они спасались упорной борьбой. На достаточно спорных полях, таких как Антиохийское, они утверждали то же превосходство над восточными всадниками, которым ранее пользовались византийцы. Но после короткого знакомства с западной тактикой турки и сарацины отказались от поля боя. Обычно они действовали большими отрядами легкой кавалерии, быстро перемещаясь от пункта к пункту, отрезая колонны или нападая на отряды. В двенадцатом веке крестоносцев редко баловали битвами, которых они жаждали. Магометанские вожди вступали в бой только тогда, когда все преимущества были на их стороне; обычно они отказывались от поединка. На Востоке, как и в Европе, война была осадой: сотысячные армии задерживались перед стенами второразрядной крепости, такой как Акко, и, отчаявшись уменьшить ее численность своими операциями, вынуждены были прибегать к длительному процессу голодного истощения гарнизона. С другой стороны, ничто, кроме превосходства обороняющихся, не могло затянуть существование "Иерусалимского королевства", когда оно превратилось в цепочку изолированных крепостей, усеявших берег Леванта от Александретты до Акко и Яффы. Если мы и можем указать на какие-либо изменения, внесенные в европейскую войну восточным опытом крестоносцев, то они не имеют большого значения. Греческий огонь, если его состав был действительно установлен, по-видимому, имел очень мало применения на Западе: конный лучник, скопированный с кавалерии турецких и мамлюкских султанов, не имел большого военного успеха: принятие изогнутой сабли, "пики Морриса", булавы [всадника69](#) и некоторых других видов оружия вряд ли стоит упоминания. В целом же военные результаты крестовых походов были крайне незначительны. Как уроки они были полностью проигнорированы европейским миром. Когда, спустя сто пятьдесят лет, западная армия вновь столкнулась с восточным врагом, она совершила в Никополе точно такую же ошибку, которая привела к потере дня при Мансуре.

V. Швейцарцы. 1315-1515 ГГ. Н.Э.

[От битвы при Моргартене до битвы при Мариньяно].

(1) Их характер, вооружение и организация.

В XIV веке пехота, после тысячелетней депрессии и пренебрежения, наконец-то вернула себе должную долю военного значения. Почти одновременно появились два народа, утвердившие свое господство в европейской политике благодаря эффективности своей пешей артиллерии. Их манеры ведения боя были столь же различны, как их национальный характер и географическое положение, но, хотя они никогда не встречались ни в мире, ни в войне, они были практически объединены для уничтожения феодального рыцарства. Рыцарь, который так долго ездил по населению Европы, теперь должен был признать своих хозяев в военном искусстве. Свободные йомены Англии и свободные пастухи Альп должны были вступить на путь завоеваний.

Если свести войну к ее простейшим элементам, мы обнаружим, что есть только два способа встретить и победить врага. Либо удар, либо ракета должны быть использованы против него. В первом случае победитель добивается успеха, бросаясь на противника и побеждая его в рукопашной схватке своей численностью, весом, превосходством своего оружия или большей силой и мастерством, с которыми он им владеет. Во втором случае он одерживает победу, обрушивая на противника такой постоянный и смертоносный ливень снарядов, что тот уничтожается или отступает, не успев подойти вплотную. Каждый из этих методов может сочетаться с использованием самых разных оружия и тактики и допускает бесчисленные вариации. В ходе истории они попеременно утверждали свое превосходство: в раннем средневековье ударная тактика была полностью на подъеме, в то время как в наши дни использование ракеты вытеснило конкурирующую систему с поля боя, и не представляется возможным, что этот окончательный вердикт когда-либо будет отменен.

Английский лучник и швейцарский пикинер представляли эти две великие формы военной эффективности в их самых простых и элементарных формах. Один полагался на свою силу, чтобы отбить атаку противника быстрой и точной стрельбой. Другой был способен гнать перед собой значительно превосходящие по численности войска неотразимым ударом и устойчивым давлением своей сплошной колонны с шеренгой остриев копий. Когда эти методы были опробованы против конницы в почтовой форме, которая до этого занимала господствующее положение в Европе, каждый из них был признан достаточным для того, чтобы обеспечить победу тем, кто его использовал. Таким образом, вся военная система средневековья претерпела глубокие изменения. К безусловному преобладанию одной формы, заряда, наносимого конницей, добавилось быстрое чередование удачных и неудачных экспериментов по соотношению и сочетанию конницы и пехоты, ударной и ракетной тактики. Усложненная результатами внедрения огнестрельного оружия, эта борьба затянулась до наших дней. Только в последние годы военный мир понял, что перед лицом необычайного развития современного огнестрельного оружия необходимо отказаться от попыток использовать ударную силу пехотной колонны или эскадрона.

Швейцарцев XIV и XV веков с большой долей вероятности можно сравнить с римлянами времен ранней республики. В швейцарском, как и в римском, характере мы находим самый интенсивный патриотизм в сочетании с полным отсутствием морального чувства и некоторой подлостью и мелочностью, которые не позволяют нам назвать ни один из этих народов по-настоящему великим. И в том, и в другом народе непоколебимое мужество и пыл благороднейшего самопожертвования соседствовали с ужасающей свирепостью, циничным презрением и безжалостным пренебрежением к правам других. У каждого народа воинственная гордость, порожденная успешными войнами за независимость, вскоре привела к войнам завоевательным и грабительским. Как соседи, оба были невыносимы из-за своей надменности и склонности обижаться на малейшую [провокацию](#)⁷⁰. Как враги, оба

отличались преднамеренной и хладнокровной жестокостью. Решимость не давать сдачи, которая кажется почти простительной патриотам, отчаянно защищающим родную землю, становится жестокой, когда сохраняется в агрессивных войнах, но достигает апогея звериной бесчеловечности, когда убийца - простой наемник, сражающийся за дело, в котором у него нет национальных интересов. Как ни отталкивающа была кровожадность римлян, она далеко не равнялась по моральной вине той ненужной свирепости, которую проявляли наемные швейцарские солдаты на многих полях сражений XVI [века](#)⁷¹.

Ни в одном вопросе мы не находим большего сходства между историями двух народов, чем в причинах их военного успеха. И Рим, и Швейцария - примеры того, что хорошая военная организация и продуманная система национальной тактики являются самой надежной основой для устойчивой завоевательной карьеры. При их наличии энергичное государство не нуждается в непрерывной череде великих полководцев. Достаточно череды достойных посредственностей, чтобы направлять великий двигатель войны, который работает почти автоматически и редко прокладывает себе путь к успеху. Избранные консулы Рима, избранные или назначенные "капитаны" конфедератов никогда не смогли бы привести свои войска к победе, если бы не системы, которые опыт их предшественников довел до совершенства. Сочетание податливости и прочности в легионе, силы быстрого движения и неотразимого удара, которые встречались в швейцарской колонне, были способны одержать победу на поле боя, не требуя от генералов, которые приводили их в движение, никаких экстраординарных способностей.

Боевой порядок, который неизменно использовали конфедераты, был таким, прототипом которого была македонская фаланга. На поле боя они всегда выходили огромными массами. Их главным национальным оружием в дни наивысшей славы была пика - пепельное древко длиной восемнадцать футов, снабженное стальной головкой, которая увеличивала его длину еще на фут. Ее брали двумя широко расставленными руками и держали на уровне плеча, слегка утопив острие, чтобы нанести нисходящий [удар](#)⁷². Перед строем выступали не только пики первой шеренги, но и второй, третьей и четвертой, представляя собой непроницаемую изгородь из ошестинившихся остриев. Люди в глубине колонны держали оружие наперевес, пока их не призывали выйти вперед, чтобы заменить павших в первых рядах. Таким образом, пики, возвышающиеся на двенадцать футов над головами тех, кто их нес, придавали заряжающей массе вид движущегося леса. Над ней развевались многочисленные флаги, вымпелы округов, городов и [гильдий](#)⁷³, знамена кантонов, иногда великий штандарт "Древней Лиги Высокой Германии" - белый крест на красном поле.

Пика, однако, была не единственным оружием швейцарцев. В ранние дни независимости, когда конфедерация состояла из трех или четырех кантонов, алебарда была их любимым оружием, и даже в XVI веке значительная часть армии продолжала использовать ее. Восемь футов в длину, с тяжелой головкой, заканчивающейся острием и несущей спереди лезвие, похожее на топор, а сзади - крепкий крюк, - алебарда была самым убийственным, но и самым громоздким оружием. Размахивая сильными руками альпийских пастухов, она рассекала шлем, щит или плащ, как картон. Вид ужасных ран, которые она наносила, мог привести в ужас самого крепкого противника: тот, кто однажды почувствовал ее острие, не нуждался во втором ударе. Именно эта алебарда уложила Леопольда Габсбургского на павшее знамя при Семпахе, а Карла Бургундского - все его лицо от виска до зубов было изрезано - в замерзшем рву у [Нанси](#)⁷⁴.

Алебардисты занимали свое признанное место в боевом строю конфедератов. Они выстраивались в центре колонны, вокруг главного знамени, которое находилось под их присмотром. Если врагу удавалось сдержать натиск пикинеров, они должны были пройти

между передними рядами, которые открывались, чтобы дать им выход, и броситься в бой. К ним присоединялись носители двуручных мечей, "утренних звезд" и "молотов [Люцерна75](#)" - оружия, обладающего самой страшной эффективностью в рукопашном бою. Редко когда вражеские силы, будь то пехота или кавалерия, выдерживали эту финальную атаку, когда разъяренные швейцарцы бросались на них, рубя направо и налево, срывая ноги лошадям, рассекая доспехи и плоть одним и тем же мощным ударом.

Однако для отражения кавалерийских атак алебарда из-за своей короткости оказалась гораздо менее полезным оружием, чем пика. Катастрофическая битва под Беллинцоной в 1422 году, где швейцарцы, имевшие большую часть алебардистов в первой шеренге, были разбиты миланскими жандармами, стала окончательной причиной ее отнесения ко второй эпохе битвы. С первого удара противоборствующих сил она была изгнана, будучи припасена для последующей *бойни*.

Самым грозным качеством швейцарской пехоты, помимо ее сплоченности, была быстрота передвижения. Ни одно войско никогда не было более быстрым на марше или в построении для боя, потому что они не были перегружены [броней76](#). При возникновении чрезвычайных ситуаций армия Конфедерации могла быть поднята с необычайной быстротой; люди, считавшие военную славу единственным, что делало жизнь достойной, стекались к оружию без повторного призыва. Отдельные контингенты маршировали день и ночь, чтобы вовремя прибыть к месту сбора. Не нужно было тратить дни на утомительную работу по организации, когда каждый человек стоял среди своих родственников и соседей, под вымпелом родного города или долины. Войска демократических кантонов выбирали своих офицеров, войска крупных государств получали командиров, назначенных советами, а затем без промедления армия выступала навстречу врагу. Таким образом, захватчик, каким бы неожиданным ни было его нападение, мог в течение трех-четырех дней обнаружить у себя двадцать тысяч человек. Часто они оказывались в нескольких милях от него, прежде чем он узнавал, что швейцарцы находятся в поле.

Перед лицом такой армии медленно передвигающимся войскам XIV или XV веков было невозможно совершать маневры. Попытка изменить линию сражения, - как это, к своему ужасу, обнаружил Карл Стремительный при Грансоне, - непременно приведет к катастрофе. Когда конфедераты приходили в движение, их противнику приходилось смириться с тем, что он будет сражаться в том порядке, в котором окажется в данный момент. Они всегда брали за правило начинать бой и никогда не позволять атаковать себя. Состав их колонн определялся рано утром в день сражения, и люди выходили на поле уже выстроенными в боевой порядок. Не было никакой паузы, чтобы выстроить армию в боевую линию; каждая фаланга шла на врага ровным, но быстрым шагом, который покрывал землю за невероятно короткое время. Сплошные массы скользили вперед в идеальном порядке и в глубокой тишине, пока боевой клич не разразился единым ревом и колонна не устремилась на вражеский фронт. В стремительности швейцарского наступления было что-то предвещающее: огромный лес пик и алебард перекачивался через склон соседнего холма; мгновение спустя он уже шел ровным строем к фронту, а затем - почти прежде, чем противник успевал осознать свою позицию - надвигался на него, с четырьмя рядами копий, выступающих вперед, и стремительным натиском колонны, надвигающейся с тыла.

Эта способность к быстрому передвижению была, как заметил Маккиавелли, результатом решимости конфедератов не обременять себя тяжелыми доспехами. Изначально их воздержание от ее использования объяснялось исключительно бедностью, но затем было подтверждено открытием, что тяжелое облачение загромождает и мешает эффективности их национальной тактики. Поэтому обычное снаряжение пикинера или алебардиста было

легким и состояло только из стальной шапки и нагрудника. Но даже они не были универсальными; многие солдаты доверяли защиту своего лица оружию и носили только войлочные шляпы и кожаные [камзолы](#)⁷⁷. Использование набедренных повязок, нарукавников и поножей отнюдь не было распространено; более того, людей, носящих их, часто не хватало для того, чтобы составить одну шеренгу во главе колонны, в которой они всегда располагались. Только командиры должны были представлять себя в полном вооружении; поэтому на марше они были вынуждены ехать верхом, чтобы не отставать от своих легковооруженных последователей. Когда они оказывались в поле зрения врага, то снимались с места и вели своих людей в атаку пешком. В XV веке было найдено несколько патрициев и рыцарских родов из Берна, служивших в качестве кавалерии, но их численность была совершенно незначительной, максимум несколько десятков [человек](#)⁷⁸.

Хотя сила и гордость конфедератов заключалась в их пикинерах и алебардистах, легкие войска ни в коем случае не были обделены вниманием. В отдельных случаях они составляли до четверти армии, но никогда не опускались ниже десятой части всего [числа](#)⁷⁹. Изначально они были вооружены арбалетом - оружием сказочного Телля, но еще до великой бургундской войны среди них было распространено использование неуклюжего огнестрельного оружия того времени. В их обязанности входило опережать основной корпус и стараться привлечь к себе внимание артиллерии и легких войск противника, чтобы колонны за ними могли продвигаться как можно дальше без помех. Таким образом, истинная польза линии скирмишеров была оценена швейцарцами уже в XV веке. Когда пикинеры подходили к ним, они отходили в промежутки между различными массами и не принимали участия в большом наступлении, для которого их оружие не было приспособлено.

Сразу видно, что в простоте составляющих ее элементов кроется один из главных источников силы армии Конфедерации. Ее командиров не беспокоили проблемы соотношения и подчинения различных видов вооружений, которые привели к стольким несчастным экспериментам среди генералов других наций. Кавалерия и артиллерия практически отсутствовали; операции не были затруднены необходимостью найти занятие для массы войск низшего качества, которые так часто увеличивали численность, но не эффективность средневековой армии. Швейцарское войско, как бы спешно оно ни было собрано, всегда было однородным и слаженным; в нем не было остатков неопытных или нелояльных солдат, в отношении поведения которых необходимо было принимать особые меры предосторожности. Большая часть мужчин в народе, посвятившем себя войне, прошла значительную часть службы; а если местные ревности и вспоминались на поле боя, они лишь подстегивали соперничающие контингенты к здоровому подражанию в доблести. Как бы кантоны ни враждовали между собой, против иностранного нападения они всегда оказывались [едины](#)⁸⁰.

(2) Тактика и стратегия.

Характер и организация армии Конфедерации были крайне неблагоприятны для возвышения великих полководцев. Солдат надеялся на успех скорее на полной уверенности в боевой мощи себя и своих товарищей, чем на мастерстве своего командира. Войска, доказавшие на сотне полей свою способность противостоять самым непреодолимым препятствиям, сравнительно равнодушны к личности своего командира. Если он компетентен, они с успехом выполняют его план, если нет - с радостью берутся за исправление его недостатков путем упорной борьбы. Другое соображение было еще более важным среди швейцарцев; существовало всеобщее предубеждение против того, чтобы войска одного кантона

подчинялись гражданам другого. Это чувство было настолько сильным, что в результате получился необычный результат: назначение главнокомандующего на протяжении всего блестящего периода швейцарской истории оставалось скорее исключением, чем правилом. Ни во времена Земпах, ни в старой войне с Цюрихом, ни в великой борьбе с Бургундией, ни в Швабском походе против Максимилиана Австрийского верховная власть не была возложена на одного [генерала](#)⁸¹. Руководство делами находилось в руках "военного совета"; но это был совет, который, вопреки старой пословице о таких органах, всегда был готов и желал сражаться. Он состоял из "капитанов" каждого кантонального контингента и решал возникающие вопросы простым большинством голосов. Перед сражением он поручал командование фурами, тылом, основными и легкими войсками разным офицерам, но занимавшие эти должности пользовались лишь делегированными полномочиями, которые истекали с прекращением чрезвычайных обстоятельств.

Существование этого любопытного разделения власти, ближайшую параллель которому можно найти в ранней Византии, само по себе достаточно, чтобы объяснить отсутствие стратегического мастерства и единства цели, которое наблюдалось в швейцарской войне. Компромисс, который является средним между несколькими конкурирующими схемами, обычно сочетает в себе их недостатки, а не достоинства. Но в дополнение к этому мы можем подозревать, что найти хоть одного швейцарского офицера, способного разработать последовательный план кампании, было бы непросто. Капитан" был старым солдатом, отличившимся на полях сражений прошлых лет, но по своему опыту мало чем отличался от подчиненных ему людей. Для разработки сложных стратегических комбинаций швейцарский "военный совет" был способен не больше, чем средний отряд ветеранов-сержантов-майоров в наши дни.

С тактикой, однако, дело обстояло иначе. Лучшие способы адаптации атаки в колонне к особенностям местности или качеству и вооружению противостоящих войск были изучены в школе опыта. Была разработана настоящая тактическая система, эффективность которой вновь и вновь подтверждалась в сражениях XV века. Для борьбы со средневековыми стрелками и пехотой, против которых она была разработана, швейцарский метод был непревзойденным: только когда новая эпоха привнесла в войну иные условия, он постепенно устарел.

Обычный боевой порядок конфедератов, какой бы маленькой или большой ни была их армия, представлял собой наступление в эшелоне из трех [дивизий](#)⁸². Первый корпус ("ворхут"), который формировал фура на марше, двигался к заданному пункту в линии противника. Второй корпус ("gewaltshaufen"), вместо того чтобы идти вровень с первым, продвигался параллельно ему, но на небольшом расстоянии справа или слева от него. Третий корпус ("начхут") продвигался еще дальше назад и часто останавливался до тех пор, пока не был виден эффект первой атаки, чтобы иметь возможность действовать, если потребуется, в качестве резерва. Такая диспозиция оставляла за каждой колонной свободное пространство, чтобы в случае отпора она могла отойти, не приводя в беспорядок остальную часть армии. Другие народы (например, французы при Азенкуре), имевшие привычку располагать один корпус непосредственно перед другим, часто расплачивались за свое тактическое преступление тем, что поражение их первой линии влекло за собой разгром всей армии, когда каждая дивизия в беспорядке откатывалась к той, что находилась непосредственно у нее в тылу. Швейцарский порядок атаки имел еще одну сильную сторону: войска противника практически не могли повернуть внутрь и атаковать самую передовую

колонну: если они это делали, то сразу же оголяли свой фланг для второй колонны, которая только что подошла и начала атаку.

Наступление в эшелоне колонн было не единственной формой, которую использовали конфедераты. При Лаупене центр, или "гевалтшауфен", выдвинулся вперед и открыл бой еще до того, как были задействованы фланги. В битве при Фрастенце в 1499 году, напротив, крылья начали наступление, а центр отказался и подошел только для того, чтобы завершить свержение.

Даже традиционное построение в три шеренги иногда отменялось ради другого строя. При Семпах люди лесных кантонов были выстроены в единый "клин" (Keil). Этот строй не был, как можно было бы предположить из его названия, треугольным, а просто представлял собой колонну более чем обычной глубины пропорционально ее фронту. Ее целью было сломить вражескую линию, отличающуюся необычайной стойкостью, концентрированным ударом по ее центру. В 1468 году, во время боев, предшествовавших осаде Вальдсхута, вся армия Конфедерации вышла навстречу австрийской кавалерии в виде большой пологой площади, в центре которой были размещены знамена с эскортом алебардистов. Когда такой корпус атаковали, люди становились лицом наружу, чтобы принять натиск всадников; это они называли "формированием [ежа83](#)". Они были настолько устойчивы, что, имея очень малочисленный отряд, могли противостоять самому энергичному натиску: во время Швабской войны 1498 года шестьсот человек из Цюриха, застигнутые на открытой равнине тысячей имперских оружейников, "образовали ежа и оттеснили врага с легкостью и [шутя84](#)". [Маккиавелли85](#) говорит о другом боевом порядке швейцарцев, который он называет "крестом": "между руками которого они размещают своих мушкетеров, чтобы укрыть их от первого удара вражеской колонны". Его описание, однако, не является однозначным, и мы не можем найти никаких следов такого построения в каком-либо зафиксированном сражении.

(3) Развитие военного превосходства Швейцарии.

Первая победа конфедератов была одержана не благодаря тактике, которая впоследствии принесла им славу, а благодаря разумному выбору поля боя. Моргартен стал страшным примером обычной бесполезности феодальной кавалерии в горной стране. В морозный ноябрьский день, когда дороги были словно лед под ногами, Леопольд Австрийский ввел свою длинную узкую колонну в дефиле, ведущее в долину Швайца. Впереди ехали рыцари, которым, конечно же, выпала честь открыть поединок, а сзади путь преграждала 6000 пехоты. В узком проходе Моргартен, где дорога проходит между обрывистым склоном справа и водами озера Эгери слева, австрийцев поджидали 1500 конфедератов. Проявляя беспечность, которая сопутствует чрезмерному высокомерию, герцог пренебрег самой обычной мерой предосторожности - разведкой дороги, и обнаружил близость врага только тогда, когда на его правый фланг со склона посыпался ливень валунов и стволов деревьев, где на позиции, совершенно недоступной для всадников, расположилась группа швейцарцев. Мгновение спустя на голову беспомощной колонны обрушилась основная масса горцев. Не успели австрийцы осознать, что сражение началось, как алебарды и "утренние звезды" конфедератов стали вносить хаос в их фургон. Передние ряды рыцарей, зажатые ударом противника так плотно, что они не могли положить свои копья в покой, а тем более подстегнуть коней к атаке, сражались и умирали. Центр и тыл были вынуждены остановиться и стоять неподвижно, не имея возможности ни продвигаться вперед из-за узости прохода, ни отступить из-за пехоты, преграждавшей дорогу позади. Некоторое время они терпели смертоносный ливень камней и бревен, которые продолжали нестись вниз по склону, прорывались сквозь тесные ряды и сбрасывали людей и лошадей в озеро внизу.

Затем, под действием одновременного импульса, большая часть массы повернула поводья и устремилась в тыл. Сотни людей были вытолкнуты за край дороги, чтобы утонуть в глубокой воде слева. Основная масса ворвалась в колонну собственной пехоты и, растапывая своих несчастных последователей, бежала с такой скоростью, какая только была возможна на скользкой дороге. Швейцарцы, уничтожив немногих рыцарей в фургоне, оставшихся в живых, обрушились на тыл охваченной паникой толпы и, не встречая сопротивления, рубили и всадников, и пеших. Это была не битва, - говорит современный летописец Иоанн Винтертурский, - а просто резня людей герцога Леопольда, ибо горцы перебили их, как овец на бойне: никто не давал никому прохода, но они рубили всех без разбора, пока не осталось ни одного убитого. Свирепость конфедератов была столь велика, что десятки австрийских пехотинцев, видя, как беспомощно падают храбрейшие рыцари, в панике бросались в озеро, предпочитая утонуть в его глубинах, чем попасть под страшное оружие своих [врагов](#)⁸⁶".

Короче говоря, швейцарцы завоевали свою свободу, потому что, обладая инстинктивным тактическим мастерством, не дали феодальной коннице возможности атаковать их с преимуществом. Они были властелинами поля, потому что именно они, а не их противник, решали, где должен происходить бой". На крутой и скользкой дороге, где они не могли получить импульс для атаки и где узость дефиле не позволяла им использовать свое превосходство в численности, австрийцы были беспомощны. Сокрушительный характер поражения, однако, объясняется непростительной беспечностью Леопольда, оставившего путь неисследованным и заставшего себя врасплох в роковой ловушке перевала.

Моргартен демонстрирует швейцарскую военную систему в зачаточном состоянии. Хотя, как и все победы Конфедерации, она была одержана наступлением колонны, это была работа алебарды, а не пики. Последнее оружие еще не вошло в обиход горцев трех кантонов: по сути, оно так и не было принято ими в такой степени, как у швейцарцев нижних Альп и долины реки Аар, бернцев и жителей Цюриха и Люцерна. Алебарда, какой бы убийственной она ни была, не была оружием, владение которым давало бы безоговорочное превосходство его обладателям: именно позиция, а не оружие или тактика швейцарцев, победила в Моргартене. Но их второй большой успех имеет гораздо большее военное значение.

При Лаупене, впервые почти со времен римлян, пехота, полностью лишенная поддержки всадников, расположившись на равнинном поле, противостояла армии, совершенной во всех отношениях и превосходящей ее по [численности](#)⁸⁷. Спустя двадцать четыре года после поражения герцога Леопольда конфедераты и их новоиспеченные бернские братья встретились с войсками бургундской знати долин Аара и Роны, собранными всеми феодальными вождями между Эльзасом и озером Леман. Граф Герард Валлангинский, командующий баронской армией, очевидно, намеревался решить исход дела, развернув одно крыло противника и разгромив его. С этой целью он собрал всю свою кавалерию справа от своего строя, а центр и левая часть были полностью состоят из пехоты. Швейцарцы сформировали три колонны, которые отныне должны были стать их обычным боевым порядком. Они находились под командованием одного командира, Рудольфа Эрлахского, которому, очевидно, принадлежит заслуга первого применения этого строя. Бернцы, вооруженные в основном пиками, составляли центральную колонну, крылья были отведены назад. Левая колонна состояла из людей трех старых кантонов, которые все еще использовали алебарду как свое главное оружие, а правая - из других союзников Берна. В таком порядке они двинулись в атаку, причем центр значительно опережал их. Пехота баронов оказалась не по зубам конфедератам: уверенным натиском бернцы оттеснили ее назад, растоптали передние ряды и вытеснили остальных с поля боя. Мгновение спустя бургундский левый фланг постигла та же участь от рук правой колонны швейцарцев. Затем,

не теряя времени на преследование, обе победоносные массы повернули на помощь людям лесных кантонов. Окруженная со всех сторон яростным потоком всадников, левая колонна была сильно потеснена. Алебарда, хотя и наносила самые страшные раны, не могла помешать кавалерии время от времени сближаться с ними. Однако горцы, как скала, выдержали непрерывные атаки и сумели продержаться до того важного периода, когда вражеская пехота была вытеснена с поля боя. Затем две успешные колонны обрушились слева и сзади на баронских всадников и уверенно встретили их натиск. Видимо, противник был уже измотан попыткой одолеть людей из лесных кантонов, так как после одной тщетной попытки сбить бернских пикинеров он повернул и ускорился с поля боя, не без значительных потерь, так как многие из его арьергарда были перебиты и загнаны в реку Сенс.

Лаупен не был таким кровавым и драматичным полем, как Моргартен; но это одно из трех великих сражений, которые знаменуют начало нового периода в истории войны. Бэннокберн уже прозвучал на далеком Западе, но для континента Лаупен стал первым откровением о силе хорошей пехоты. Эксперимент, который за несколько лет до этого был опробован при Касселе () и Мон-ан-Пюэль с таким плохим успехом, был возобновлен с совершенно иным результатом. Швейцарцы совершили подвиг, который фламандцы предприняли, не имея достаточных средств и опыта. Семь лет спустя феодальному рыцарству был преподан еще более яркий урок, когда лучник столкнулся с рыцарем в Кресси. Одетый в кольчугу всадник оказался не в силах сломить фалангу пиктов, не в силах приблизиться к линии, с которой его настигала смертоносная стрела, но все же старое суеверие, дававшее конному человеку самое почетное имя на войне, оказалось достаточно сильным, чтобы еще на одно столетие увековечить кавалерию, чей день действительно прошел. Система, которая была так тесно связана с жизнью и идеями Средневековья, не могла быть разрушена ни одной, ни двадцатью катастрофами.

Семпах, третья великая победа, одержанная конфедератами, представляет особый интерес вместе с менее известной битвой при Арбеде. Обе они были попытками разбить швейцарскую колонну, применив метод атаки, схожий с тем, который сделал ее столь грозной. Леопольд Гордый, несомненно, помня о бессилии всадников, продемонстрированном при Лаупене, заставил своих рыцарей разделить, как это сделал Эдуард Английский, добившийся столь блестящих результатов тридцатью годами ранее. Возможно, он вспомнил аналогичный приказ, отданный его предком императором Альбертом, когда тот сражался с баварцами при Хазенбюле в 1298 году. Во всяком случае, герцог ожидал нападения противника со своими 4000 закованных в латы вооруженных людей, выстроенных в одну массивную колонну, - их копья были выставлены вперед, - готовых встретить швейцарцев с тактикой, схожей с их собственной, и с преимуществом, которое давала превосходная защита доспехов в равном [поединке](#)⁸⁸. Леопольд также разместил в резерве значительное количество пеших и конных войск, которые должны были обрушиться на фланги и тыл конфедератов, когда те будут полностью заняты фронтом.

Выстроившись в одну глубокую колонну (Keil), швейцарцы спустились с холмов со своей обычной стремительностью, рога Ури и Унтервальдена трубили в их середине, а над ними развевались знамена четырех лесных [кантонов](#)⁸⁹. Первый удар между двумя массами был грандиозным, но когда он закончился, конфедераты оказались отброшены назад. Вся их передняя шеренга полегла, а австрийская колонна была непоколебима. Через мгновение они воспряли духом; Ури сменил Люцерн во главе фаланги, и они снова бросились на стоящую перед ними шеренгу. Но вторая атака была не более успешной, чем первая: Швиц сменил Ури, Унтервальден - Швица, и все же больше ничего не удалось сделать. Австрийцы стояли с победой, а перед ними лежали длинные горы швейцарских трупов. В тот же момент

резерв герцога начал движение, намереваясь окружить фланг конфедератов. Наступил критический момент; без отчаянного усилия день был потерян: но пока швейцарцы неистово метались вдоль линии ошестинившихся остриев, тщетно отбиваясь от пронзающих их копий, необходимый импульс был наконец дан. Еще раз описывать героическую смерть Винкельрида нет необходимости: все знают, как была сломлена австрийская колонна, как в последовавшем за этим бою копье и длинный меч всадника оказались несопоставимы с алебардой, боевым топором и секирой, как герцог и его рыцари, отягощенные тяжелыми доспехами, не могли и не хотели бежать и пали ничком вокруг своего знамени.

Историки рассказывают нам обо всем этом, но забывают внушить, что, несмотря на неудачу, герцог Леопольд был ближе к успеху, чем любой другой полководец, исключение составляет лишь тот, кто противостоял швейцарцам вплоть до дня Мариньяно. Его идея встретить удар швейцарской фаланги более тяжелым ударом своей собственной была осуществима. Его ошибки в деталях разрушили план, который сам по себе был хорош. Первая ошибка заключалась в том, что он остановился, чтобы принять атаку противника, и не пошел вперед, чтобы встретить ее. Таким образом, он потерял большую часть преимущества, которое дало бы превосходство в весе его людей в столкновении колонн. Он также ошибся, не предприняв попытки надавить на конфедератов, когда их первые три атаки провалились, и тем самым дал им время собраться. Кроме того, он не использовал должным образом свой конный эскадрон в резерве, свои легкие войска и артиллерию, которая, как мы знаем, была у него с [собой](#)⁹⁰. Если бы они были задействованы на швейцарских флангах в нужный момент, они бы решили исход битвы. Но Леопольд использовал свою артиллерию только для открытия боя, а арбалетчиков и пращников держал в тылу, вероятно, из феодального суеверия, требовавшего, чтобы рыцарь играл самую важную роль в сражении. Пренебрегая этими мерами предосторожности, он проиграл день, но только после тяжелейшего боя, который когда-либо переживали швейцарцы.

Что может сделать лучший полководец, применив тактический эксперимент Леопольда, было показано тридцать семь лет спустя на поле Арбедро. Тогда миланский генерал Карманьола, впервые встретившийся с конфедератами, открыл бой кавалерийской атакой. Видя, что она полностью провалилась, опытный кондотьер сразу же прибег к другой форме атаки. Он снял с коней все свои 6000 человек и выстроил их в одну колонну против швейцарской фаланги. Противник, 4000 человек из Ури, Унтервальдена, Цуга и Люцерна, был в основном алебардистом, а пикинеры и арбалетчики составляли лишь треть его сил. Две массы встретились и вступили в честный поединок между копьем и мечом с одной стороны и пикой и алебардой с другой. Импульс большего войска сбивал импульс меньшего, и, несмотря на отчаянный бой своих врагов, миланцы начали одерживать верх. Конфедераты были так сильно потеснены, что Шультгейс из Люцерна даже подумал о сдаче и в знак покорности воткнул свою алебарду в землю. Однако Карманьола, разгоряченный боем, крикнул, что те, кто не дает четверти, не должны получать ее, и продолжил наступление. Он был уже на пороге [победы](#)⁹¹, когда в его тылу внезапно появились новые силы швейцарцев. Полагая, что это войска Цюриха, Швайца, Гларуса и Аппенцелля, которые, как он знал, находятся на небольшом расстоянии, Карманьола отозвал своих людей и начал перестраиваться. Но в действительности новоприбывшие были всего лишь отрядом из 600 фуражиров; они не предприняли ни одной атаки, в то время как основная масса швейцарцев воспользовалась ослаблением давления, чтобы отступить в полном порядке. По их собственному признанию, они потеряли 400 человек, а по итальянским данным - гораздо больше. Потери Карманьолы, хотя и были больше, но не составляли такой пропорции по отношению ко всем его силам, и в основном они были понесены в неудачной кавалерийской атаке, которая открыла сражение.

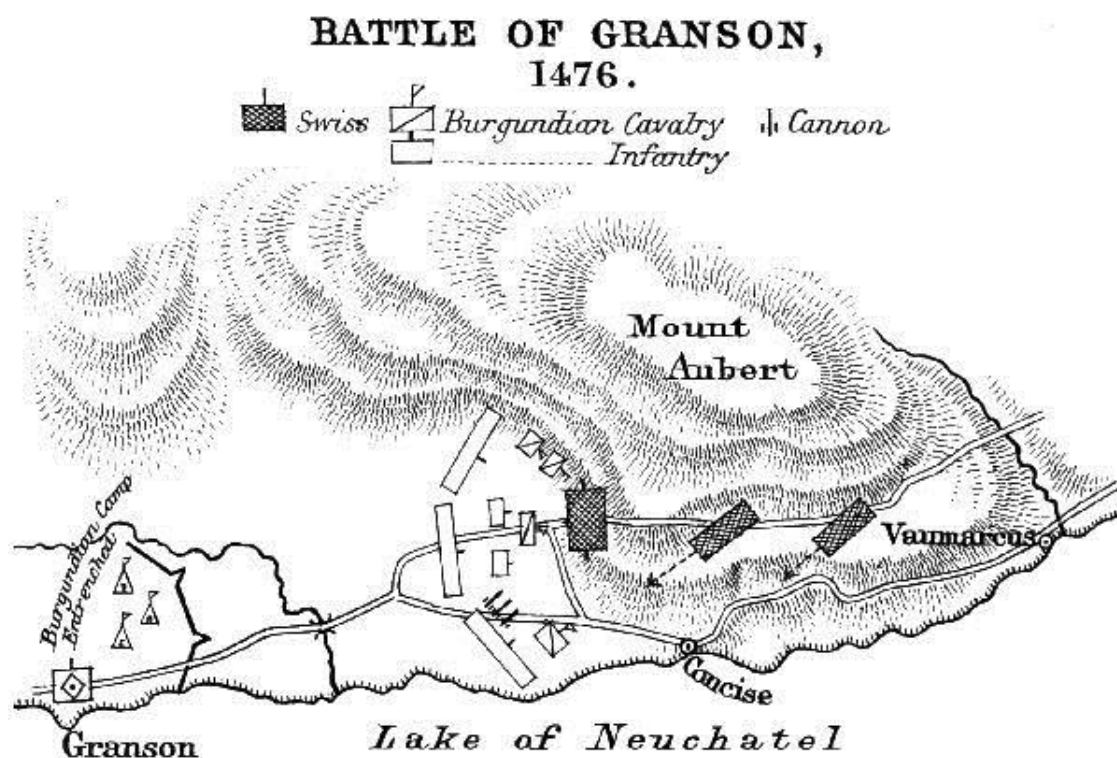
Из результатов Семпах и Арбеда можно сделать вывод, что разумное использование конных стрелков могло бы привести к успеху, если бы правильно сочеталось с использованием других видов оружия. Однако этот эксперимент так и не был повторен врагами швейцарцев: практически единственным следствием, которое мы можем приписать ему, является постановление Люцернского совета о том, что "поскольку дела с конфедератами шли не совсем хорошо", большая часть армии в будущем должна быть оснащена [пикой92](#), оружием, которое, в отличие от алебарды, могло на равных соперничать с копьем.

Оставив в стороне две битвы, которые мы рассмотрели в последний раз, можно сказать, что за первые 150 лет своей карьеры швейцарцы были настолько удачливы, что никогда не встречались ни с мастерами военного искусства, ни с какой-либо новой формой тактической эффективности, которая могла бы соперничать с их собственной фалангой. Им по-прежнему приходилось иметь дело с всадниками с почтовыми шлемами или пестрой и недисциплинированной пехотой средних веков. Их тактика была разработана для успешного противостояния таким силам и продолжала сохранять превосходство над ними. Свободные копья Энгуррана де Куси, мещане и дворяне Швабии, рыцари, следовавшие за Фридрихом, Леопольдом или Сигизмундом Габсбургским, не были выразителями новой системы, и каждый в свою очередь служил для того, чтобы еще более наглядно продемонстрировать превосходство конфедератов в военном мастерстве.

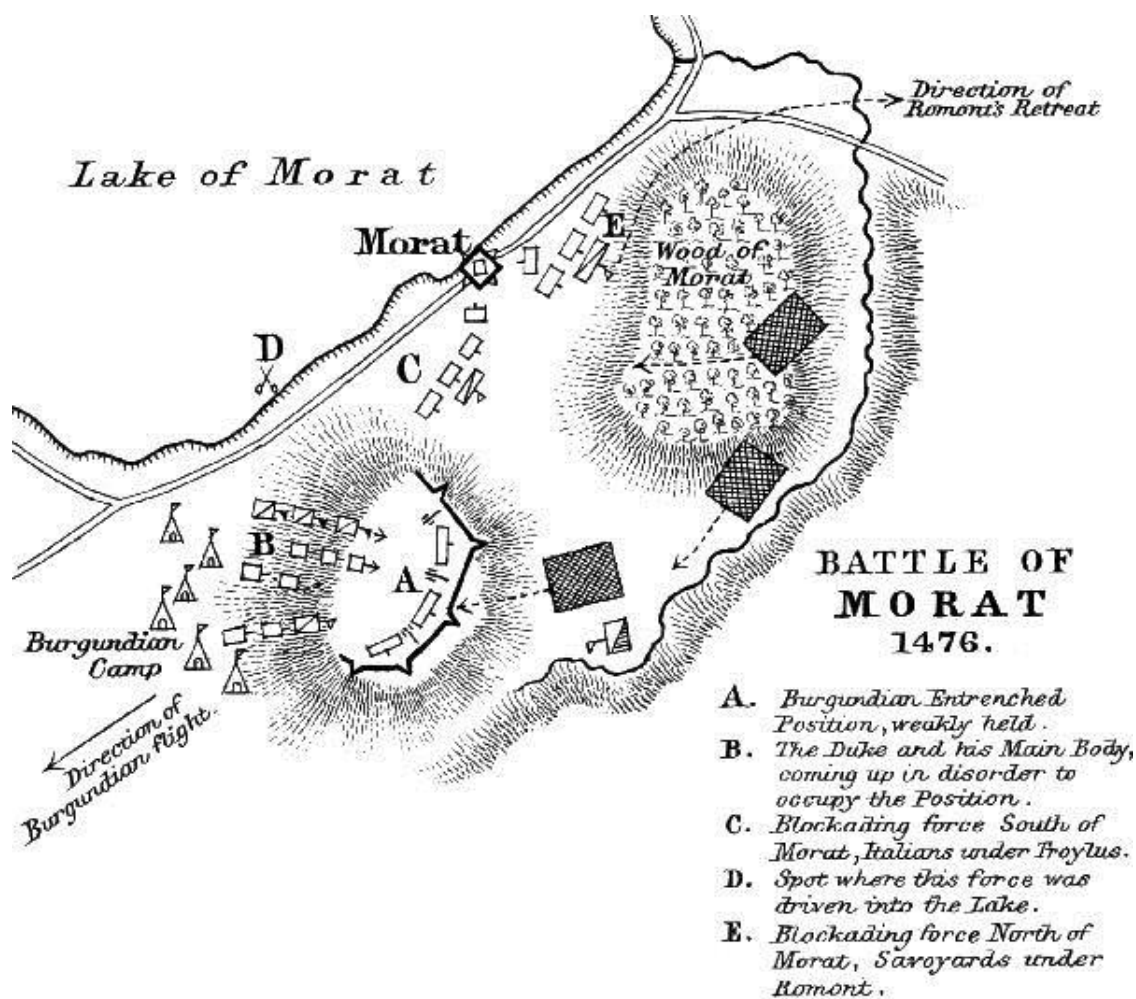
Даже самое опасное нападение, когда-либо направленное против Швейцарии, - вторжение арманьякских наемников дофина Людовика в 1444 году - должно было привести к росту воинственной репутации ее солдат. Битва при Сен-Жакобе, пусть безумная и ненужная, могла бы послужить примером, чтобы удержать самого смелого врага от столкновения с людьми, которые предпочитали уничтожение отступлению. Одержимые единственной идеей, что их фаланга способна преодолеть любое препятствие, конфедераты намеренно переправились через Бирс перед лицом армии, в пятнадцать раз превосходящей их по численности. Они атаковали ее, прорвали центр, а затем были окружены ее подавляющим числом. Вынужденные "сформировать ежа", чтобы противостоять огромным кавалерийским атакам, они оставались на месте до конца дня. Дофин выпускал на них эскадрон за эскадронами, но каждый из них в свою очередь в беспорядке отбрасывался назад. В промежутках между этими атаками французские легкие войска осыпали их ракетами, но, хотя скопление пик и алебард становилось все меньше, оно все равно оставалось непробиваемым. Бой закончился только к вечеру, и тогда 6000 арманьяков лежали мертвыми вокруг кучи швейцарских трупов в центре. Людовик понял, что несколько таких побед уничтожат всю его армию, и повернул обратно в Эльзас, оставив Швейцарию без присмотра.

С этого дня конфедераты могли считать свою репутацию упрямых и непобедимых храбрецов одной из главных причин, придавших им политическое значение. Генералы и армии, которые впоследствии противостояли им, шли в бой без полной уверенности в себе. Нелегко было вступать в бой с врагом, который не отступал перед любым численным превосходством, который всегда был готов к бою, который не давал и не брал четверти. Врагов швейцарцев эти соображения, наоборот, воодушевляли перед боем: можно сказать, что они вышли на поле боя, ожидая поражения, и потому его заслужили. Этот факт особенно ярко проявился во время великой Бургундской войны. Если сам Карл Стремительный не был ошеломлен воинственной славой своих [врагов93](#), то этого нельзя сказать о его войсках. Значительной части его разношерстной армии нельзя было доверять ни в одном опасном кризисе:

немецкие, итальянские и савойские наемники слишком хорошо знали ужасы швейцарской войны и инстинктивно боялись удара фаланги пик. Герцог мог расставить своих людей в боевом порядке, но он не мог быть уверен, что они будут сражаться. Старая пословица о том, что "Бог на стороне конфедератов", постоянно звучала в их ушах, и поэтому они были наполовину побеждены еще до того, как был нанесен удар. Карл постарался обеспечить эффективность своей армии, набрав из каждой воинственной нации Европы тот класс войск, которым она славилась. Лучники Англии, аркебузиры Германии, легкая кавалерия Италии, пикинеры Фландрии шли бок о бок с феодальным рыцарством его бургундских вассалов. Но герцог забыл, что, собрав под своим знаменем столько национальностей, он лишил их той сплоченности, которая так важна в бою. Без взаимного доверия и уверенности в том, что каждый товарищ сделает все возможное для общего дела, солдаты не устоят. Грансон был проигран только потому, что нервы пехоты подвели их в решающий момент, хотя они еще не были задействованы.

БИТВА ПРИ ГРАНСОНЕ, 1476 ГОД.

БИТВА ПРИ МОРАТЕ, 1476 ГОД.

- A. Опорная позиция бургундцев, слабо удерживаемая.
- B. Герцог и его основная часть, беспорядочно наступающая, чтобы занять позицию.
- C. Блокирующие силы к югу от Мората, итальянцы под командованием Тройлуса.
- D. Место, где эти силы были загнаны в озеро.
- E. Блокирующие силы к северу от Мората, савойцы под командованием Ромона.

В этом бою неумелый генералитет швейцарцев поставил тактические преимущества на сторону Карла: он и обошел их с фланга, и атаковал одну дивизию их армии до того, как подошли остальные. Однако ему пришлось узнать, что армия, превосходящая по боевому духу и однородности и хорошо знающая свое оружие, может быть победоносной, несмотря на все недостатки. Благодаря своему рвению к бою авангард конфедератов, состоящий из войск Берна, Фрайбурга и Швайца, значительно опередил остальные силы. Быстро перебравшись через холм в одной из своих обычных глубоких колонн, они обнаружили, что вся бургундская армия расположилась перед ними в боевом порядке на равнине Грансон. Поднявшись к подножию холма, они сразу же увидели, что конница герцога готовится атаковать их. Старый опыт отучил их от подобных зрелищ: повернувшись лицом наружу, колонна ожидала нападения. Первой атаковала кавалерия левого крыла Карла: она потерпела неудачу, хотя возглавлявший ее галантный лорд Шатогуйон загнал своего коня

под пики и погиб у подножия штандарта Швайца. Далее герцог сам повел на копья свою гвардию, давно считавшуюся лучшим войском в Европе: они сделали все, на что были способны храбрецы, но были отброшены в замешательстве от ровной линии остриев копий. Швейцарцы начали продвигаться вперед по равнине, желая испытать эффект от удара своей фаланги по бургундской линии. Чтобы встретить это наступление, Карл решил отвести назад свой центр, а когда противник выдвинется против него, обрушить оба крыла на его фланг. Этот маневр представлялся вполне осуществимым, поскольку остатки армии Конфедерации еще не были в поле зрения. Соответственно, пехоте и орудиям, находившимся непосредственно перед приближающейся колонной, был отдан приказ отойти; в то же время резерв был отправлен для укрепления левого крыла, корпуса, которым герцог намеревался нанести свой самый сокрушительный удар. Бургундская армия, по сути, повторить движение, которое принесло Ганнибалу победу при Каннах: однако их удача была совсем иной. В тот момент, когда центр начал отступать, а фланги еще не вступили в бой, головы двух швейцарских колонн, которые до этого не появлялись, появились над склоном Мон-Обера; они быстро двигались к полю боя с обычной величественной устойчивостью своего строя. Это, конечно, нарушило бы план Карла по окружению первой фаланги; *эшелон* дивизий, который был обычным швейцарским строем, теперь был создан. Однако ход боя изменился еще более неожиданно, чем можно было ожидать. Связав отступление своего центра с наступлением швейцарцев, вся пехота бургундского крыла разбилась и обратилась в бегство задолго до того, как массы конфедератов вошли с ними в контакт. Это была чистая паника, вызванная тем, что армия герцога не имела ни сплоченности, ни уверенности в себе; различные корпуса в момент опасности не могли положиться на стойкость друг друга и, видя, как им казалось, разгром своего центра, уже не думали о том, чтобы попытаться переломить судьбу дня. Можно сказать, что ни один генерал не мог предвидеть столь позорного бегства; но в то же время герцога можно порицать за то, что он попытался провести деликатный маневр с армией, лишенной однородности, и перед лицом предприимчивого противника. Стратегические движения в тыл" всегда имеют тенденцию перерасти в неприкрытое отступление, если только люди не находятся в полном порядке, и поэтому их следует избегать по мере возможности. Грансон стал для швейцарцев лишь еще одним примером бессилия лучшей кавалерии против их колонн: пехотных боев у него не было вообще.

Во втором крупном поражении, которое он потерпел от конфедератов, герцог был виновен в гораздо более вопиющих ошибках своего генералитета. Его армия была разделена на три части, которые в случае фланговой атаки не могли принести друг другу никакой помощи. Позиция, которую он выбрал и укрепил для прикрытия своих осадных операций, защищала их только от нападения с юго-востока. Еще более странным было то, что легкие бургундские войска держались так близко к главному корпусу, что герцог не имел точных сведений о передвижениях своих врагов, пока они не появлялись перед его линиями. Таким образом, армия Конфедерации смогла пройти под прикрытием Моратского леса прямо по фронту двух корпусов, которые фактически составляли центр и левую часть армии Карла. Поскольку было хорошо известно, что враг находится в непосредственной близости, трудно представить, как герцог мог довольствоваться тем, что ждал в боевом порядке в течение шести часов, не высылая войска для получения информации. Тем не менее несомненно, что, когда швейцарцы не появились, он отправил основную часть своих войск обратно в лагерь, оставив тщательно укрепленную позицию на попечение нескольких тысяч человек. Едва эта ошибка была допущена, как авангард конфедератов появился на окраине Моратского леса и двинулся прямо на палисад. Совершенно неполноценный гарнизон предпринял смелую попытку удержать позиции, но через несколько минут был отброшен вниз по склону холма, в объятия войск, спешивших из лагеря на подмогу. Швейцарцы, шедшие с тыла, теснили беспорядочную массу перед собой и подробно разбивали каждый поддерживающий их

корпус, который пробирался к ним в атаку. Большая часть бургундской пехоты повернула и бежала - с гораздо большим основанием, чем при Грансоне. Многие из кавалерийских корпусов пытались изменить ход событий отчаянными, но одиночными атаками, в которых их постигла обычная участь тех, кто пытается сломить швейцарскую фалангу. Однако бой вскоре закончился, и на его место пришла простая резня. В то время как фургон и основная часть конфедератов преследовали летящую толпу, устремившуюся в сторону Авенша, тыл обрушился на итальянскую пехоту, которая формировала осаждающие силы к югу от города Морат. Эти несчастные, чье отступление было отрезано направлением, по которому бежал основной корпус, были растоптаны ногами или столкнуты в озеро ударом швейцарской колонны и полностью уничтожены, из шеститысячного войска не спасся ни один человек. Савойский корпус под командованием Ромона, составлявший крайний левый фланг герцога и располагавшийся к северу от Мората, спасся благодаря опасному маршу, который привел их в тыл конфедератам.

Хотя Карл сделал все возможное, чтобы подготовить победу для своих врагов благодаря ошибкам в своей диспозиции, управление швейцарской армией при Морате стало причиной полного его поражения. Успешная атака на бургундский правый фланг отрезала бы путь к отступлению двум изолированным корпусам, составлявшим центр и левый фланг герцога; поэтому лидеры конфедератов решили штурмовать этот пункт, хотя для этого им пришлось бы пройти прямо по фронту [противника](#)⁹⁴. Благодаря его удивительной оплошности, оставившей их поход незамеченным, они смогли застать его врасплох и уничтожить его армию в деталях, прежде чем она успела сформировать даже рудиментарную линию сражения.

Под Нанси швейцарские полководцы вновь проявили немалое мастерство в диспозиции: главная баталия и небольшая тыловая колонна сдерживали и привлекали внимание бургундской армии, а фургон совершил поворот через лес, который вывел его на фланг противника и сделал его позицию совершенно непригодной. Войска герцога, атакованные спереди и справа в один и тот же момент, и вынужденные иметь дело с очень превосходящими силами, были не просто разбиты, но рассеяны или уничтожены. Сам Карл, отказавшись бежать и отчаянно сражаясь, чтобы прикрыть отступление своих разрозненных войск, был окружен и рассечен по шлему и черепу огромным ударом швейцарской алебарды.

Однако полководческое искусство, проявленное при Нанси и Морате, было исключительным среди конфедератов. После этих сражений, как и прежде, мы видим, что их победы по-прежнему одерживались лобовом и отчаянным наступлением, а не благодаря проявлению каких-либо выдающихся стратегических способностей. В Швабской войне 1499 года заслуга их успехов принадлежит скорее войскам, чем их предводителям. Штурмы укрепленных лагерей Харда и Мальшайда были прекрасными примерами силы непоколебимого мужества; но в каждом случае швейцарские офицеры, похоже, считали, что выполняют свой долг, когда вели своих людей прямо на вражеские укрепления. При Фрастенце день был выигран отчаянной атакой по склону скалы, которую тирольцы оставили без охраны, как недоступную. Даже при Дорнахе - последнем сражении на швейцарской земле против захватчика до XVIII века - судьба боя зависела от превосходства конфедератов над швабскими пикинерами в людях и от того, что копья Гельдреса не смогли прорвать фланговую колонну самым решительным натиском. Маневрирования, судя по всему, было мало, стратегического планирования - вообще никакого; считалось, что достаточно выпустить фалангу на врага и довериться ее силе, способной уничтожить все препятствия, возникающие на ее пути.

(4) Причины упадка швейцарского превосходства.

Их пренебрежение к более высоким и деликатным проблемам военной науки было призвано ослабить мощь и уничтожить репутацию конфедератов. В то время, когда великая борьба в Италии служила школой для солдат других европейских наций, они одни отказывались учиться. Широкие теории, почерпнутые из новооткрытых трудов древних, согласовывались с современным опытом профессиональных офицеров и превращались в военное искусство, намного превосходящее все, что было известно в средневековые времена. Ученые инженеры и артиллеристы начали изменять условия ведения войны, и феодальные традиции были повсеместно отброшены. На фронт выходили новые формы военной эффективности, такие как испанские меченосцы, страдиотская легкая кавалерия, немецкие "черные группы" мушкетеров. Совершенствование огнестрельного оружия, переданного в руки пехоты, было менее важным, чем превосходная мобильность, которую получила полевая артиллерия.

Швейцарцы, однако, не обращали внимания на эти изменения; мир вокруг них мог меняться, но они оставались верны тактике своих предков. Поначалу, правда, их оружие все еще было увенчано успехом: в Италии, как и в более северных землях, их видели "марширующими с десятью или пятнадцатью тысячами пикинеров против любого количества лошадей и завоевавшими общее мнение о своем превосходстве благодаря многим выдающимся заслугам, которые они совершили⁹⁵". Некоторое время они пользовались огромным авторитетом и оставили свой след в военной истории всех народов центральной и южной Европы. Но было невозможно, чтобы один стереотипный тактический метод, применяемый людьми, лишенными широких и научных знаний о военном искусстве, продолжал удерживать неоспоримое господство. Победы швейцарцев заставили каждого способного и разносторонне одаренного офицера искать эффективный способ борьбы с наступлением фаланги. Этот поиск был сравнительно легким благодаря тому, что на смену старой феодальной коннице и никчемной средневековой пехоте быстро приходили дисциплинированные войска, способные сохранять хладнокровие и собранность даже перед отчаянным натиском пикинеров Конфедерации. Постоянная армия Карла Бургундского стала неэффективной из-за отсутствия однородности и сплоченности, а также из-за плохого полководческого таланта ее лидера. Постоянные армии, сражавшиеся в Италии тридцать лет спустя, были совсем другими. Хотя они по-прежнему формировались из представителей разных наций, их объединяли узы старого товарищества, *esprit de corps*, профессиональная гордость или доверие к любимому генералу. Поэтому швейцарцам пришлось столкнуться с войсками гораздо более высокой военной ценности, чем те, с которыми они когда-либо сталкивались.

Первым экспериментом против конфедератов стал эксперимент императора Максимилиана, который создал в Германии корпуса пикинеров и алебардистов, обученных действовать точно так же, как их враги. Ландскнехты" вскоре завоевали репутацию, не уступающую швейцарцам, с которыми они смело встречались на многих кровавых полях. Упорные столкновения между ними были вызваны как военным, так и национальным соперничеством: конфедераты были возмущены тем, что какие-то войска осмеливаются противостоять им с их особой тактикой, а немцы были полны решимости показать, что они не уступают в храбрости своим альпийским сородичам. Поэтому столкновение противоборствующих колонн было грандиозным. Две ошестинившиеся линии пик скрестились, и передовые отряды навалились друг на друга под непреодолимым давлением сзади. Часто вся передняя шеренга каждой фаланги падала в первом же натиске, но их товарищи наступали на их тела, чтобы продолжить бой⁹⁶. Когда массы некоторое время "давили друг на друга", их строй

становился беспорядочным, а пики сцеплялись: тогда наступало время [алебардистов97](#). Колонны расступались, чтобы пропустить их, или обходили с тыла и бросались в бой. Это была самая смертоносная эпоха схватки: сражающиеся с ужасающей быстротой рубили друг друга. Их громоздкое оружие почти не позволяло фехтовать и парировать и наносило раны, которые почти всегда были смертельными. Каждый, кто пропускал удар, или спотыкался о падающего товарища, или обращался в бегство, был обречен. Четверти не ждали и не давали. Конечно, эти страшные рукопашные схватки не могли быть продолжительными: одна из сторон рано или поздно должна была сдавать позиции и нести самые страшные потери при отступлении. Именно в такой борьбе ландскнехты потеряли целую половину своих сил, когда швейцарцы разгромили их под Новарой. Однако даже одержав победу, конфедераты обнаружили, что их военное превосходство становится все меньше: они уже не могли смести противника с поля боя одним бесконтрольным натиском, а сталкивались с войсками, готовыми обратить против них их собственное оружие, и требовали сильнейшего давления, прежде чем они сдадут позиции. Несмотря на поражения, ландскнехты удерживали поле боя и в конце концов взяли реванш, когда швейцарцы в беспорядке отступили из роковых окопов Бикокки.

Однако был противник еще более грозный, чем немец, которому предстояло появиться на сцене несколько позже. Испанская пехота Гонсальво де Кордова еще раз продемонстрировала всему военному миру силу тактики старого Рима. Они были вооружены, как и бойцы древнего легиона, коротким колющим мечом и баклером, носили стальную шапку, нагрудные и тыльные щитки и поножи. Таким образом, их защитное вооружение было гораздо сильнее, чем у швейцарцев, с которыми им предстояло столкнуться. Когда пикинер и мечник впервые встретились в 1502 году под стенами Барлетты, старая проблема Пидны и Синоскефала была решена еще раз. Фаланга, столь же прочная и эффективная, как у Филиппа Македонского, была встречена войсками, чья тактика была похожа на тактику легионеров Эмилия Павла. Тогда, как и в более раннюю эпоху, победили те, кто владел более коротким оружием. Когда они вступили в бой, швейцарцы сначала так сильно наседали на врага с пиками, что разомкнули свои ряды; но испанцы, прикрываясь пряжками, проворно бросились на них с мечами и так яростно набросились на них, что устроили большую резню швейцарцев и одержали полную [победу98](#). Побежденные, по сути, подверглись от рук испанцев тому же обращению, которому они сами подвергли австрийцев при Семпахе. Носитель более длинного оружия становится беспомощным, когда его противник сходится с ним, будь то копье и алебарда или пика и меч. Как только в македонской или швейцарской фаланге появлялась брешь, огромная длина их копий становилась их гибелью. Ничего не оставалось делать, как бросить их, и в последовавшем затем бою войска, использующие только меч и не имеющие защитных доспехов, оказывались в безнадежно невыгодном положении при нападении на людей, оснащенных не только мечом, но и копьем, и защищенных более полным панцирем. Каким бы ни был результат поединка между мечом и копьем, несомненно, что, когда к снаряжению мечника добавляется легкий щит, он сразу же одерживает верх. Щит отводит в сторону острие копья, и тогда колющее оружие может свободно выполнять свою [работу99](#). Поэтому вполне естественно, что при встрече испанской и швейцарской пехоты первая почти в каждом случае добивалась успеха. Однако бессилие пики было наиболее ярко продемонстрировано в битве, в которой судьба не была благосклонна к Испании. В бою под Равенной Гастону де Фуа удалось выбить дону Рамона де Кардону из его окопов, и он пытался закрепить плоды победы энергичным преследованием. Чтобы перехватить отступление испанской пехоты, которая отступала в полном порядке, Гастон послал вперед пикинеров Якоба Эмпсера, служивших в то время в качестве вспомогательных войск под французским знаменем. Эти войска обрушились на отступающую колонну и попытались задержать ее продвижение. Однако испанцы тут же

развернулись и яростно набросились на немцев, "бросаясь на пики, или бросаясь на землю и проскальзывая под острями, так что они проскакивали между ног пикинеров" - маневр, напоминающий поведение суданских арабов при Эль-Тебе. Таким образом, им удалось сблизиться со своими противниками и "так хорошо использовать свои мечи, что ни один немец не спасся бы, если бы французские лошади не подоспели им на [помощь100](#)". Этот бой был типичным для многих других, в которых в первой четверти XVI века было доказано, что меч и баклер способны справиться с пикой. Поэтому можно спросить, почему перед лицом этих фактов швейцарское оружие оставалось в употреблении, в то время как испанская пехота окончательно отказалась от своей особой тактики. Ответ на этот вопрос можно найти в том, что шпага не годилась для отражения кавалерийского натиска, а пика продолжала использоваться для этой цели вплоть до изобретения штыка в конце XVII века. Макиавелли, изучавший римскую античность, был самым преданным поклонником испанской системы, которая, казалось, возвращала времена древнего легиона. Однако даже он признавал, что пика - оружие, которое он при каждом удобном случае готов презирать, - должна быть сохранена значительной частью тех идеальных армий, для руководства которыми он написал свое "Искусство войны". Он не мог придумать другого оружия, которое могло бы противостоять натиску конницы, неуклонно наседающей на него, и поэтому был вынужден сочетать пикинеров со своими "велами" и "баклерменами".

Стремительное развитие инженерного и артиллерийского искусства нанесло еще один сильный удар по швейцарскому превосходству. Многогранная энергия эпохи Возрождения нередко превращала профессионального солдата в ученого и заставляла его адаптировать науку древних к требованиям современной войны. Самого беглого изучения Вегеция Гигина или Витрувия - авторов, весьма почитаемых в то время, - было бы достаточно, чтобы показать мощь римского укрепленного лагеря. Соответственно, искусство кастратов возродилось, и к каждой армии были прикреплены корпуса пионеров. Стало обычным делом укреплять не только постоянные позиции, но и лагеря, которые должны были простоять всего несколько дней. Выгодные места использовались с выгодой для себя, а для защиты армии, которая чувствовала себя неполноценной в полевых условиях, строились линии большей или меньшей силы с артиллерийскими орудиями. Многие из величайших сражений итальянских войн происходили на таких позициях и вокруг них; Равенна, Бикокка и Павия - яркие тому примеры. Еще чаще генерал бросался со всеми своими силами в укрепленный город и покрывал его флигелями и редутами, пока тот не становился похожим скорее на укрепленный лагерь, чем на крепость. Такой этап войны был крайне невыгоден для швейцарцев: даже самая отчаянная храбрость не может перебросить людей через каменные стены или затопленные рвы, если они пренебрегают искусством, которое учит их подходить к таким препятствиям. Конфедераты и раньше не отличались особым умением атаковать сильные позиции; а теперь, когда позиции противника так же часто оказывались за оборонительными сооружениями, как и на открытой равнине, они отказывались приспособить свою тактику к изменившимся обстоятельствам. Иногда, как, например, при штурме Генуэзских укреплений в 1507 году, им все же удавалось смести врага с лица земли одной лишь стремительностью своего наступления. Но чаще катастрофа следовала за стремительным натиском на линии, удерживаемые достаточным количеством устойчивых войск. Наиболее яркий пример этого можно наблюдать в 1522 году, когда швейцарские колонны попытались выбить врага из укрепленного парка Бикокка. Под сильным огнем испанских хакбутменов они преодолели несколько изгородей и затопленных траншей, прикрывавших основную позицию империалистов. Но когда они подошли к последнему рву и насыпи, вдоль которых располагались ландскнехты Фрундсберга, то обнаружили препятствие, которое не смогли преодолеть. Спрыгнув в глубокий котлован, передовые части пытались вскарабкаться на его дальнейший склон; но каждый, кто делал попытку, падал под ударами пик немцев, которые,

стоя на более высоком уровне в своих шеренгах, с величайшей стойкостью сдерживали непрекращающиеся броски. Три тысячи трупов остались во рву, прежде чем швейцарцы отказались от своей безнадежной затеи; это была атака, которая по неуместной смелости соперничала с британским штурмом Тикондероги в 1758 году.

Усовершенствованная артиллерия начала XVI века нанесла еще больший ущерб конфедератам. Из всех формирований фаланга - самое легкое, в которое легче всего целиться, и то, которое несет наибольшие потери от каждого пушечного ядра, которое в него попадает. Один выстрел, пробив ее строй, может вывести из строя двадцать человек, но швейцарцы упорно бросались прямо на фронт батарей и штурмовали их, несмотря на убийственный огонь. Такое поведение могло быть оправдано в XV веке, когда неуклюжие пушки того времени редко могли сделать больше одного выстрела за время, прошедшее с момента появления врага в пределах досягаемости и до момента, когда он достигнет их дула. Однако ученые артиллеристы, такие как Пьетро Наварро и Альфонсо д'Эсте, сделали пушку реальной силой в сражениях, повысив ее мобильность и скорострельность. Тем не менее конфедераты продолжали использовать фронтальную атаку, которая за сорок лет стала в четыре-пять раз опаснее. Страшный урок безрассудства такой тактики был преподан им при Мариньяно, где, несмотря на галантность французской жандармерии, победу одержала артиллерия. Система, которую применили советники Франциска, заключалась в том, чтобы обрушивать на фланги швейцарских колонн удар за ударом кавалерии, в то время как с фронта на них действовала артиллерия. Наступления кавалерии, хотя им и не удалось сломить фалангу, заставили ее остановиться и "сформировать ежа". Оруженосцы наступали телами численностью около пятисот человек, причем один принимал бой, когда первый был отбит. "Таким образом было нанесено более тридцати прекрасных ударов, и в будущем никто не сможет сказать, что от кавалерии толку не больше, чем от зайцев в доспехах", - писал король своей матери. Конечно, сами по себе эти атаки были бы бесплодны; именно тот факт, что они сдержали продвижение швейцарцев и заставили их остановиться под артиллерийским огнем, решил исход [сражения101](#). В конце концов колонны пострадали настолько сильно, что отказались от попыток наступления и отступили в полном порядке, не разбитые, но уменьшившиеся вдвое.

Последней, но не менее важной причиной падения военного превосходства конфедератов стало постоянное ухудшение их дисциплины. В то время как у других народов полководцы становились все большими мастерами военного искусства, у швейцарцев они все больше превращались в рабов своих солдат. Разделение полномочий всегда пагубно сказывалось на развитии стратегического мастерства, но теперь оно стало делать невозможным даже тактические мероприятия. Армия рассматривала себя как демократию, имеющую право руководить действиями своего министерства, а не как орган, подчиненный военной дисциплине. Преисполненные слепой уверенности в непобедимости своего наступления, они спокойно пренебрегали приказами, которые казались им излишними. В ряде случаев они атаковали фронт позиции, которую намеревались развернуть; в других случаях они начинали конфликт, хотя им было приказано дожидаться прибытия других дивизий, прежде чем дать бой. Если дела шли неважно, они отказывались даже от видимости повиновения своим командирам. Перед Бикоккой был поднят крик: "Где офицеры, пенсионеры, люди с двойным жалованием? Пусть хоть раз выйдут и честно заработают свои деньги: сегодня все они будут сражаться в первой шеренге". Еще более удивительным, чем самонадеянность требования, был тот факт, что его выполнили. Командиры и капитаны вышли вперед и возглавили передовую колонну; едва ли кто-то из них уцелел в бою, а Винкельрид

Унтервальденский, предводитель ван-гарда, первым пал под копьями ландскнехтов Фрундсберга. Что можно было ожидать от армии, в которой люди отдавали приказы, а офицеры их исполняли? Грубая сила и безрассудная храбрость были единственными качествами, которые теперь использовали швейцарцы, в то время как против них выступали ученые генералы новой школы войны. Результат оказался таким, как и следовало ожидать: тактика пикинеров, которой восхищалась вся Европа, была вытеснена, поскольку стала стереотипной, и швейцарцы потеряли свое гордое положение самой грозной пехоты в мире.

VI.

Англичане и их враги. 1272-1485 ГГ.

[От воцарения Эдуарда I до окончания Войны Роз].

Использование длинного лука - такой же ключ к успехам английских армий в XIV и XV веках, как пика - к успехам швейцарцев. Как бы ни были несхожи характеры этих двух видов оружия и национальные тактики, к которым привело их использование, оба они применялись с одной и той же целью - положить конец господству на войне всадника феодального режима. Не менее любопытным в военной истории того периода является то, что полководцы, так хорошо использовавшие стрельбу из лука, не имели ни малейшего представления о тенденциях их действий. Эдуард Черный Принц и его отец считали себя цветком рыцарства и пришли бы в ужас, если бы поняли, что их собственная тактика делает рыцарскую войну невозможной. Однако так оно и было: этот ненаучный вид боя, напоминающий поединок с огромными тильтами, не мог продолжаться, если одна из сторон продолжала выводить на поле вспомогательные войска, которые не позволяли противнику подойти достаточно близко, чтобы сломать копье. Однако потребности момента не позволяли английским командирам предаваться подобным размышлениям; они наилучшим образом использовали имеющийся в их распоряжении материал, и если при этом оказывались в состоянии победить противника, то были удовлетворены.

Только в последней четверти XIII века длиннолук становится национальным оружием Англии. В армиях наших нормандских и анжуйских королей лучники действительно встречались, но они не составляли ни самой многочисленной, ни самой эффективной части войска. По эту сторону Ла-Манша, как и за ним, господство всадника в кольчуге оставалось неоспоримым. Примечательно, что теория, приписывающая норманнам введение длинного лука, труднодоказуема. Если доверять гобелену из Байе, точность которого в других вопросах полностью подтверждается всеми современными свидетельствами, оружие лучников Вильгельма ничем не отличалось от того, которое уже было известно в Англии и использовалось некоторыми англичанами в битве при [Сенлаке](#)¹⁰². Это короткий лук, притягиваемый к груди, а не к уху. Лучники, которые время от времени упоминаются в последующем столетии, как, например, те, что присутствовали в битве при Штандарте, не составляют сколько-нибудь важной части национальных сил. Ничто не может быть более убедительным в отношении незначительности этого оружия, чем тот факт, что оно вообще не упоминается в "Ассизе оружия" 1181 года. Таким образом, в правление Генриха II мы можем с полным основанием заключить, что лук не являлся надлежащим оружием ни одного из классов английского общества. Аналогичный вывод напрашивается из пристрастия Ричарда Кёр де Льва к арбалету: невозможно, чтобы он ввел это оружие как новое и превосходное,

если бы был знаком с великолепным длинным луком XIV века. Очевидно, что лук всегда должен сохранять преимущество в скорострельности перед арбалетом; поэтому Ричард должен был считать, что последний превосходит его по дальности и пробивной силе. Но нет ничего более убедительного, чем тот факт, что тренированный лучник времен Столетней войны был способен превзойти арбалетчиков по обоим этим показателям. Поэтому рационально заключить, что оружием, вытесненным арбалетом, был всего лишь старый короткий лук, который постоянно использовался с саксонских времен.

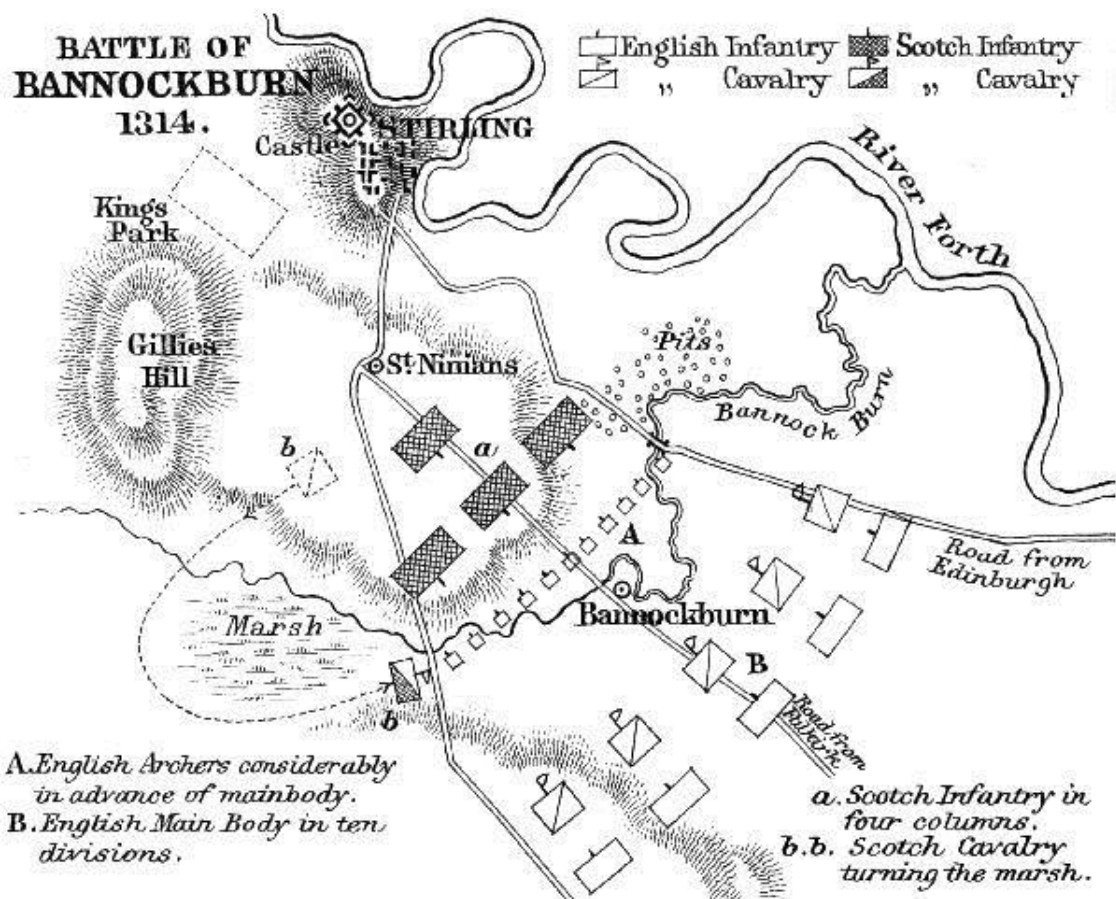
Как бы то ни было, арбалетчики продолжали занимать первое место среди легких войск во времена правления Ричарда и Иоанна. Первый монарх разработал для них систему тактики, в которой павиза играла важную роль. Второй же развлекал большое количество конных и пеших арбалетчиков среди наемных отрядов, которые были таким бичом для Англии. Похоже, что бароны в борьбе с Иоанном сильно пострадали от того, что не имели достаточного количества пехоты, вооруженной ракетами, чтобы противостоять арбалетчикам Фокса де Бреоте и его товарищей. Даже в правление Генриха III, в эпоху, когда длиннолук начинает входить в обиход, арбалет все еще считался более эффективным оружием. В битве при Тайллебурге в 1242 году корпус из 700 человек, вооруженных им, считался цветком английской пехоты.

Проследить истинное происхождение длинного лука непросто: есть основания полагать, что он мог быть заимствован у южных валлийцев, которые, несомненно, были снабжены им еще в 1150103 годах нашей эры. Против такого происхождения, однако, можно привести тот факт, что в первой половине XIII века он, по-видимому, был более популярен в северных, чем в западных графствах Англии. В качестве национального оружия он впервые принят в Ассизе о вооружении 1252 года, где всем владельцам 40 с. земли или девяти марок имущества предписывается обеспечить себя мечом, кинжалом, луком и [стрелами](#)104. В современных документах часто говорится об обязанности различных маноров предоставить королю одного или нескольких лучников, "когда он предпринимает экспедицию против валлийцев". Любопытно отметить, что даже в 1281 году предпочтение арбалету, похоже, сохранялось, а заработная плата его носителя была значительно больше, чем у [лучника](#)105.

Эдуарду I длинный лук обязан своим первоначальным ростом популярности: этот монарх, как и его внук и правнук, был способным солдатом и умел придумывать новые методы ведения войны. Долгий опыт валлийских походов привел его к научному использованию лука, подобному тому, который Вильгельм Завоеватель применил при Гастингсе. Нам сообщают, что впервые он применил его на практике в бою с принцем Ллевеллином у моста Оревин, а затем граф Уорик повторил его в другом бою в 1295 году. При приближении графа валлийцы выстроились перед его войском с длинными копьями, которые, внезапно развернувшись в сторону графа и его роты, упершись концами в землю, а остриями вверх, сломили силы английской кавалерии. Но граф хорошо защитился от них, поставив лучников между своими оруженосцами, так что этим метательным оружием те, кто держал копья, были повержены в [прах](#)106".

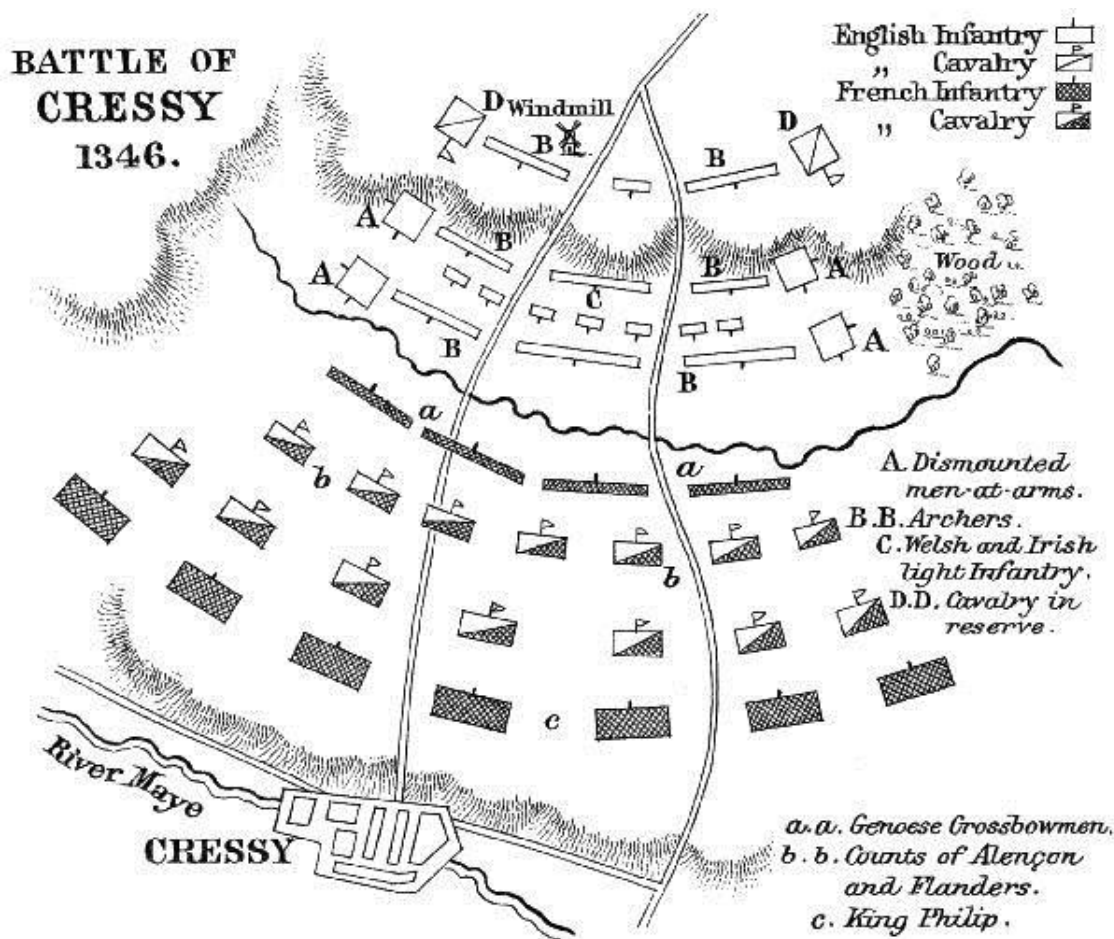
Однако битва при Фалкирке (1298 г.) - это первое действительно важное сражение, в котором лучники, дополненные кавалерией, сыграли главную роль. Обстоятельства этого сражения настолько убедительно свидетельствуют о силе стрелы, что оно не могло не послужить уроком для английских полководцев. Шотландцы Низины, составлявшие армию Уоллеса, состояли в основном из копьеносцев, вооруженных, как и швейцарцы, пиками многофутовой длины. В их рядах было небольшое конное войско, несколько сотен человек, и некоторое количество лучников, в основном из района Этрика и Селкирка. Уоллес, выбрав отличную позицию за болотом, выстроил своих копьеносцев в четыре большие массы (или

"шилтроны", как их называли шотландцы) круговой формы, готовые выступить в любом направлении. Легкие войска образовали линию в промежутках между этими колоннами, а кавалерия была поставлена в резерв. Эдуард наступал со своими всадниками тремя дивизиями, а его лучники расположились между ними. Передовой отряд англичан, под командованием графа Маршала, въехал в болото, был остановлен им и сильно пострадал шотландских ракетных орудий. Вторая дивизия под командованием епископа Даремского, заметив это препятствие, поскакала в обход болота, чтобы развернуть позицию Уоллеса. Небольшой отряд шотландской кавалерии попытался задержать их продвижение, но был полностью выбит с поля боя превосходящими [силами](#)¹⁰⁷. Тогда епископские всадники атаковали вражескую линию с тыла. Эскадронам, противостоящим легким войскам, удалось сбить их, поскольку лучники Уоллеса были вооружены только коротким луком и не отличались особым мастерством в его использовании. Однако те из англичан, кто столкнулся с массой пикинеров, получили кровавый отпор и были в беспорядке отброшены назад. Поэтому епископу пришлось дожидаться прибытия короля, который вел пехоту и остатки кавалерии в обход болота. Когда это было сделано, Эдуард подогнал своих лучников вплотную к шотландцам, которые не могли ни ответить (поскольку их легкие войска были оттеснены), ни атаковать из-за близости английских стрелков. Сосредоточив дождь стрел на определенных точках колонн, король изрядно проредил ряды шотландцев, а затем внезапно направил туда свою кавалерию. Замысел удался, пошатнувшиеся части массы были пронзены, и рыцари, взявшись за пики, устроили страшную резню противника. Мораль поединка была очевидна: конница не могла победить шотландскую тактику, но лучники, дополненные всадниками, легко справлялись с поставленной задачей. Соответственно, в течение последующих двух столетий особенности битвы при Фалкирке постоянно повторялись при каждой встрече англичан и шотландцев. Халидонский холм, Невиллс-Кросс, Хомильдон, Флодден - все это были вариации на одну и ту же тему. Стойкие, но медленнодвигающиеся массы пехоты Лоуленда падали жертвой собственной стойкой храбрости, когда, пошатываясь, тщетно пытались достичь линии лучников с флангов, окруженных стрелками, которых им противопоставил английский командир. Лучник мог похвастаться, что у него "на поясе двенадцать шотландских жизней"; ему оставалось только запустить свое древко в легкую мишень огромной надвигающейся массы пикинеров, и оно непременно должно было попасть в цель.

БИТВА ПРИ БАННОКБЕРНЕ, 1314 ГОД.

- A. Английские лучники значительно опережают основную массу.
- B. Английский основной корпус в составе десяти дивизий.
- a. Шотландская пехота в четырех колоннах.
- b.b. Шотландская кавалерия разворачивается на болоте.

БИТВА ПРИ КРЕССИ, 1346 ГОД.

- A. Конные воины.
- B.B. Лучники.
- C. Уэльская и ирландская легкая пехота.
- D.D. Кавалерия в резерве.
- a.a. Генуэзские арбалетчики.
- b.b. Графы Аленсонский и Фландрский.
- c. Король Филипп.

Баннокберн, действительно, является заметным исключением из общего правила. Однако его результат был обусловлен не попыткой отказаться от тактики Фалкирка, а неумелым ее применением. Войска Роберта Брюса, во многом схожие по составу с войсками Уоллеса, состояли из 40 000 пикинеров, некоторой доли легких войск и менее 1000 кавалерии. Они расположились очень компактно, с правого фланга их прикрывала болотистая местность, а с левого - множество небольших ям, предназначенных для задержания атак английской кавалерии. Эдуард II воздерживался от попыток развернуть армию Брюса, а стремясь к тому, чтобы 100 000 человек занимали не больше места по фронту, чем 40 000, стеснил его строй и сделал невозможными маневры. Однако самой роковой ошибкой было то, что он поставил всех своих лучников на передовую линию, без какой-либо защиты в виде всадников. Стрелы уже падали в шотландские колонны, прежде чем английская кавалерия полностью вышла на поле боя. Брюс сразу же увидел свою возможность: его небольшой отряд вооруженных

людей был быстро выдвинут против лучников. Фронтальная атака на них, конечно, была бы бесполезной, но фланговое наступление стало возможным из-за отсутствия английских эскадронов, которые должны были прикрывать фланги. Быстро проскакав по краю болота, шотландцы обрушились на незащищенную линию, раскатали ее из конца в конец и нанесли страшный урон своим неожиданным натиском. С лучниками обошлись так жестоко, что они больше не принимали эффективного участия в сражении. Разгневанный внезапным разгромом первой линии, Эдуард обрушил огромные массы кавалерии на сравнительно узкий фронт шотландской армии. Ровные колонны принимали их и с легкостью отбрасывали назад снова и снова. В конце концов в *бой* было брошено все вооружение, и великолепные силы английских всадников превратились в простую толпу, беспомощно метавшуюся перед вражеской линией и совершавшую частичные и неэффективные наскоки на тесную местность. В конце концов, их боевой дух иссяк, и когда на холме за позицией Брюса показался лагерь, распространился слух, что к шотландцам прибывает подкрепление. Англичане уже не надеялись на успех и теперь направили свои силы на отступление. Когда шотландцы двинулись в погоню, паника охватила разбитую армию, и все силы рассеялись в беспорядке. Многие галопом бросились в ямы слева; их перебили или взяли в плен. Несколько человек остались сражаться, и их постигла та же участь. Большинство же сразу направилось к английской границе, и считалось удачей, если они доберутся до Бервика или Карлайла, не будучи перехваченными и вырезанными крестьянами. Мораль дня заключалась в том, что лучники должны быть надлежащим образом поддержаны на флангах войсками, способными остановить кавалерийский натиск. Урок не был забыт, и при Креси и Мопертюи необходимая помощь была оказана, причем с самыми счастливыми результатами.

Следующая серия кампаний, в которых предстояло принять участие английскому лучнику, была направлена против врага, во всех отношениях отличающегося от выносливого копьеносца из Низины. Во Франции те абсурдные извращения военного искусства, которые прикрывались именем рыцарства, были более всемогущи, чем в любой другой стране Европы. Сила армий Филиппа и Иоанна Валуа состояла из пылкой и недисциплинированной аристократии, которая воображала себя самой эффективной военной силой в мире, но в действительности мало чем отличалась от вооруженной толпы. Система, которая воспроизводила на поле боя различия феодального общества, представлялась французскому дворянину идеальной формой военной организации. Он твердо верил, что, поскольку он бесконечно превосходит любого крестьянина в социальном плане, он должен, следовательно, превосходить его в той же степени в военном отношении. Поэтому он был склонен не только презирать все виды пехоты, но и рассматривать их появление на поле боя против него как оскорбление его сословной гордости. Самоуверенность французского дворянства, поколебленная на мгновение результатами Кортрея, вновь утвердилась после кровавых дней Мон-ан-Пюэль и Касселя. Считалось, что судьба, постигшая в этих случаях доблестных, но плохо обученных бюргеров Фландрии, типична для того, что ожидает любого пешего солдата, осмелившегося выступить против рыцарства самой воинственной аристократии христианства. Гордость предшествует падению, и теперь французскому дворянину предстояло встретиться с пехотой такого качества, о котором он и не подозревал.

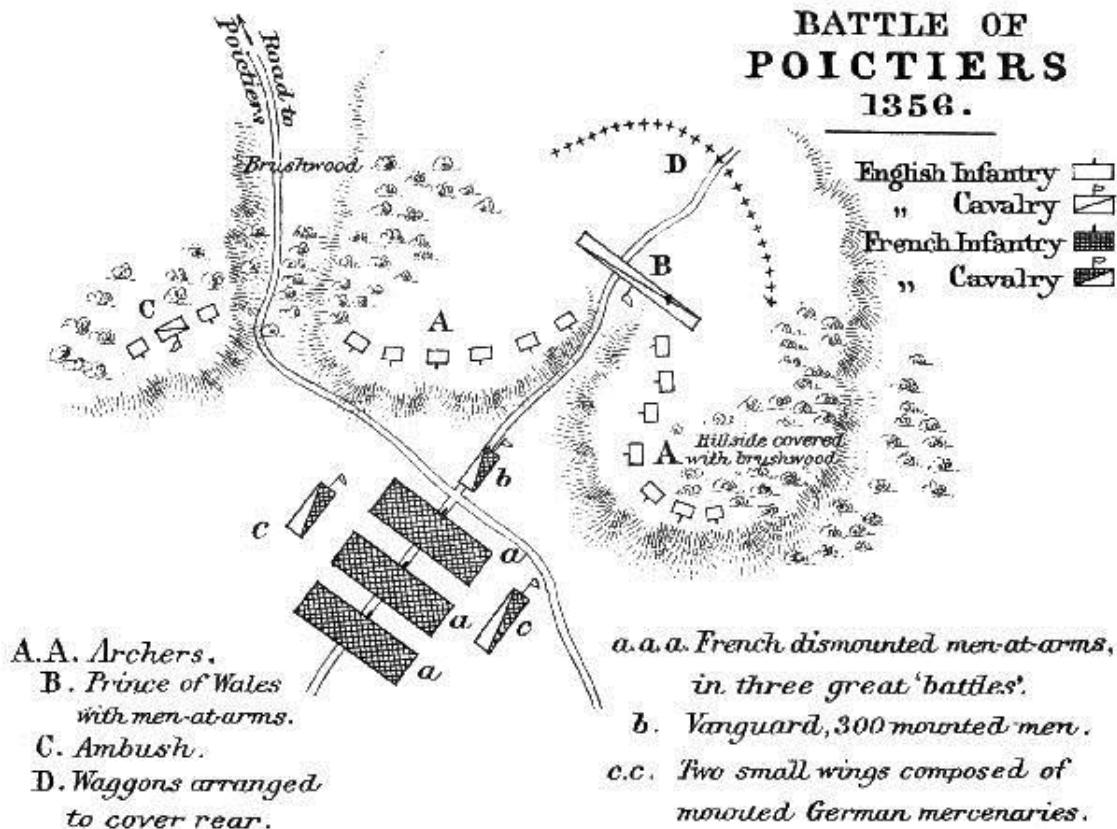
Против этих самонадеянных кавалеров, их наемников и жалкой банды полувооруженных негодяев, которых они притащили с собой на поле боя, теперь выступал английский лучник. К этому времени он уже был почти профессиональным солдатом, поскольку обычно был не наемником, а добровольцем, воспитанным одним из тех баронов или рыцарей, с которыми король заключал договор о поставке солдат. Побуждаемый любовью к борьбе, жадой приключений или национальной гордостью, он обладал большим моральным

превосходством над бездуховными ордами, которые следовали за французской знатью на войну. Историки, однако, слишком много внимания уделяют этому превосходству, каким бы реальным оно ни было. Никакая готовность к бою не объяснила бы английских побед XIV века. Самоуверенность и драчливость не были лишними ни у Флеминга при Росбеке, ни у шотландца при Фалкирке, но они не обеспечили успех. Именно превосходное вооружение и тактика наших йоменов, даже в большей степени, чем их храбрость, сделали их хозяевами поля при Креси или Пуатье.

Длиннолук до сих пор использовался только в наступательной войне, причем против противника, уступающего английской армии в кавалерии. Однако когда Эдуард III повел свои войска во Францию, условия войны полностью изменились. Французы неизменно превосходили в численности своих всадников, и тактику лучника пришлось приспособить к обороне. Вскоре он обнаружил, что атакующий эскадрон представляет собой такую же хорошую цель для его древка, как и неподвижная колонна пехоты. Ничто не могло быть более губительным для кавалерии, чем полет стрел: он не только укладывал определенную часть всадников, но и приводил к такому беспорядку, заставляя раненых лошадей метаться и вздыматься среди своих товарищей, что это было наиболее эффективным средством сдерживания импульса наступления. По мере сокращения расстояния и облегчения стрельбы раны лошадей и людей становились все более многочисленными: беспорядок нарастал, темп все замедлялся, и наконец был достигнут предел, за который эскадрон не мог пройти. Форсировать линию длиннолуков простой фронтальной атакой было задачей почти такой же безнадежной для кавалерии, как и прорыв современного квадрата. Однако в 1346 году континентальный мир еще не знал этого.

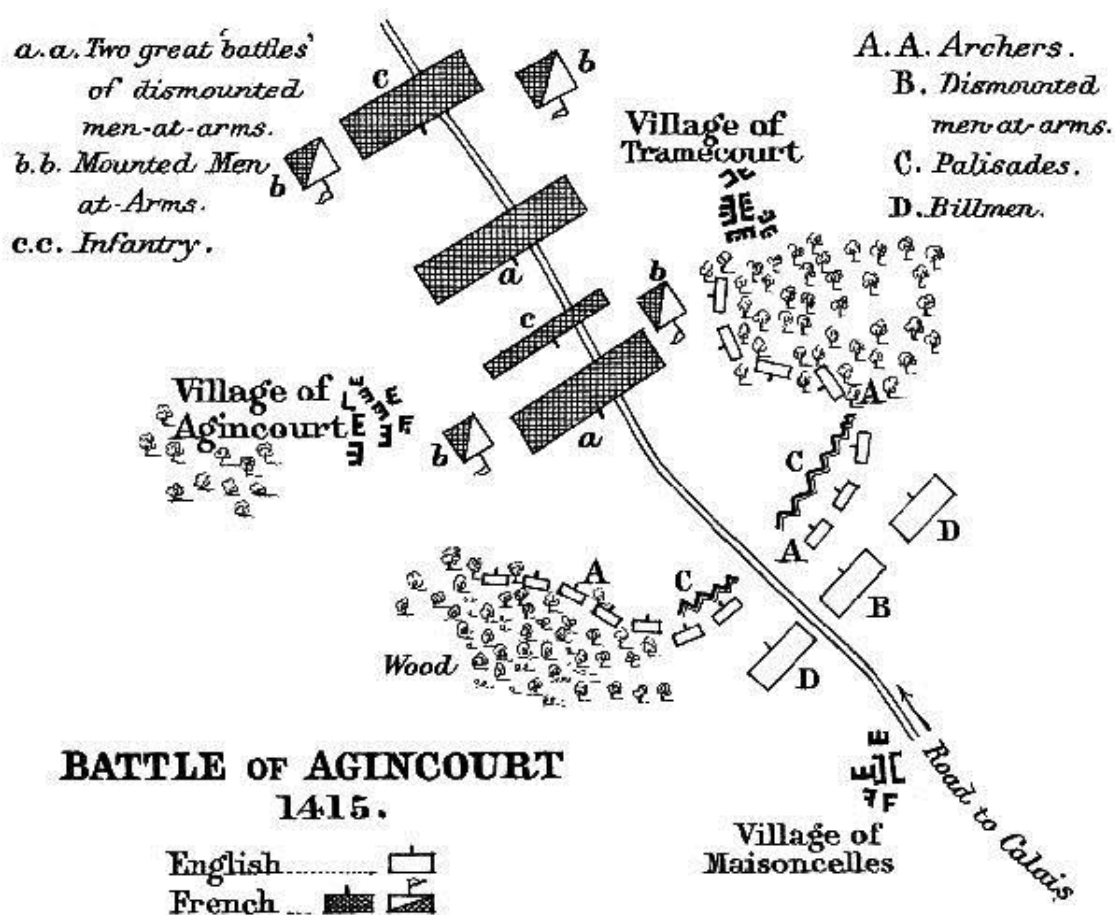
Научный метод приема атаки всадников лучниками с флангов, поддерживаемыми войсками, был впервые опробован Эдуардом III при Креси. Решив сражаться, он выбрал отличную позицию на пологом склоне холма, фланги которого были защищены лесом и небольшим ручьем, протекавшим также по фронту линии. По обычаю средних веков, армия была разбита на три "баталии", первой из которых командовал принц Уэльский, второй - граф Нортгемптон, а третьей - сам король. В первом "сражении", на которое выпала большая часть боев, 2000 лучников были фланкированы двумя корпусами из 800 конных стрелков, которые стояли сплошной фалангой с копьями перед собой, чтобы принимать кавалерийские атаки, направленные против крыльев лучников. Вторая линия была сформирована в таком же порядке, а между ними расположились 1000 валлийских и корнуэльских легких пехотинцев, вооруженных копьями и длинными ножами. Резерв из 2000 лучников и 700 конных занимал вершину холма.

BATTLE OF POICTIERS 1356.

БИТВА ПРИ ПУАТЬЕ, 1356 ГОД.

- A.A. Лучники.
- B. Принц Уэльский с вооруженными людьми.
- C. Засада.
- D. Повозки, расположенные для прикрытия тыла.
- a.a.a. Французские пехотинцы в трех великих "битвах".
- b. Авангард, 300 конных бойцов.
- c.c. Два небольших крыла, состоящих из конных немецких наемников.

БИТВА ПРИ АЗЕНКУРЕ, 1415 ГОД.

A.A. Лучники.

B. Конные стрелки.

C. Палисады.

D. Билльмены.

a.a. Два больших "сражения" с участием конных стрелков.

b.b. Конные люди при оружии.

c.c. Пехота.

Ничто не может быть более характерным для недисциплинированности французской армии, чем тот факт, что она вынуждена была начать сражение на день раньше, чем планировал ее лидер. Наблюдая за английской позицией, Филипп и его маршалы решили отложить сражение до следующего утра, поскольку войска находились на марше с рассвета. Однако когда приказ остановиться дошел до авангарда, дворяне во главе колонны решили, что лишены чести открыть бой, так как видели, что часть войск в тылу продолжает наступать. Поэтому они двинулись вперед, и, поскольку основная часть упорно следовала за ними, вся армия подошла так близко к английской позиции, что сражение стало неизбежным. Обстоятельства того дня уже не раз описывались: нет нужды подробно описывать несчастье, постигшее несчастных генуэзских арбалетчиков, которые были перебиты десятками, пока занимались утомительным процессом наматывания арбалетов. Бесплодные атаки кавалерии на передний край линии лучников привели к бесконечной бойне, пока земля не оказалась завалена телами людей и лошадей, а дальнейшие попытки продвинуться вперед стали

невозможны. Лишь на флангах наступление было успешным, но когда графы Фландрии и Аленсона наступали на компактные массы конницы, прикрывавшие крылья лучников, их продвижение прекращалось. Они пали перед линией копий, которую не смогли прорвать, и выступили не лучше своих товарищей в центре. Вечером французы в беспорядке отступили, и вся их армия рассеялась. Англичане выиграли день, не сдвинувшись ни на шаг со своей позиции: враг пришел к ним, чтобы быть убитым. Перед английской линией лежало более трети его численности, и из них гораздо большее число пало от стрел лучников.

Креси доказал, что лучник, при должной поддержке с флангов, может отбить самые решительные атаки кавалерии. Однако мораль, которую извлекли из этого французы, была иного рода. Не желая в горечи своей классовой гордости приписывать победу оружию простых крестьян, они пришли к выводу, что она была обусловлена устойчивостью фаланги конных рыцарей.

Помня об этом, король Иоанн в битве при Пуатье решил подражать успешному приему короля Эдуарда. Он приказал всей своей кавалерии, за исключением двух корпусов, укоротить копья, снять шпоры и отправить лошадей в тыл. Он не учел, что обстоятельства атаки и обороны совершенно разные. Войска, намеревающиеся закрепиться на данном участке земли, применяют тактику, прямо противоположную той, что требуется для штурма сильной позиции. Устройство, которое было хорошо выбрано для защиты флангов Эдуарда при Креси, оказалось смехотворным, когда было принято в качестве средства для штурма холма Мопертюи. Энергичный удар, а не стабильность - вот то качество, к которому должен был стремиться король. В самом деле, ничто не могло быть более роковым, чем поведение Иоанна в течение дня. Само сражение было совершенно излишним, поскольку Черного принца можно было заставить сдаться менее чем за неделю. Если же сражение все же должно было состояться, то было совершенно безумно формировать всю французскую армию в гигантский клин - где корпус за корпусом располагались за первой и самой узкой линией - и бросать его на самый сильный участок английского фронта. Однако именно этот план король решил принять. Единственный доступ к плато Мопертюи лежал через переулок, по берегам которого сотнями расположились английские лучники. Через это отверстие Иоанн направил свой авангард, отборный отряд из 300 всадников, а остальные силы, три большие массы конницы, следовали позади. Нет нужды говорить, что лучники сбили большую часть передового отряда, а оставшихся в живых отбросили назад к первому "сражению" в их тылу. Оно сразу же пришло в беспорядок, который значительно усилился, когда лучники сосредоточили свое внимание на его рядах. Не успев нанести ни одного удара с близкого расстояния, французы стали деморализовываться под ливнем стрел. Увидев удобный момент, принц сразу же спустился с плато и со всеми своими воинами обрушился на фронт пошатнувшейся колонны. В тот же момент на французском фланге появилась небольшая засада из 600 человек, которую он расположил в лесу слева. Это было слишком тяжело для людей короля Джона: не дожидаясь новых атак, около двух третей из них покинули поле боя. Корпус немцев во втором "сражении" и войска, непосредственно окружавшие монарха, были единственными частями армии, оказавшими достойное сопротивление. Однако англичане смогли окружить эти корпуса и поочередно орудовать луком и копьем, пока те не распались. Тогда Иоанн, его сын Филипп и те из дворян, что остались с ним, были вынуждены сдаться.

Это был великолепный тактический триумф принца, который обеспечил победу благодаря превосходству выбранной им позиции и разумному использованию стрельбы из лука. Новый прием Джона для нападения на английскую армию провалился, причем с гораздо большим позором, чем разгром феодального рыцарства его предшественника при Креси. Результат

дня при Пуатье настолько сильно повлиял на умы французов, что в течение всей войны больше не предпринималось попыток встретить захватчика в бою. Сбитые с толку ударом, который был нанесен по их старой военной системе, дворяне Франции отказались от открытого поля и угрюмо затворились в своих замках, решив ограничить свои действия мелкими осадами и вторжениями. Англичане могли пройти маршем по всей стране - как это сделал граф Ланкастер в 1373 году, - но они больше не могли выманить противника на бой. Укрепившись за стенами, которые захватчику было недосуг атаковать, французы позволяли ему тратить силы на утомительные марши по пустынной стране. Как ни противоречила эта форма войны всем рыцарским заповедям, предписывающим доброму рыцарю принимать любой вызов, в целом она вполне соответствовала требованиям времени. Тактика Карла V и Дю Гесклена отвоевала все, что было потеряно при короле Иоанне. Англичане обнаружили, что война перестала быть средством демонстрации великих подвигов, а превратилась в монотонное и бесславное занятие, которое требовало постоянной траты крови и денег и больше не поддерживалось за счет ресурсов противника.

Здравый смысл, а не афоризмы, почерпнутые из турнирных обычаев, руководил походами Дю Гесклена. Он выходил на поле боя не в духе приключений, а в духе бизнеса. Его целью было вытеснить англичан из Франции, и его не волновало, будет ли эта цель достигнута показными подвигами или ненавязчивым трудом. Он сражался, если это было необходимо, но был готов достичь своей цели как хитростью, так и тяжелыми ударами. Ночные сюрпризы, засады и всевозможные стратагемы были для него предпочтительнее открытых атак. Обеспеченный постоянным пополнением людей из своих "вольных рот", он никогда не был вынужден рисковать вступать в бой, опасаясь, что его силы могут растаять, не принеся никакой пользы. Это избавляло его от необходимости торопить события, которая была фатальной для многих генералов, командовавших временными войсками феодализма. Англичане были лучше приспособлены для победы в великих сражениях, чем для проведения ряда изнурительных кампаний. Тактика, а не стратегия была их сильной стороной, и череда мелких осад и бесславных отступлений положила конец их непродуманной попытке силой удержать чужое владение за Ла-Маншем.

Дю Гесклен, однако, лишь расчистил путь для повторного появления французской знати на поле боя. Запертые в своих замках, пока свободные компании вновь завоевывали страну, они, очевидно, "ничего не забыли и **ничего** не помнили¹⁰⁸". Когда страх перед англичанами больше не стоял у них перед глазами, они сразу же вернулись к своим старым рыцарским суевериям. Последние годы века были похожи на первые: если Кассель воспроизвел себя в Росбеке, то возрожденную тактику феодализма ждал заклятый враг, а Никополь стал более катастрофическим изданием Кортрея. Тридцать лет анархии при правлении короля-имбецила способствовали реакционной и ненаучной тенденции войн того времени и сделали Францию подходящей добычей для новой серии английских вторжений.

Если бы последующие кампании не доказали, что Генрих V был мастером стратегических комбинаций, мы были бы склонны назвать его поход к Азенкуру опрометчивым и неоправданным предприятием. Однако вполне вероятно, что он успел оценить своих врагов и оценить их неразумность, прежде чем пожертвовать своими коммуникациями и броситься в Пикардию. Быстрота его передвижений между 6 и 24 **октября**¹⁰⁹ показывает, что он обладал тем пониманием ценности времени, которое было столь редким среди средневековых полководцев, а совершенная организация его колонн на марше доказывает, что его гений мог снисходительно относиться к **деталям**¹¹⁰. Под Сен-Полем французы преградили Генриху дальнейшее продвижение с огромной феодальной армией в шестьдесят тысяч бойцов, из которых пятнадцать тысяч были конными людьми нежной крови. Как и два

Эдварда при Креси и Мопертюи, король решил вести оборонительное сражение, несмотря на скудость своих сил. С ним было не более четырнадцати тысяч человек, из которых две трети составляли лучники. Позиция, выбранная Генрихом, была настолько превосходной, насколько можно было пожелать; ее фронт составлял не более двенадцати сотен ярдов, а с обоих флангов она была прикрыта лесом. Местность, по которой предстояло продвигаться врагу, представляла собой вспаханные поля, основательно промокшие после недельного дождя. Королевских лучников было достаточно, чтобы не только выстроить двойную линию вдоль фронта армии, но и занять леса справа и слева. Те, кто находился на равнине, укрепили свою позицию, выставив перед собой колья, которые они обычно носили с собой. В тылу лучников расположились остальные силы: пехота с пиками и копьем на флангах, небольшой отряд стрелков в центре.

Констебль Франции допустил столько ошибок при составлении своего войска, сколько можно было ожидать от обычного феодального дворянина. Он не смог устоять перед соблазном последовать примеру короля Иоанна при Пуатье, и поэтому распустил три четверти своей кавалерии. Их он выстроил в две глубокие "баталии", прикрытые небольшими эскадронами конных людей. Позади первой линии, где она не могла принести никакой пользы, был размещен корпус из 4000 арбалетчиков. Резерв был образован огромной массой пехоты в 20 000 человек, которых отослали в тыл, чтобы они не оспаривали честь дня у своих хозяев. В одиннадцать часов французы начали продвигаться к английской позиции: вскоре они миновали деревню Азенкур и оказались между лесами и на вспаханной земле. Пройдя несколько сотен ярдов, они начали тонуть в глубокой глине полей: и всадники, и конные рыцари шли все медленнее и медленнее. К этому времени английские лучники начали стрелять по ним, сначала с фронта, а затем и из укрытых в лесу отрядов. Держась изо всех сил, французы с трудом продвигались вперед, погружаясь по щиколотку, а то и по колено в дерновую почву. Ни один из десяти всадников не достиг линии кольев, а из пехоты ни один человек не пробился дальше. Завязнув в грязи, они стояли как мишень для лучников на расстоянии от пятидесяти до ста ярдов от английского фронта. Простояв некоторое время в таком незавидном положении, они сломались и повернули в тыл. Тогда вся английская армия, как лучники, так и стрелки, покинула свои позиции и обрушилась на эту массу, которая, пошатываясь, медленно отступала ко второй "битве". Совершенно беспомощные и по колено в трясине, измученные рыцари были повержены или вынуждены сдаться более легким войскам, которые наседали на них, "бьют по доспехам, словно по наковальне". Те немногие, кому удалось спастись, и арбалетчики, составлявшие тыл первой линии, натолкнулись на вторую "битву", которая теперь шла в болотистых полях, сразу за деревней Азенкур, и повергли ее в беспорядок. За ними последовали англичане, обрушились на вторую массу и постигла ее та же участь, что и первую. Пехота резерва очень мудро решила не вмешиваться в дела своих хозяев и тихо ушла с поля боя.

Мало кто из полководцев мог совершить более вопиющий ряд промахов, чем Констебль: но главная ошибка его замысла заключалась в том, что он вообще попытался атаковать английскую армию, занимавшую выгодную позицию. Сила лука была такова, что даже если бы поля были сухими, французская армия не смогла бы форсировать английскую линию. Правильным ходом здесь, как и при Пуатье, было бы уморить короля, который жил только за счет ресурсов окрестностей, голодом. Если же намечалась атака, то она должна была сопровождаться поворотом вокруг леса и предшествовать использованию всех арбалетчиков и лучников армии, которая, как мы знаем, состояла из 15 000 человек.

Можно было ожидать, что такой день, как Азенкур, сломит французское дворянство в его любви к устаревшей системе тактики. Однако феодальный строй был так тесно связан с

феодалной схемой общества, что он все еще оставался идеальным порядком боя. Три кровавых поражения, Кривант, Верней и "День селедок", стали следствием фанатичной приверженности старому методу ведения боя. В каждом из этих случаев французские колонны, состоявшие то из всадников, то из конных рыцарей, предпринимали отчаянную попытку прорвать английскую линию лучников фронтальной атакой, и в каждом случае они были отброшены назад в полном беспорядке.

Только после того, как ведение войны перешло в руки профессиональных солдат, таких как Ксантраиль, Ла Гир и Дюнуа, от этой безумной тактики отказались. Однако отказ от них был лишь первым шагом к успеху французов. Положение страны было гораздо хуже, чем во времена Дю Гесклена, поскольку большая часть районов к северу от Луары была не только занята англичанами, но и смирилась со своей участью и не проявляла никакого желания присоединиться к национальной партии. Мелкая война, подобная той, что отвоевала у Черного принца земли Аквитании, была бы совершенно недостаточна для спасения Франции в 1428 году. Именно на этом основании мы должны обосновать важность влияния Орлеанской девы. Ее успехи представляют собой не новую тактическую систему, а пробуждение народного энтузиазма, который должен был сделать дальнейшее пребывание англичан во Франции невозможным. Меньшая страна не могла удержать большую, если население последней не было покорным; когда перестало быть таковым, затея - несмотря на все военное превосходство - стала невозможной.

Приписывая изгнание англичан из Франции скорее политическим, чем стратегическим причинам, мы не должны забывать, что профессиональные офицеры XV века наконец-то открыли способ свести к минимуму превосходство английской армии. Когда захватчики занимали хорошую оборонительную позицию, они неизменно воздерживались от атаки. Не было смысла превращать войска в мишень, которую можно изрешетить стрелами, когда успех был практически невозможен. Соответственно, французские победы второй четверти века в большинстве случаев были достигнуты в результате нападения на английскую армию в момент, когда она находилась на марше или в другой позиции, не позволявшей быстро сформировать боевой порядок. Патай - яркий пример конфликта такого рода; битва была проиграна, потому что Тальбот, когда его атаквали, не был сразу готов. Ожидая увидеть всю французскую армию, прибывшую на поле и выстроившуюся в боевой порядок, он не обратил внимания на авангард, находившийся перед ним, и начал отступать к деревне Патай, где намеревался сформировать свою линию. Ла Гир, однако, не дожидаясь подхода основного корпуса, атаковал отступающие колонны и пробился среди них "прежде чем лучники успели нацепить свои [колья111](#)". Превосходство лука над копьем зависело от умения носителя ракетного оружия держать врага на расстоянии. Если же кавалерия по какой-то случайности оказывалась среди своих противников, то происходило простое *месиво*, и верх брали численность и вес. Так было и в данном случае: Ла Гир удалось закрыть, и сражение перешло в рукопашную, а когда подросла основная масса французов, англичане были подавлены численным превосходством. Таковы были обычные тактические причины английских поражений в XV веке.

Поэтому падение империи, которую Генрих V создал во Франции, с военной точки зрения объяснялось неадекватностью чисто оборонительной системы всем превратностям серии кампаний. Полководцы, получившие традиции Азенкура и Пуатье, не любили переходить в наступление. Привыкшие добиваться успеха, принимая атаки противника на тщательно выбранной местности и после продуманных приготовлений, они часто терпели неудачу, когда им противостояли офицеры, принципиально воздерживавшиеся от штурма позиции, но постоянно появлявшиеся там, где их меньше всего ожидали. В открытом поле или на

марше, в лагере или в городе англичане всегда были подвержены внезапному нападению. Они были слишком хорошими солдатами, чтобы быть деморализованными, но утратили былую уверенность, которая отличала их в те дни, когда французы все еще продолжали придерживаться своей древней феодальной тактики.

Счастливый случай сохранил для нас на страницах "Reductio Normanniae" Блонделя полный отчет о катастрофическом поле Форминьи, последнем сражении англичан, пытавшихся удержать свое господство за Ла-Маншем. Повествование весьма поучительно, поскольку объясняет изменения судьбы в последние годы Великой войны. Сама битва - хотя ей суждено было решить судьбу всей Нормандии - была очень незначительной. Около пяти тысяч англичан, половина из которых были лучниками, а остальные по большей части билменами, с несколькими сотнями оружейников, были собраны для отчаянной попытки открыть путь к Кану. В этом городе герцогу Сомерсету, командующему всеми английскими войсками во Франции, угрожало подавляющее войско во главе с королем Карлом собственной персоной. Чтобы собрать силы, способные выступить в бой, все нормандские крепости были лишены гарнизонов, а подкрепления, которые удалось достать, - не более 2000 человек - были переброшены из Англии. Армии удалось взять Валонь и форсировать опасные броды через реки Дув и Вир, но у деревни Форминьи ей противостоял французский корпус под командованием графа Клермона, одна из нескольких дивизий, отправленных для задержания марша англичан. Войска Клермона не сильно превосходили своих противников по численности: насколько можно судить по противоречивым данным, они состояли из шестисот "lances garnis" (то есть 3000 кавалерии) и трех тысяч пехоты. Обязанность перейти в наступление лежала на англичанах, которые должны были форсировать путь к Кану. Тем не менее сэр Томас Кайриэл и сэр Мэтью Гоф, два ветерана, командовавшие армией помощи, отказались взять на себя инициативу. Старые предрассудки в пользу оборонительных сражений были настолько сильны, что, забыв о цели своей экспедиции, они отступили и стали искать позицию, с которой можно было бы принять атаку войск Клермона. Найдя ручей, окруженный фруктовыми садами и плантациями, который вполне мог прикрыть их тыл, они остановились перед ним и выстроили своих людей в выпуклую линию, центр которой выступал, а крылья были оттянуты назад, чтобы касаться ручья. Три корпуса лучников - по семьсот человек в каждом - составляли "главную баталию"; на флангах этого войска располагались две "баталии" билменов, не на одной линии с центром, а оттянутые назад от него, а сами эти корпуса были фланкированы небольшим отрядом кавалерии, который был сформирован недалеко от фруктовых садов и ручья. Клермон атаковал не сразу, так что у лучников было достаточно времени, чтобы закрепить свои колья, согласно их неизменному обычаю, и все силы уже начали прикрываться [траншеей112](#), когда противник наконец начал двигаться. Благодаря долгому опыту французы стали слишком осторожны, чтобы атаковать английскую линию лучников с фронта: прощупав позицию, они предприняли несколько частичных атак с флангов, которые были отбиты. Перестрелка продолжалась уже три часа без каких-либо решительных результатов, когда Жиро, "мастер королевских орудий", принес два кельверина и установил их в таком месте, откуда они обстреливали английскую линию. Охваченная огнем этих орудий, часть лучников выскочила из-за своих кольев и с помощью одного из крыльев билменов напала на французов, захватила кельверины и разгромила защищавшие их войска. Если бы в этот момент выступили все силы Кириэля, битва была бы [выиграна113](#). Но английский полководец упорно придерживался своей оборонительной тактики, и пока он неподвижно ждал, судьба сражения изменилась. На атаковавшие войска обрушился один из фланговых "боев" французских стрелков, которые снялись с позиций и выдвинулись вперед, чтобы вернуть потерянные пушки: завязался отчаянный бой, пока англичане пытались оттащить орудия к своим линиям, а противник - захватить их. Наконец французы одержали верх и, оттесняя отступающих, достигли английских позиций. Лучники

не могли использовать свои стрелы, так тесно смешались друг и враг в толпе сражающихся, которая медленно откатывалась к ним. Таким образом, две армии встретились по всей линии в рукопашной схватке, и началось кровавое *месиво*. Судьба сражения была еще сомнительна, когда на поле прибыли новые французские силы. Графы Ришмон и Лаваль, подошедшие со стороны Сен-Ло, появились в тылу английской позиции с 1200 бойцами. Все войска Кириэля были заняты, и он не смог отразить новую атаку. Его люди отпрянули к ручью, протекавшему у них за спиной, и сразу же были разбиты на несколько изолированных корпусов. Гоф пробил себе путь через французов и вместе с кавалерией достиг Байе. Но Кирьель и пехота были окружены, и все "главное сражение" было уничтожено. Несколько сотен лучников спаслись, а их командир и еще несколько десятков человек были взяты в плен, но французы почти не [сдавались](#)¹¹⁴, и на следующий день их герольды насчитали три тысячи семьсот семьдесят четыре английских трупа, лежавших на поле. Редко какая армия терпела столь полное поражение: из небольшого войска Кириэля было уничтожено не менее четырех пятых. Какое число французов пало, мы не можем установить: их летописцы говорят о гибели двенадцати рыцарей, ни одного из которых не было достойно внимания, но не упоминают больше о своих потерях. "Они объявляют, сколько их убили, - саркастически замечает английский [летописец](#)¹¹⁵, - но не пишут, сколько их самих было убито и уничтожено". Это было едва ли не первое сражение, которое они устроили с англичанами, поэтому я их не виню; хотя они из малого делают большое, излагают все и не скрывают ничего, что могло бы прозвучать во славу".

Мораль Форминьи была очевидна: неразумное применение оборонительной тактики Эдуарда III и Генриха V могло привести только к катастрофе, когда французы усовершенствовались в военном мастерстве и больше не привыкли совершать грубые ошибки в каждом сражении. Если не будет разработан новый метод борьбы с превосходящими по численности и осторожными маневрами дисциплинированных "ордонансных рот" Карла VII, англичане в силу своего численного неравенства будут обречены на поражение. Вероятно, именно осознание этого факта побудило великого Тальбота отказаться от старой тактики и применить в своем последнем бою метод атаки, совершенно не похожий на тот, что практиковался в остальные периоды Столетней войны. Рассказы о битве при Шатильоне напоминают о военных действиях швейцарской, а не английской армии. Это сражение было отчаянной попыткой колонны конных оружейников и билменов, фланкированных лучниками, ворваться в укрепленный лагерь, защищенный артиллерией. Англичане, как и швейцарцы при Бикокке, сочли задачу слишком трудной для себя и только усугубили катастрофу своим галантным упорством в попытках совершить невозможное.

Изгнание англичан из их континентальных владений не привело к окончательной дискредитации силы лука. Это оружие по-прежнему сохраняло свое превосходство в качестве ракеты над неуклюжим арбалетом с его сложным набором колес и рычагов. Вряд ли он был менее совершенен, чем недавно изобретенные ручные пушки и аркебузы, которые не достигли большой эффективности до конца века. В пользу длинноствольного лука свидетельствовала вся Европа. Карл Бургундский считал корпус из трех тысяч английских лучников цветком своей пехоты. Карл Французский за тридцать лет до этого сделал "лучника" основой своего нового ополчения в тщетной попытке натурализовать оружие своих врагов за Ла-Маншем. Яков Шотландский после аналогичных попыток смирился с неудачей и превратил стрельбу из лука своих подданных в посмешище.

Немного найдется периодов, которые могут представить исследователю ряд интересных военных проблем, чем годы великой борьбы, в которой национальное оружие и

национальная тактика англичан были обращены друг против друга. Войны Роз, однако, были неудачными для их историков. Скудость точных сведений о различных столкновениях поражает, если учесть, как много материалов можно найти для истории предшествующих периодов. Скудные анналы Уильяма Вустерского, Уоркворта, Фабиана, продолжателя Кройландской хроники и автора "Прибытия короля Эдуарда IV", а также невежественные общие сведения Уэтхамстеда недостаточно дополнены более поздними работами Графтона и Холла. Когда все сопоставлено, мы все равно не можем понять детали большинства сражений. Ни в одном случае мы не можем точно восстановить состав армии йоркистов или ланкастерцев. Однако сохранилось достаточно сведений, чтобы мы могли сожалеть о скудости источников нашей информации.

То, что многие английские полководцы обладали значительным тактическим и стратегическим мастерством, становится очевидным, когда мы анализируем общие характеристики их кампаний. В боях нет стереотипного сходства, которое могло бы быть следствием общей приверженности к единой форме атаки или обороны. Каждый бой имел свою индивидуальность, обусловленную особой тактикой, применяемой в нем. Ожесточенный уличный бой, известный как первая битва при Сент-Олбансе, не имеет ничего общего с нерегулярными стычками на Хеджли-Мур. Штурмы укрепленных позиций Нортгемптона и Тьюксбери не имеют никакого сходства с битвами при Тоутоне и Барнете. Превосходство тактики, победившей в Блорихите, контрастирует с превосходством вооружения, победившего в Эджкот-Филд.

Среди особенностей войны выделяется полководческий талант короля Эдуарда IV. Уже будучи искусным полководцем в свои девятнадцать лет, именно он при Нортгемптоне переломил позицию ланкастерцев, форсировав "прямые места", прикрывавшие фланг "линии высоких берегов и глубоких траншей", за которыми укрылась армия короля [Генриха 116](#). Год спустя он спас дело, казавшееся отчаянным, своим стремительным маршем из Херефорда в Лондон; маршем, совершенным в ненастный февраль и по грязным дорогам южно-мидлендских графств. Решение, которое заставило его попытаться во что бы то ни стало броситься на столицу, принесло ему корону и переломило ситуацию в решающий момент войны. Если, утвердившись на троне, он подрывал свое положение беспечностью и самонадеянностью, то при первом же ударе трубы он снова становился самим собой. Его энергичная борьба весной 1470 года, когда все вокруг него проявляли себя предателями, стала прекрасным примером успеха быстрых [действий 117](#). Не менее ярко проявился его гений и в последнем большом военном успехе - кампании при Барнете и Тьюксбери.

Пройти маршем от Йорка до Лондона, прокладывая себе путь среди вражеских войск без потерь, было искусным достижением, даже если принять во внимание вероломство некоторых вражеских командиров. В Барнете он показал, что тактика не меньше, чем стратегия, находится в пределах его возможностей, обратив случайное обстоятельство тумана себе на пользу. Непредвиденная случайность, по которой каждая армия обошла другую, сама по себе не была более благоприятной для одной стороны, чем для другой: она просто проверяла относительные способности двух лидеров. Но благодаря тому, что Эдуард предусмотрел резерв, поражение его левого крыла оказалось несущественным, в то время как аналогичная катастрофа на левом фланге Уорика была использована с таким успехом, что решила исход битвы. Сам Уорик, если мы исследуем всю его карьеру, производит на нас впечатление, скорее, политического ловца проводов, "le plus subtil homme de son vivant", как назвал его Комминс, чем великого военного деятеля, о котором говорят традиционные источники. Барнет был выигран, и вторая половина кампании началась с похода Эдуарда, чтобы перехватить королеву Маргариту до того, как она сможет открыть связь со своими

друзьями в Южном Уэльсе. Глостер был удержан за королем; поэтому его враги, продвигаясь на север, были вынуждены направиться к Тьюксбери, первой переправе через Северн, которая была для них проходимой. Промысел ланкастерцев в Чиппинг-Содбери был небезоснователен, но Эдуард своими стремительными действиями свел его на нет. Обе армии собрались для броска к важнейшему проходу, но король - несмотря на то, что ему предстояло преодолеть большее расстояние, и он вынужден был двигаться по бесплодным холмам Котсуолдского плато - обошел своих противников. Люди с удивлением говорили о тридцати двух милях, которые его армия преодолела за день, не останавливаясь на обед, и в местности, где воды было так мало, что люди могли утолить жажду только один раз за двенадцать часов¹¹⁸. К вечеру король был в пяти милях от ланкастерцев, которые остановились - совершенно измотанные - в городе Тьюксбери. Так как им не удалось переправиться через паром этой ночью, они были вынуждены сражаться на следующий день, поскольку было еще более опасно подвергнуться нападению, когда их войска наполовину переправились через Северн, а наполовину еще находились на стороне Глостершира, чем если бы они повернули навстречу королю. Поэтому генералы королевы Маргариты расположили свои силы на возвышенности к югу от города, на хорошей позиции, где в их пользу говорил склон холма, а сами они были хорошо защищены живыми изгородями и высокими берегами. Эдуард, однако, не делал опрометчивых попыток форсировать линию своих врагов: вместо штурма он поднял пушки и сосредоточил их огонь на одном из вражеских флангов. Командовавший там Сомерсет в конце концов был настолько поражен, что спустился со своего плацдарма, чтобы отогнать артиллеристов. Его атака на время оказалась успешной, но оставила фатальную брешь в линии ланкастерцев. Не пытаясь закрыть брешь¹¹⁹, Эдуард смог вклинить в нее свой "главный бой", тем самым форсировав позицию и загнав врагов в полный беспорядок в тупик города Тьюксбери, где они в большинстве своем были вынуждены капитулировать. Сразу заметим, что тактика короля в этом случае была именно той, которая принесла Вильгельму Нормандскому победу при Сенлаке. Он повторил эксперимент, только заменил артиллерию на стрельбу из лука, и поставил врага в положение, когда ему приходилось либо отступить, либо атаковать, чтобы спастись от снарядов йоркистов.

Король Эдуард был далеко не единственным достойным полководцем, которого выявила война. Мы были бы склонны высоко оценить способности графа Солсбери, рассмотрев его маневр при Блорихите. Находясь во главе неполных сил, он на некоторое время отступил перед лордом Одли; пока отступление не сделало его противника беспечным, он внезапно повернул на него, когда его силы были разделены ручьем, и нанес два сокрушительных удара по двум изолированным половинам ланкастерской армии. Операции перед Тоутоном также свидетельствуют о наличии значительной предприимчивости и бдительности с обеих сторон. Клиффорд добился успеха в своей дерзкой попытке разбить лагерь и разгромить дивизию Фицуолтера; но, с другой стороны, Фальконбридж был достаточно оперативен, чтобы обрушиться на победоносного Клиффорда, когда тот возвращался к своей основной части, и сгладить катастрофу Йорков ранним утром успехом во второй половине дня. Тот же Фальконбридж дал в великом сражении следующего дня пример того, как тактические уловки могли решить исход дня, когда обе армии использовали одно и то же великое оружие. Снежная буря сделала противоборствующие линии лишь частично видимыми друг для друга, поэтому он приказал своим людям продвинуться едва ли не на предельное расстояние и дать залп из легких и дальнобойных "полетных стрел", после чего остановился. Ланкастерцы, обнаружив, что валы падают среди них, сделали естественный вывод, что их враги находятся в пределах досягаемости, и ответили непрерывным обстрелом более тяжелыми "сноповыми стрелами", которые не долетели до йоркистов шестидесяти ярдов. Полчаса такой работы почти исчерпали запас снарядов, так что билльмены и оруженосцы

Уорика и короля Эдуарда смогли продвигаться вперед, не получая ощутимого урона от стрельбы ланкастерских лучников. Подобная хитрость могла быть использована только в том случае, если противники были прекрасно осведомлены о вооружении и методах войны друг друга. В этом отношении она может напомнить нам прием, использованный римлянами против своих бывших соратников по Латинской лиге в битве при Везувии.

О том, что практика разбора больших частей вооруженных людей, которая была так распространена на континенте в этом веке, не была неизвестна в Англии, у нас есть множество свидетельств. Нам говорят, что потери ланкастерцев при Нортгемптоне были чрезмерными, "потому что рыцари отправили своих лошадей в тыл" и не смогли спастись. Аналогичным образом мы слышим о том, как Уорвик разошелся, чтобы возглавить атаку, при Тоутоне и снова - но уже по менее достоверным сведениям - при Барнете. Этот обычай объясняет важность шестопера в рыцарском снаряжении пятнадцатого века: это было оружие, которое специально использовали всадники, спустившиеся на землю, чтобы сражаться пешими. Нет нужды перечислять примеры его использования; мы можем, однако, упомянуть случай, который из всех других, кажется, произвел наибольшее впечатление на летописцев в битве при Эджкотт-бай-Бэнбери. Сэр Ричард Герберт "доблестно проявил себя в том, что, пеший и с шестопером в руке, он дважды основной силой прошел через битву своих противников и без смертельной раны вернулся обратно". Схватка, в которой был совершен этот подвиг, была примечательна тем, что копьеносцы вновь попытались противостоять смешанному отряду лучников и кавалерии. Йоркисты были полностью лишены легких войск, их лучники были отвлечены их командиром, лордом Стаффордом, в порыве гнева, так что Пемброк и его северо-валлийские войска остались без поддержки. Последовал закономерный результат: несмотря на сильную позицию королевских людей, мятежники "силой стрельбы из лука заставили их быстро спуститься с холма в долину¹²⁰," где их сбили, когда они в беспорядке отступали, северные конники.

На протяжении всей войны артиллерия использовалась обеими сторонами. Ее применение было решающим в боях при Тьюксбери и на "Поле потерянных пальто". Мы также слышим о ней при Барнете и Нортгемптоне, а также при осаде северных крепостей в 1462-63 годах. Его эффективность была признана гораздо выше, чем у меньшего огнестрельного оружия, о котором мы находим очень скудные упоминания¹²¹. Длиннолук все еще сохранял свое превосходство над аркебузой, и ему еще предстояло завоевать знаменитые поля, в частности Флодден, где старые маневры при Фалкирке были повторены обеими сторонами, а пикинеры Лоуленда были вновь сбиты лучниками Чешира и Ланкашира. Уже в правление Эдуарда VI мы видим, как повстанцы Кетта победили, благодаря скорости стрельбы из лука, корпус немецких хакбутменов, которых правительство послало против них. Не был полностью изжит лук как национальное оружие и во времена королевы Елизаветы. Однако дальше окончания великой английской гражданской войны XV века мы не ставим перед собой задачу проследить его использование.

Прямое влияние английских методов ведения войны на общее течение европейской военной науки заканчивается с окончательной потерей господства во Франции в 1450-53 годах. С этого периода контакты, которые раньше были столь частыми, становятся редкими и малозначительными. Войны Роз удерживали английского солдата дома, и после их окончания миролюбивая политика Генриха VII привела к тому же результату. Генрих VIII оказывал влияние на континентальную политику дипломатией и субсидиями, а не своими бесплодными и редкими походами, а во второй половине века особенности английской

армии XIV и XV веков ушли в прошлое, в общем изменении и трансформации форм военного искусства.

VII. Заключение.

Мы подробно рассмотрели две системы тактики, которые сыграли главную роль в революции военного искусства в Европе. Одна из них была прослежена от Моргартена до Бикокки, другая - от Фалькирка до Форминьи, и было показано, как господство каждой из них было в конце концов остановлено развитием новых форм военной эффективности среди тех, против кого она была направлена. Приписывая пикинерам Швейцарии и английской стрельбе из лука главную роль в свержении феодальной кавалерии - и в немалой степени в свержении самого феодализма, - мы не должны забывать, что та же самая работа одновременно выполнялась другими методами в других частях Европы.

Среди экспериментов, направленных на достижение этой цели, видное место занимали эксперименты Зиски и его капитанов во время великих гуситских войн первой половины XV века. В Богемии новый военный поход стал результатом социальных и религиозных потрясений. Доблестная нация поднялась на борьбу, движимая одновременно возмущенным патриотизмом и духовным рвением; движимая желанием изгнать вторгшегося немца за пределы Эрцгебирге, но еще более движимая мечтами о всеобщем братстве и о царстве праведности, которое должно быть установлено мечом. Вся Богемия была готова к походу, но все еще не было ясно, как встретить превосходящую силу Германии. Если бы судьба борьбы зависела от копий чешских дворян, она была бы безнадежной: они могли выставить на поле боя лишь десятки против тысяч немецкого феодализма.

Недисциплинированные массы крестьян и мещан, сопровождавшие их, при старой тактической схеме действовали бы не лучше, чем пехота Фландрии при Росбеке. Но проблема использования этих сильных и волевых рук попала в руки гениального человека. Иоанн Зиска из Трокнува приобрел военный опыт и ненависть к Германии, сражаясь в рядах поляков против тевтонских рыцарей. Он ясно видел, что выводить на поле боя совершенно необученных людей, грубо вооруженных железными шестами, кольями и косами, прикрепленными к шестам, было бы безумием. У богемцев не было ни единого снаряжения, ни национальной системы тактики: их единственная сила заключалась в религиозном и национальном энтузиазме, который был достаточно силен, чтобы в день битвы все разногласия исчезли, и самые дикие фанатики объединялись и подчинялись, когда враг появлялся в поле зрения. Было очевидно, что единственным шансом для гуситов было занять оборону, пока они не оценят военную эффективность своих врагов и не научатся обращаться с собственным оружием. Поэтому в первые месяцы войны повсеместно возводились окопы, а города приводились в состояние обороны. Но это было еще не все: в своих восточных походах Зиска увидел военное приспособление, которое, по его мнению, можно было бы развить и применить на практике. Среди русских и литовцев существовал обычай окружать каждый лагерь переносной баррикадой из балок и кольев, которую можно было разбирать на части и переносить с места на место. Русские князья обычно использовали в своих войнах такое сооружение, которое они называли "голигородом" или передвижной крепостью. Зиска развил эту систему, заменив балки и колья вереницей повозок, сначала просто таких, какие поставляла сельская местность, а затем специально построенных для военных целей и снабженных крюками и цепями, которыми они крепились одна к [другой](#)¹²². Было очевидно,

что эти военные повозки, когда они будут приведены в порядок, окажутся неприступными для кавалерийского натиска: как бы ни был энергичен рыцарь, облаченный в кольчугу, он не сможет преодолеть дубовые доски и железные связи. Наступление немецкого всадника было главным, чего гуситы должны были бояться, и битва была наполовину выиграна, когда был придуман способ противостоять ему. С немецкой пехотой они могли справиться без какой-либо тщательной подготовки. Можно было бы подумать, что изобретение Зиски обречет богемцев на строгую оборону в течение всей кампании, а также в каждом столкновении в ней: однако это было не так. Когда система была полностью отработана, она приобрела удивительную форму. Был организован специальный корпус возчиков, от эффективности которого зависело все: их постоянно тренировали, учили точно и быстро маневрировать своим транспортом. По команде они выстраивались в круг, квадрат или треугольник, а затем быстро расцепляли свои упряжки, оставляя повозки в правильном положении, и их нужно было только скрепить цепями. Сделав это, они занимали позицию в центре загона. Организация всего войска была основана на повозках как едином целом: к каждой из них, кроме водителя, был приставлен отряд примерно из двадцати человек, из которых часть была пикинерами и копьеносцами, а остальные были вооружены ракетным оружием. Первые расположились за цепями, соединявшими повозки, вторые стояли в машинах и вели огонь по врагу. С самого начала Зиска взялся за внедрение огнестрельного оружия среди богемцев: в итоге почти треть из них была вооружена "ручными пушками", а каждый отряд сопровождала мощная артиллерийская колонна.

Движущаяся гуситская армия имела свой обычный походный порядок. Там, где местность была достаточно открытой, она формировала пять параллельных колонн. В центре шли кавалерия и артиллерия, по обе стороны от них - два дивизиона повозок, сопровождаемых пехотой. Две крайние дивизии были длиннее, чем две, шедшие за всадниками и орудиями. Последние должны были - в случае внезапной атаки - образовать переднюю и заднюю части большой продолговатой фигуры, стороны которой должны были составлять более длинные дивизии. Чтобы дать возможность более коротким колоннам проехать вперед и назад, не требовалось много времени, а если удавалось выкроить несколько необходимых минут, то боевой порядок гуситов был завершен. Выполнение этого маневра было доведено до такого совершенства и точности, что мы можем с уверенностью сказать, что богемская армия могла промаршировать прямо в середину немецкого войска, чтобы отделить дивизию от дивизии, и при этом найти время, чтобы броситься в свой обычный строй как раз в тот момент, когда наступит критический момент. Единственной реальной опасностью был артиллерийский огонь, который мог разрушить линию обозов: но гуситы были настолько хорошо оснащены пушками, что обычно могли заставить замолчать батареи противника. Никогда еще тактика "лагера" не была доведена до такого совершенства; если бы перед нами не было записей о победах гуситов, мы бы с сомнением поверили, что в средние века могла возникнуть система, успех которой так сильно зависел от силы упорядоченного движения, которая обычно утверждается как особенность современных армий.

Но в Богемии пятнадцатого века, как и в Англии семнадцатого, фанатизм привел к жесткой дисциплине, а не к беспорядку. Вся страна, как нас уверяют, была разделена на два списка приходов, которые поочередно выставляли на поле боя все свое взрослое население. Пока одна половина воевала, другая оставалась дома, занимаясь обработкой своих и соседских земель. Таким образом, действовал самый широкий закон о воинской повинности, который делал каждого человека солдатом, и становится понятной большая численность армий, выводимых на поле боя не самым крупным государством.

Первые победы Зиски были для его врагов настолько неожиданными и удивительными, что вызывали чувство тревоги. Учитывая несоразмерность численности и неопытность гуситов, они действительно были удивительными. Но вместо того, чтобы отказаться от своей стереотипной феодальной тактики, неспособностью которой справиться с новой формой военной эффективности и были вызваны поражения, немцы лишь попытались собрать более крупные армии и отправили их настигнуть ту же участь, что и первое войско, которое Сигизмунд повел на Прагу. Но сражения становились все более решительными по мере того, как Зиска разрабатывал свои тактические приемы. Вторжение за вторжением терпело неудачу, потому что, когда богемцы появлялись в поле зрения, немецкие вожди не могли побудить свои войска к стойкости. Бойцы совершенно отказывались противостоять пикам и молотам своих врагов, даже когда те продвигались далеко за пределы своего вала из повозок и переходили в наступление. Гуситы были настолько преисполнены уверенности в собственной непобедимости, что предпринимали, а зачастую и успешно осуществляли действия, отличавшиеся необычайной смелостью. Опираясь на внушаемый ими ужас, небольшие отряды нападали на превосходящие силы, когда все военные соображения были против них, и все же одерживали победу. Отряды численностью всего в несколько тысяч человек выходили из естественной крепости, образованной Богемскими горами, и почти беспрепятственно опустошали Баварию, Мейсен, Тюрингию и Силезию. Они вернулись в целостности и сохранности, их военные повозки были нагружены добычей из Восточной Германии и оставляли за собой широкий след запустения. Еще долго после смерти Зиски престиж его тактики оставался непоколебимым, а его преемники могли совершать военные подвиги, которые в первые годы войны показались бы невероятными.

Когда, наконец, табориты потерпели поражение, оно стало следствием раздоров самих богемцев, а не возросшей эффективности их врагов. Битва при Липане, где пал Прокопий и была разгромлена крайняя партия, была победой не немцев, а более умеренных слоев чешского народа. События этой битвы сразу же указывают на слабое место гуситской тактики и на огромную самоуверенность таборитов. После того как Прокопий отразил первые нападения на круг своих повозок, его люди, забыв, что им приходится иметь дело не с охваченными паникой отрядами своих старых врагов, а со своими бывшими товарищами, оставили оборону и бросились на отступающие массы. Они привыкли видеть успех этого маневра против терроризированных немцев и забыли, что он хорош только против противников, чей дух был полностью сломлен. Само по себе продвижение вперед означало жертву всех преимуществ системы тактики, которая по сути своей была оборонительной. Слабость устройства крепости-фургона заключалась в том, что, обеспечивая отпор противнику, она не давала возможности развить успех, если он был настороже и отступал в хорошем порядке. Однако это не было упреком изобретателю системы, ведь Зиска изначально искал не способ одерживать решительные победы, а способ избегать сокрушительных поражений. В Липане умеренная партия была отбита, но не разгромлена. Поэтому, когда табориты вышли на открытое поле, отступающие массы повернули к бою, а резерв конницы, значительно превосходивший всадников Прокопия, проскакал между кругом повозок и вышедшими из него войсками. Таким образом, три четверти армии таборитов были настигнуты и окружены на равнине, где они были разрублены на части превосходящим числом противника. Лишь несколькими тысячам человек, оставшимся в крепости с повозками, удалось спастись. Так была продемонстрирована неполноценность для военных целей системы, которая была разработана как политическая необходимость, а не как безошибочный рецепт победы.

Мораль битвы при Липане была воистину такой же, как и мораль битвы при Гастингсе. Чисто оборонительная тактика безнадежна, когда против нее выступает полководец, обладающий

способностями и ресурсами и снабженный стойкими войсками. Если бы немецкие князья были генералами, а немецкие войска - хорошо дисциплинированными, карьера Зиски и Прокопия была бы невозможна. Неудачная стратегия и паника привели к тому, что гуситы казались непобедимыми. Однако, когда на их пути встала рациональная тактика, оказалось, что они не менее подвержены логике войны, чем другие люди.

Еще задолго до того, как пехота Зиска с помощью молотков и ручного огнестрельного оружия повергла в прах рыцарство Германии, другой отряд пеших солдат завоевал уважение Восточной Европы. На полях сражений Балканского полуострова славяне и мадьяры научились бояться рабской солдатчины османских султанов. Коссова предположила, а Никополь доказал, что день неоспоримого превосходства всадника прошел на Востоке так же, как и на Западе. Янычары Мурада и Баязида стойко выдерживали отчаянные кавалерийские атаки и отбивали их с потерями. Любопытно узнать на Востоке тактику, которая победила в битвах при Креси и Азенкуре. Своими успехами янычары были обязаны точно таким же причинам, что и английский лучник. Их главным оружием был лук, правда, не такой длинный, как на Западе, но, тем не менее, очень эффективный. Еще более примечательно, что они носили с собой колья, которые были частью снаряжения английского лучника, и устанавливали их перед своей линией, когда ожидалось нападение кавалерии. Снова и снова - в частности, в Никополе и Варне - мы слышим о том, как стремительная атака, сбившая весь турецкий строй, наконец, потерпела неудачу перед "палисадом" янычар и смертоносным огнем стрел из-за него. Остальное снаряжение янычара было очень простым: он не носил никакого оборонительного оружия и был одет только в остроконечную войлочную шапку и струящуюся серую тунику, доходившую до колен. Кроме лука и колчана, он носил скимитар на боку и "ханджар" или длинный нож в поясной сумке. Хотя дисциплинированный фанатизм делал их грозными противниками в ближнем бою, янычары были созданы не для этого. Когда мы видим их штурмующими пролом или возглавляющими атаку, они выходят за пределы своей провинции. Одного отсутствия доспехов было бы достаточно, чтобы показать, что они не предназначены для рукопашных схваток, и примечателен тот факт, что их никогда не удавалось склонить к использованию пики. Как и английские лучники, они использовались либо в оборонительных позициях, либо в качестве дополнения к кавалерии. Восточные войска со времен парфян состояли из огромных масс всадников, и их слабость всегда заключалась в отсутствии какой-то более устойчивой силы, которая могла бы стать ядром сопротивления и стержнем армии. Кавалерия может действовать только в наступлении, но каждый генерал время от времени вынужден переходить к обороне. Однако османам удалось решить проблему создания армии, эффективной как для наступления, так и для обороны, когда Орчан вооружил и обучил янычар. Тимариотские всадники, составлявшие основную часть турецкой армии, мало чем отличались от кавалерии других восточных государств. Нередко они терпели поражения: персидские кавалеристы шаха Исмаила разбили их при Тчалдиране, а мамлюки - при Радаме. Если бы турецкий султан столкнулся с рыцарством Запада только на своих феодальных лошадях, вряд ли можно предположить, что завоевание Балканского полуострова когда-нибудь состоялось бы. Венгерское - возможно, даже сербское - государство, подвергшееся нападению у себя дома, могло в XIV веке вывести на поле боя армии, равные по численности и индивидуально превосходящие османских [всадников](#)¹²³. Но сервы и венгры, как и персы и мамлюки, не обладали солидной и надежной пехотой. Для противостояния дисциплинированным рядам янычар у них были только хаотичные и полувооруженные орды национального сбора. Именно этому мы должны приписать великолепные успехи султанов: как бы ни колебался ход битвы, янычары стояли как скала за своими кольями, и было почти неизвестно, чтобы их сломили. Снова и снова они спасали удачу дня: в тех немногих боях, где не могли, они, по крайней мере, умирали в своих

рядах и спасали честь своего корпуса. При Ангоре они продолжали сражаться долгое время после того, как остатки турецкой армии рассеялись, и в конце концов были скорее истреблены, чем побеждены. Более стойких войск нельзя было найти ни в одной части Европы.

Пожалуй, самым интересным из османских сражений с точки зрения тактики была вторая битва при Коссове (1448). Это не была, в отличие от Варны или Мохача, непродуманная попытка прорвать турецкую линию лобовым наступлением. Иоанн Хуниадес, которого долгий опыт познакомил с тактикой своего врага, попытался обратить против султана Мурада свою собственную привычную схему. Для противостояния янычарам он вывел в центр сильные силы немецкой пехоты, вооруженной ручным огнестрельным оружием, которое ввели гуситы. На флангах венгерское рыцарство должно было справиться с массой тимариотской конницы. Вследствие такого расположения два центра подолгу противостояли друг другу, ни один из них не продвигался вперед, но каждый был занят прореживанием рядов противника, один - арбалетным болтом, другой - пулей. Тем временем на флангах сменяли друг друга отчаянные кавалерийские атаки, пока на второй день валашские союзники Хуниадеса не сдались перед превосходящими силами османов, и христианский центр был вынужден отступить. Бой был настолько отчаянным, что на поле боя осталась половина венгерской армии и треть армии Мурада. Тактический смысл этого сражения был очевиден: хорошая пехота может оказать длительное сопротивление османскому оружию, даже если она не сможет обеспечить победу. Однако этот урок не был до конца усвоен, и только в ходе военной революции XVI века пехоте было суждено сыграть главную роль в противостоянии османам. Ландскнехты и хакбуты Карла V и Фердинанда Австрийского оказались гораздо более грозными противниками султанов, чем доблестная, но недисциплинированная легкая [кавалерия](#)¹²⁴ Венгрии. В значительной степени это объяснялось совершенством тактики пикинеров на Западе. Турки, чью пехоту так и не удалось склонить к принятию этого [оружия](#)¹²⁵, полностью полагались на свое огнестрельное оружие, и их сдерживало сочетание пики и хакбута.

Заметно, что янычары сравнительно рано перешли к использованию огнестрельного оружия. Возможно, именно благодаря эффективности ручного огнестрельного оружия Хуниадеса при Коссове мы видим, что они отказались от арбалета в пользу более нового оружия. Но, во всяком случае, османы полностью осуществили это изменение задолго до того, как оно было окончательно реализовано в Европе, и почти на столетие раньше, чем народы Дальнего [Востока](#)¹²⁶.

Признав всю важность пушек, султаны в равной степени опередили свое время. Взятие Константинополя Магометом II стало, пожалуй, первым событием огромной важности, результат которого определила мощь артиллерии. Легкие орудия предыдущих лет не смогли совершить ни одного подвига, сравнимого по своим результатам с тем, который совершил осадный поезд Завоевателя. Несколько десятилетий спустя мы видим, что линия янычарских аркебузов поддерживалась огнем полевых орудий, часто выдвинутых вперед в большом количестве и соединенных цепями, чтобы предотвратить кавалерийские наскоки в промежутках между [орудиями](#)¹²⁷. Этот прием, как говорят, с большим успехом применялся против врага, превосходящего его по числу всадников, как при Долбеке, так и при Чалдыране.

Превосходство турецкого оружия было окончательно остановлено сочетанием нескольких причин. Главной из них было появление в Центральной Европе постоянных армий, состоящих в большинстве своем из дисциплинированной пехоты. Но не менее несомненно, что многое было связано с тем, что османы после правления Солимана отстали от своих современников в готовности идти в ногу с прогрессом военного мастерства, и это изменение

можно связать с постепенным превращением янычар из корпуса в касту. Следует также помнить, что границу христианства теперь прикрывала не одна изолированная крепость огромной важности, каковой был Белград, а двойная и тройная линия сильных городов, существование которых затрудняло быстрое продвижение турок или получение таких результатов от успеха в одном сражении или осаде, какие были возможны в предыдущем веке.

На военных действиях других народов Восточной Европы останавливаться нет необходимости. Военная история России, хотя и интересная сама по себе, не оказала влияния на общий прогресс военного искусства. С более важным развитием новых тактических приемов в Юго-Западной Европе мы уже имели дело, когда описывали испанскую пехоту в главе, посвященной швейцарцам и их врагам.

Теперь были рассмотрены все системы, имеющие реальный вес и значение. В свержении господства феодальной кавалерии сыграли свою роль и тактика удара, и тактика ракеты: какая из них оказалась более эффективной, сказать трудно. Однако между ними задача была успешно решена. Военная мощь системы, сковавшей всю Европу своими судорожными путями, была разбита вдребезги. Военная эффективность стала атрибутом уже не класса, а целых наций; война перестала быть занятием, в котором феодальное рыцарство находило удовольствие, а все остальное общество - гибель. Военное искусство" вновь стало живой реальностью, делом не традиции, а эксперимента, и энергичный шестнадцатый век стремительно добавлял к нему новые формы и вариации. Средневековые наконец-то закончились, и будоражащий и научный дух современного мира произвел в военном деле преобразования, в результате которых методы средневековой войны стали казаться еще более далекими от стратегии нашего века, чем операции древних в великие времена Греции и Рима.

КОНЕЦ.

ССЫЛКИ:

1 Ср. Вегеций и Морис.

2 Лорд Махон в своей "Жизни Белизария" ошибается, утверждая, что во времена Юстиниана легион уже не был известен. Этот термин упоминается, хотя и редко, у Прокопия, который чаще называет легионные войска οἱ ἐκ τῶν καταλόγων {hoi ek tôn katalogôn}.

3 Ср. Тацит, Анналы, ii. 21.

4 Старые легионы первого века обнаруживаются в полной силе в конце третьего. На монетах британского узурпатора Караузия отмечено, что под его началом служили несколько легионов, которые еще при Клавдии были расквартированы в Британии и Галлии.

5 У него было 132 легиона и "номеров", кроме того, 100 неприсоединенных когорт.

6 См. Гиббон, ii. cap. xvii.

7 См. Тацит, Анналы, ii. 14.

8 Когда римляне полностью отказались от наступательных действий, увеличение армии стало необходимым, так как граница, удерживаемая от набегов, должна быть защищена со

всех сторон. Отсюда призывы и крупные денежные сборы эпохи Константина. Считается, что в его войсках было около полумиллиона человек.

9 См. ὉΥΡΒΙΚΙΟΥ ἘΠΙΤΗΔΕΥΜΑ {OURBIKIOU EPITÊDEUMA}, работу четвертого века, напечатанную в конце парижского издания Арриана 1598 года.

10 Великие магистры пехоты и кавалерии, граф дворца и 45 командиров различных корпусов.

11 Ср. Аммиан Марцеллин с рассказом о толпе египтян в первой битве при Эль-Тебе.

12 "Стратегикон" Мориса, vi.

13 В еще более ожесточенной битве, где армия узурпатора Евгения почти победила Феодосия, мы видим, что именно варварская конница Арбогаста, а не туземная пехота, стала (всего через семь лет после поражения Максима) главной силой Западной империи.

14 Vegetius, bk. i; ii. (15) и iii. (14).

15 Это тевтонское слово получило полное распространение в VI веке.

16 Агафий.

17 Хотя его часто называли "двулезвийным", он не обязательно имел два лезвия: это слово стало просто общим названием для "топора".

18 См. Hewitt's Ancient Armour, vol. i. 8.

19 "Terrae glacialiter adstricti" - слова хрониста.

20 Capitularies, ed. Baluz, i. 508.

21 Короткое оружие типа "франциска", а не длинный датский топор, который впоследствии стал национальным оружием.

22 Если это те "lignis imposita saxa", о которых норманнский хронист Гастингса говорит как об английском оружии.

23 Англосаксонская хроника, под 866 г. н. э. и далее.

24 См. в Roman de Rou, ii. 262:-.

'Hoem ki od hache volt ferir,
Od sez dous mainz l'estuet tenir.
Ne pot entendre a sei covrir,
S'il velt ferir de grant aïr.
Bien ferir e covrir ensemble
Ne pot l'en fair ço me semble.

25 Судьбу единственного из отрядов Веллингтона, попытавшегося развернуться, чтобы оттеснить наседавшую на него пехоту, вполне можно сравнить с судьбой солдат Гарольда. Концентрированный огонь этой тесной линии скирмишеров теперь сильно на преданные квадраты дивизии Альтена. Однако развернуться было невозможно, так как в долине, возле Ла-Хайе-Сент, затаилась вражеская кавалерия. Наконец 5-й линейный батальон Королевского германского легиона, оставив свой квадратный строй, развернулся и двинулся против массы тиральеров. Французы отступили, когда линия продвинулась в атаку; в

следующий момент батальон был яростно атакован полком кюирасиров, которые, зайдя ему во фланг, изрядно потрепали его. Потери были столь велики, что из всего батальона не более 30 человек и несколько офицеров постепенно были собраны на прежнем месте". (Siborne's History of the Waterloo Campaign, ii. pp. 114-15.)

26 Πελεκυφόρος {Pelekuphóros} стал таким простым синонимом англичан в Константинополе, что Анна Комнина считает, что она достаточно точно определяет Роберта Нормандского, когда называет его "братом короля Πελεκυφόροι {Pelekuphóroi}".

27 Эти подробности см. в "Жизни Алексия" Анны Комнины. Она называет полководца варягов Ναμέτης {Namétês} или Ναμπέτης {Nampétês}: какое английское или скандинавское имя это может означать? Учитывая отдаленное сходство некоторых западных имен Анны с их реальными формами, ожидать ответа, пожалуй, безнадежно.

28 См. особенно: "Стратегикон" Мориса (Упсала 1664), написанный около 595 г. н. э.; "Тактика" Льва (Лейден 1612), написанная около 900 г. н. э.; Никифор Фока. 900 г.; "Тактика" Льва (Лейден 1612 г.), написанная около 900 г. н. э.; "Тактика" Никифора Фоки, написанная около 960 г. н. э. ΠΕΡΙ ΠΑΡΑΔΡΟΜΗΣ ΠΟΛΕΜΟΥ {PERI PARADROMÊS POLEMOU} (в Patrologia Minia).

29 Gibbon, v. p. 382.

30 Nic. Pho. Περί παραδρόμης πολέμου {Peri paradromês polemou}, § 17.

31 Ничто так не свидетельствует о военном духе восточной аристократии, как их дуэли: см. дела Прусиана и т. д. в "Греции" Финлея.

32 Leo, Tactica, § 18. Приведенные здесь абзацы представляют собой сжатое изложение советов Льва, а иногда и разъяснение, а не дословный перевод.

33 σκουτάτοι {skoutátoi} - один из любопытных латинских пережитков в византийской военной терминологии. При переводе латинских слов греки не обращали внимания на количество.

34 Много путаницы в военной истории вызвано тем, что авторы приписывают сарацинам стрельбу из лука у турок: последние не владели тактикой стрельбы из лука, а были уланами. Битвы, подобные Дорилеуму, которые приводятся в качестве примера сарацинской войны, на самом деле велись турками.

35 Leo, § 18. 124.

36 Там же.

37 Там же. 120.

38 Leo, Tactica: различные разрозненные упоминания в § 18.

39 Во времена Льва восточные темы еще не были разделены, как это впоследствии сделал его сын Константин. Тогда в Малой Азии было восемь тем, каждая из которых содержала одноименное военное подразделение, и в них можно было рассчитывать примерно на 4000 тяжелой кавалерии. Это были "Армениакон, Анатоликон, Обсекиум, Фрагезион, Кибирриот, Буцелларион и Пафлагония". Оптиматон, девятая тема, не имел (как говорит нам Константин в своем трактате об империи) никаких военных учреждений.

40 План его формирования см. в следующем разделе этого трактата, с. 45.

41 Leo, *Tactica*, 18. 118.

42 Там же. 136.

43 Там же. 118.

44 См. "Малую тактику" полковника Клери.

45 Leo, *Tactica*, 18.

46 Сравните с этим уловку, с помощью которой русская армия вырвалась из скомпрометированной позиции во время отступления перед битвой при Аустерлице. Соглашаясь на перемирие, - писал Кутузов в очень византийском тоне, - я имел в виду лишь выиграть время и таким образом получить возможность удалиться на некоторое расстояние от неприятеля и спасти свою армию". Дюма, xiv. 48.

47 Средневековые смутно чувствовало это, и (как говорит нам Гиббон) итальянские хронисты называют его "первым из греческих императоров".

48 Как, например, император Константин Багрянородный, который в своей книге "Восточные темы" приписывает изобретение "тем" и "тагм" Гераклию.

49 Βάνδον {бандон}, bandum, стало распространенным словом во времена Юстиниана: оно используется как тевтонский эквивалент для "vexillum" в обоих смыслах.

50 Во времена Константина "comes" применялось только к пяти великим офицерам.

51 Это любопытное слово впервые встречается у Вегеция, где оно применяется только к массе варварской армии. (Ср. английское "throng").

52 См. свидетельства монет: название ΠΙΣΤΟΣ ΕΝ ΘΕῷ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΤΩΝ ΡΩΜΑΙΩΝ {PISTOS EN THEŌ BASILEUS TŌN RŌMAIŌN} становится распространенным только при Аморийской династии.

53 См. "Тактику" Льва, xii.

54 Там же, vi.

55 Leo, *Tactica*, vi.

56 Например, κελίκον {келикон} и ματζούκιον {матцукион}.

57 В веке было 10 декурий, но "декурий" состоял из 16, а не из 10 человек: таким образом, в веке было 160 человек. Три века уходили на "отряд", который, таким образом, составлял около 450 человек.

58 Золотая монета, стоимостью, возможно, 12 с. в металлическом эквиваленте.

59 Никифор Фока в своем труде "ΠΑΡΑΔΡΟΜΗ ΠΟΛΕΜΟΥ {PARADROMĒ POLEMOU}" говорит, что "армян никогда нельзя ставить в эту шеренгу пиктов, так как их привычная сонливость по ночам делает их ненадежными".

60 Leo, *Tactica*, iv. § 1.

61 Ничто не дает лучшего представления о реальном военном характере византийской аристократии, чем знакомство с любопытным романом X века о Дигенесе Акритасе, члене дома Дукасов, который является "клизурархом" перевалов Тавра и совершает своей могучей

булавой все подвиги рыцарского героя. Он действительно существовал и носил имя Василий Пантериос. См. *Revue des Deux Mondes*, vol. 118.

62 Юстас де Рибомон, например, который дал безумно непрактичный совет, проигравший битву при Пуатье, был, как нам говорят, офицером высоких способностей.

63 Например, кампания Черного принца в Южной Франции до битвы при Пуатье была всего лишь огромным и разрушительным набегом. Он не осаждал ни одного важного города и не пытался создать никаких постов, чтобы командовать страной, через которую он проходил.

64 Трудности, с которыми столкнулись Эдуард III и Генрих V при переходе через Сомму, не менее примечательны.

65 "Capitales barones suos cum paucis secum duxit, solidarios vero milites innumeros." Rob. de Monte, 1159.

66 Классическими примерами успешного использования шахты в Англии являются захват Рочестерского замка в 1215 году и Бедфордского замка в 1224 году, на которые были затрачены колоссальные средства.

67 Возрождение старой римской системы укреплений.

68 Так, например, поступил Эдуард III перед Кале. Он укрепил все подходы, проходимые для армии, и спокойно ждал в своих рядах.

69 Это было заимствовано либо у византийцев, либо у сарацин: оно совершенно отличается от грубой дубины, которую иногда находят на Западе в более ранние времена, как, например, в руках епископа Одо в Гастингсе.

70 См., например, случай, приведенный в книге фон Эльггера "Kriegswesen der Schweizerischen Eidgenossen", где патриций Констанца отказался принять бернский плапперт (мелкую монету) в оплату пари и презрительно назвал изображенного на нем медведя коровой, конфедераты восприняли это как национальное оскорбление и опустошили территорию Констанца без всякого объявления войны.

71 Например, в Новаре после битвы они предали смерти несколько сотен немецких пленных.

72 См. комментарии Монлюка.

73 В Морате контингент только из Берна взял с собой (помимо большого штандарта кантона) флаги двадцати четырех городов и районов (Тун, Аарау, Ленцбург, Интерлакен, Бургдорф, Хаслиталь, Эмменталь и т. д. и т. п.), а также восьми ремесленных гильдий и шести других объединений.

74 Алебарда отличалась от английского "браун-билла" только наличием шипа.

75 "Утренняя звезда" представляла собой булаву длиной в пять футов, утыканную на конце железными шипами. Она исчезла к середине XV века. Молот Люцерна" был похож на алебарду, но имел три изогнутых зубца вместо лезвия секиры: он наносил ужасные зазубренные раны.

76 Macchiavelli, *Art of War*, tr. Farnsworth, p. 32.

77 Маккиавелли даже говорит, что пикинеры в его время не носили стальной колпак, который был присущ только алебардистам. Однако из других источников можно сделать вывод, что это преувеличение.

78 См. "Карл Смелый" Кирка, книга iv. глава 2.

79 При Морате, согласно Коммину, их было почти треть, 10 000 из 35 000. При Арбеде они составляли седьмую часть: среди конфедератов, присоединившихся к Карлу VIII во время его похода на Неаполь, только десятая часть.

80 Например, лесные кантоны были категорически против бернской политики вступления в войну с Карлом Смелым; но их войска не хуже остальных послужили при Грансоне или Морате.

81 Положение Рудольфа фон Эрлаха как главнокомандующего при Лаупене было совершенно исключительным. Если в вышеупомянутых случаях мы слышим о швейцарских командирах, то должны помнить, что они являлись координаторами власти, среди которых один человек мог оказывать большее влияние, чем другой, но только благодаря своему личному превосходству, а не по законному праву. Было бы ошибкой утверждать, что Рене Лотарингский формально командовал в Морате или Нанси.

82 У Маккиавелли есть очень четкий рассказ об этой форме наступления, см. *Arte de Guerra*, tr. Farnsworth, book iii.

83 См. Elgger's *Kriegswesen der Schweizerische*, etc. p. 280.

84 См. также Эльггер.

85 *Arte de Guerra*, tr. Farnsworth, p. 57.

86 Подробно цитируется в Elgger.

87 В Бэннокберне шотландцы хорошо использовали свою кавалерию, которая, хотя и не была сильной, давала им преимущество, которого не было у швейцарцев при Лаупене.

88 Точно так же в битве при Штандарте английские рыцари разделись, чтобы встретить яростный натиск гальвежцев.

89 Численность, которую швейцарские хронисты допускают для присутствия при Семпахе, очевидно, преуменьшена. Там находились все силы четырех кантонов, но нам говорят лишь о 1500 человек! Однако *три* кантона за семьдесят один год до этого выставили на поле боя столько же, а теперь к ним присоединилась густонаселенная земля Люцерн.

90 Конфедераты формировали свою колонну в Семпахском лесу, когда артиллерия Леопольда открыла по ним огонь.

"С длинными копьями, выровненными перед боем, они стояли,
И из пушек стреляли по тем, кто в лесу;
Для добрых конфедератов битва не была сладкой,
Когда вокруг могучие ветви падали к их ногам".

[Приблизительный перевод современной "Земпахерлид" Хальбшутера].

91 Сисмонди, который пишет об этой битве исключительно на основе швейцарских источников, производит совершенно иное впечатление, чем Макиавелли. Последний ссылается на Арбеде как на самый известный чек, полученный швейцарцами, и оценивает их потери в несколько тысяч человек ("Arte de Guerra", tr. Farnsworth, p. 33). Мюллер, очевидно, пытается преуменьшить значение чека; но, зная характер швейцарцев, мы можем судить, насколько сильным должно было быть давление, чтобы заставить офицера Конфедерации задуматься о капитуляции. Сорок четыре члена кантональных советов Люцерна пали в бою: "Контингент Люцерна пересек озеро четырех кантонов на десяти больших баржах, когда отправлялся в эту экспедицию: он вернулся на двух!" Эти факты, признанные самими швейцарцами, показывают, что цифра в 400 человек для их потерь абсурдно занижена.

92 Из люцернского "Raths-Protocoll" 1422 года: "Da es den Eidgenossen nicht so wohl ergangen seie," etc.

93 Однако даже герцог говорил, что "против швейцарцев никогда не стоит выступать неподготовленным". Панагирола, цитируется по Kirk, vol. iii.

94 "Если мы нападём на Ромон, - сказал Ульрих Кетци на военном совете швейцарцев, - то, пока мы будем бить его, у герцога будет время и возможность сбежать; давайте обойдем холмы против основной части, и когда она будет разбита, мы возьмем остальных без единого удара". Это свидетельствовало о настоящем тактическом мастерстве.

95 Machiavelli, Arte de Guerra, book ii.

96 Фрундсберг, старый капитан ландскнехтов, холодно и деловито рассказывает об этих потрясениях: "Wo unter den langen Wehren etliche Glieder zu grund gehen, werden die Personen, so dahinter stehen, etwas zaghaft," etc.

97 Двуручный меч почти полностью, а "утренняя звезда" и "люцернский молот" совсем исчезли из употребления к концу пятнадцатого века.

98 Machiavelli, Arte de Guerra, book ii. p. 34.

99 Любопытно, что Чака, один из предшественников Цетивайо на посту короля зулусов, решил эту проблему. Он взял сто человек и вооружил их щитом и "коротким ассегаем" - колющим оружием, напоминающим по своему назначению меч, а не копье. Затем он поставил их сражаться с другой сотней, вооруженной щитом и "длинным ассегаем" - тонким копьем, которое раньше было оружием его племени. Обладатели более короткого оружия с легкостью одержали победу, и после этого король приказал принять его на вооружение всей армии зулусов. Именно это изменение изначально обеспечило зулусам превосходство над своими соседями.

100 Machiavelli, Arte de Guerra, book ii.

101 См. "Итальянскую историю" Сисмонди, т. ix. стр. 213.

102 Например, маленький лучник, приседающий под щитом бога, как Тевкер под защитой Аякса.

103 Giraldus Cambrensis, Itin. Cambriæ, с. 3, говорит о валлийских лучниках как о способных послать стрелу сквозь дубовую дверь толщиной в четыре пальца. Жители Гвента (Монмута и Гламоргана) считались лучшими лучниками. Жители Северного Уэльса всегда были копьеносцами, а не лучниками.

104 Stubbs' Select Charters, p. 374.

105 В платежной ведомости гарнизона замка Руддлан за 1281 г. мы находим "уплачено Джеффри ле Чемберлину на жалованье двенадцати арбалетчиков и тринадцати лучников за двадцать четыре дня 7 фунтов 8 *шиллингов*, каждый арбалетчик получил по 4 д., а каждый лучник по 2 д."

106 Nic. Trivet, Annales, 282.

107 Нет необходимости прибегать к помощи вероломства, как это часто делали историки, чтобы объяснить разгром войска, насчитывавшего сотни, войском, насчитывавшим тысячи.

108 Характеристика их потомков во втором десятилетии нынешнего века.

109 320 миль за восемнадцать дней; скорость, превосходящая все непрерывные марши, зафиксированные в последние годы.

110 О маршрутных колоннах Генриха см. в "Тактике французских армий в эпоху Средневековья" Виолле-ле-Дюка.

111 См. Viollet-le-Duc's Tactique des Armées Françaises au Moyen Age, p. 300.

112 "Gladio ad usum fossarum verso, et ungue verrente tellurem concavant: et ante se campum equis inadibilem mira hostium astucia efficiebat. Blondel, iv. 6.

113 "Et si Anglici, incaepo conflictu praestantes, Gallos retrogressos insequi ansi fuissent," etc. Blondel, iv. 7.

114 "Fusis enim Anglorum bellis robusti quingenti sagittarii in hortum sentibus conseptum prosiliunt ... ac inexorabili Gallorum ferocitate, ut quisque genu flexo arcum traderet, [in sign of surrender] omnes (nec unus evasis) gladio confodiuntur. Blondel, iv. 8.

115 Графтон, Генрих VI, год xxvii.

116 Холл.

117 Поскольку вся страна была недовольна и готова - как показали события осени - к восстанию в пользу Уорика или Генриха VI, подавление восстания в Линкольншире и изгнание короля-изготовителя были выдающимися достижениями.

118 Должно быть, это произошло в Страдуотере, поскольку Эдуард шел из Вутон-андер-Эджа через Страуд и Пейнсвик на Челтнем.

119 Сомерсет объяснил это предательством лорда Уэнлока, командующего "центральным сражением", который был последователем Уорика, а не старым ланкастерцем. Убегая от наступающих йоркистов, он подъехал к Уэнлоку и, не говоря ни слова, зарубил его своим боевым топором.

120 Графтон.

121 Говорят, что в 1470 году Эдуард IV имел в своем распоряжении небольшой отряд немцев с "ручными пушками". Более известен отряд из 2000 хакбутов, который граф Линкольн привел в Сток в 1487 году. Имя их предводителя, Мартина Шварта, сохранилось в балладах того времени.

122 Прекрасное описание тактики гуситов см. в Denis, Hus et la Guerre des Hussites.

123 Мы знаем, что в первой битве при Коссове союзные сервы и боснийцы превосходили турок числом.

124 Уже с середины XV века известны как "гусары".

125 Монтекукули отмечает, что даже в его время, далеко в XVII веке, турки еще не взяли на вооружение пику.

126 Аркебус и пушка были новинкой для мамлюков уже в 1517 году, если верить рассказу Каит-бея.

127 Считается, что Ричард III принял этот способ при Босворте.

Примечания транскриптора

Пунктуация и орфография были приведены в соответствие, когда в книге преобладали те или иные предпочтения; в остальном они не изменялись.

Простые опечатки были исправлены; отдельные несбалансированные кавычки сохранены.

Неоднозначные дефисы в конце строк были сохранены. Непоследовательное дефисное написание сохранено.

В книге используются слова "темы" и "темы", "Цюрих" и "Цюрих", "вознесение" и "вознесение".

Латинизированные транслитерации греческого языка приблизительны.

Стр. 22: "develope" было напечатано так.

Стр. 28: "Patrologia" было напечатано несовершенно.

Стр. 123: "четырнадцатого и пятнадцатого веков" было напечатано так.